

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2077-5598
№ 3, 2021

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АГРОСИСТЕМЫ:**
экономика и социология
электронный научный журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:
Эл № ФС-77-34226
от 26.11.2008 г.*

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».

№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
Федеральное
государственное
бюджетное учреждение
науки Институт аграрных
проблем Российской
академии наук

*Адрес учредителя,
редакции:*
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АПК

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИСТЕМА РОССИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ФУНДАМЕНТАЛЬНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ И ПРОГНОЗИРОВАНИЮ

*Анфиногентова А.А., академик РАН, д.э.н., Яковенко Н.А., д.э.н.,
Осовин М.Н., к.э.н., ИАгП РАН*

FOOD SYSTEM OF RUSSIA IN THE WORLD ECONOMY: NEW APPROACHES TO FUNDAMENTAL RESEARCH AND FORECASTING

*Anfinogentova A.A., academician of RAS, doctor of economic sciences,
Yakovenko N.A., doctor of economic sciences,
Osovin M.N., candidate of economic sciences, IAgP RAS*

-5-

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

Яковенко Н.А., д.э.н., Иваненко И.С., к.э.н., ИАгП РАН

FEATURES OF THE MODERN STAGE OF IMPORT SUBSTITUTION IN THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX OF RUSSIA

*Yakovenko N.A., doctor of economic sciences,
Ivanenko I.S., candidate of economic sciences, IAgP RAS*

-19-

СОЧЕТАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ, ОТРАСЛЕВЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РОСТА ПРОИЗВОДСТВА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Андрющенко С.А., д.э.н., ИАгП РАН

A COMBINATION OF FEDERAL, SECTORIAL AND REGIONAL PROGRAMS FOR THE GROWTH OF FOOD PRODUCTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Andryushchenko S.A., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-28-

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ

Бурлаков В.Б., к.э.н., ИАгП РАН

FEATURES OF MODERN TRENDS OF DOMESTIC PRACTICE OF ORGANIZATION OF AGRICULTURAL CONSUMER COOPERATIVES ACTIVITIES

Burlakov V.B., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-40-

ФОРМИРОВАНИЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Потапов А.П., к.э.н., ИАгП РАН

FORMATION OF RESOURCE POTENTIAL OF AGRARIAN PRODUCTION AS A FACTOR OF FOOD SECURITY IN RUSSIA

Potapov A.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-49-

УСТОЙЧИВОСТЬ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АПК

Остапенко Т.В., к.э.н., ИАгП РАН

SUSTAINABILITY OF INTER-SECTORAL RELATIONS AS A FACTOR OF COMPETITIVENESS OF AGRI-FOOD COMPLEX

Ostapenko T.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-55-

**РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА ТРАНСФЕРА
ТЕХНОЛОГИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ**

Уколова Н.В., д.э.н., Шиханова Ю.А., к.э.н., ФГБОУ ВО Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова

**DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMMUNICATION
TECHNOLOGIES AS A WAY TO INCREASE THE EFFICIENCY
OF THE TECHNOLOGY TRANSFER PROCESS IN AGRICULTURE**

-62-

*Ukolova N.V., doctor of economic sciences,
Shikhanova Y.A., candidate of economic sciences,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ В АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Монахов С.В., к.э.н., ИАгП РАН

**FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF TECHNOLOGY TRANSFER
IN THE AGRICULTURAL ECONOMY**

-68-

Monakhov S.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА**

**МЕЖОТРАСЛЕВОЙ АНАЛИЗ УСЛОВИЙ И ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ВЕКТОРА КОНЕЧНОГО ПРОДУКТА
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ**

Решетникова Е.Г., д.э.н., Иосипенко В.Д., к.э.н., ИАгП РАН

**INTER-SECTORAL ANALYSIS OF CONDITIONS AND FACTORS
OF REGIONAL DIFFERENTIATION OF THE VECTOR OF THE
FINAL PRODUCT OF THE AGRI-FOOD COMPLEX OF RUSSIA**

-72-

*Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences,
Iosipenko V.D., candidate of economic sciences, IAgP RAS*

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И МЕХАНИЗМЫ ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЖИВОТНОВОДЧЕСКОГО
ПОДКОМПЛЕКСА**

Васильченко М.Я., к.э.н., ИАгП РАН

**STRATEGIC PRIORITIES AND MECHANISMS
FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE PRODUCTION CAPACITY
OF THE LIVESTOCK SUBCOMPLEX**

-80-

Vasilchenko M.Ya., candidate of economic sciences, IAgP RAS

**ПЕРСПЕКТИВЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ОБОРОТ НЕИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ**

Бондаренко Ю.П., к.э.н., ИАгП РАН

**PROSPECTS FOR ABSORPTION OF UNUSED LANDS
IN THE REGIONAL SPACE OF RUSSIA**

-89-

Bondarenko Yu.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ПЛОДОВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Липницкая В.В., д.э.н., Бурачевский А.А., к.э.н., БГАТУ

**TRENDS AND PROSPECTIVE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT
OF FRUIT GROWING IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

-106-

*Lipnitskaya V.V., candidate of economic sciences,
Burachevski A.A., candidate of economic sciences, BSATU*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ
УСТОЙЧИВЫМ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО
КОМПЛЕКСА И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ
КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ И ПАНДЕМИИ**

Семенов С.Н., д.э.н., Ржевская М.Я., ст. лаборант, ИАгП РАН

**METHODOLOGICAL ISSUES OF IMPROVING THE MANAGEMENT
OF SUSTAINABLE SPATIAL DEVELOPMENT OF THE
AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX AND RURAL TERRITORIES
IN THE CONDITIONS OF EXACERBATION CRISIS AND PANDEMIC**

-113-

*Semenov S.N., doctor of economic sciences,
Rzhevskaya M.Ya., research assistant, IAgP RAS*

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ
СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ПОЛНОЦЕННОГО СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕСУРСА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫСОКОЙ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АПК РОССИИ**

Рубцова В.Н., д.э.н., ИАгП РАН

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF FORMATION
OF THE RURAL HEALTH CARE AS A SOCIAL
AND ECONOMIC RESOURCE TO ENSURE THE COMPETITIVENESS
OF THE RUSSIAN AIC INDUSTRY**

-124-

Rubtsova V.N., doctor of economic sciences, IAgP RAS

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПОСЛЕДСТВИЙ ПАНДЕМИИ COVID-19 ДЛЯ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ**

Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАгП РАН

**METHODOLOGICAL APPROACHES TO STUDYING SOCIO-ECONOMIC
IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC FOR FAMILIES WITH CHILDREN**

-133-

Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

**ХАРАКТЕР ВЛИЯНИЯ УСЛОВИЙ И ФАКТОРОВ НА СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ
МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ**

Нечаева И.В., к.социол.н., ИАгП РАН

**INFLUENCE OF CONDITIONS AND FACTORS ON SOCIAL
RESOURCES OF SMALL BUSINESSES**

-142-

Nechaeva I.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

Научная статья
УДК 338.43.02

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИСТЕМА РОССИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ФУНДАМЕНТАЛЬНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ И ПРОГНОЗИРОВАНИЮ¹

Анна Антоновна Анфиногентова¹, Наталия Анатольевна Яковенко²,
Максим Николаевич Осовин³
^{1 2 3} Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье обоснована назревшая необходимость разработки новых подходов к исследованию продовольственной системы России в составе мировой экономики, обусловленная ускорением трансформационных процессов, возрастающей неопределенностью, новыми вызовами и угрозами. Определены стратегические направления этих исследований, учитывающие программу Саммита ООН по устойчивости продовольственных систем мира. Обоснована необходимость новых подходов к фундаментальному исследованию и прогнозированию ключевых проблем обеспечения продовольственной безопасности России и мира.

Ключевые слова: продовольственная система, устойчивость, Саммит ООН, инновации, доступность продовольствия, конкурентоспособность, цифровизация экономики.

Для цитирования: Анфиногентова А.А., Яковенко Н.А., Осовин М.Н. Продовольственная система России в мировой экономике: новые подходы к фундаментальному исследованию и прогнозированию // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С. 5-18.

Original article

FOOD SYSTEM OF RUSSIA IN THE WORLD ECONOMY: NEW APPROACHES TO FUNDAMENTAL RESEARCH AND FORECASTING

Anna A. Anfinogentova¹, Natalia A. Yakovenko², Maxim N. Osovin³
^{1 2 3} IAGP RAS, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article substantiates the urgent need to develop new approaches to the study of the Russian food system as part of the world economy, due to the acceleration of transformation processes, increasing uncertainty, new challenges and threats. The strategic directions of these studies are determined, taking into account the program of the UN Summit on the sustainability of the world's food systems. The necessity of new approaches to fundamental research and forecasting of key problems of ensuring food security in Russia and the world has been substantiated.

Key words: food system, sustainability, UN Summit, innovation, food availability, competitiveness, digitalization of the economy.

For citation: Anfinogentova A.A., Yakovenko N.A., Osovin M.N. Food system of Russia in the world economy: new approaches to fundamental research and forecasting. Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3):5-18.

Введение.

Устойчивое развитие глобальной продовольственной системы в предстоящие десять лет является одной из первоочередных задач, на решение которой направлены усилия мирового сообщества. Этим проблемам посвящен Саммит ООН по продовольственным системам, который состоялся в Нью-Йорке по инициативе Генерального секретаря ООН Антониу Гуттериша. Саммит был посвящен обсуждению ключевых проблем обеспечения глобальной продовольственной безопасности.

На предварительном Саммите ООН, который проходил в Риме 26–28 июня 2021 г., обсуждались новые подходы к трансформации продовольственных систем, был принят ряд новых обязательств через коалиции действий, обоснованы новые обязательства в финансировании и партнерстве. Важнейшими результатами предварительного Саммита стали объединение лучших идей, определение приоритетов и выработка общего видения, которое положено в основу заявления Генерального секретаря ООН на Саммите, где было объявлено о новых обязательствах по поддержке трансформации продовольственных систем и продвижению кардинальных решений посредством многостороннего сотрудничества. В преддверии Саммита главам государств, общественным организациям и частным компаниям была предоставлена возможность продвигать свои обязательства и привлекать к участию в Саммите партнеров. В процессе обсуждения постоянно подчеркивалась важность продовольственных систем для прогресса в области климата, развития здравоохранения, защиты прав человека и других глобальных приоритетов [1].

Предварительный Саммит открыл генеральный директор ФАО, доктор Цюй Дунъюя, который приветствовал участников Саммита, подчеркнул его исключительную важность для преобразования мировых агропродовольственных систем и достижения целей в области их устойчивого развития. Участников Саммита приветствовал заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации Вершинин С.В., который в своем выступлении подчеркнул значение Саммита для трансформации глобальных продовольственных систем во всех государствах мира, а также отметил значение обновленной Доктрины продовольственной безопасности России для обеспечения страны основными видами сельскохозяйственной продукции и качественными продуктами питания. В его выступлении была подчеркнута роль России в повышении уровня глобальной продовольственной безопасности и участие страны в реализации проектов ФАО, необходимость учета разнообразия продовольственных систем, различий в уровнях развития государств, традициях ведения сельского хозяйства и питания, важность отражения в итоговых документах Саммита только согласованных подходов и предложений [2].

В рамках подготовки к предстоящему Саммиту по продовольственным системам были организованы Независимые диалоги, которые являются одним из трех основных компонентов Диалогов на высшем уровне. Независимые диалоги были призваны привлечь максимально широкий круг заинтересованных участников для обсуждения состояния продовольственного сектора, а также внести практический вклад в решение многочисленных вызовов в области продовольственной безопасности. Всего с ноября 2020 года по март 2021 года было проведено 98 Независимых диалогов, в которых приняли участие более 10 тысяч человек. Важной особенностью диалогов стало осознание высокого уровня сложности, взаимозависимости и хрупкости региональных продовольственных систем, признание необходимости синергии государства, бизнеса и науки для поиска выхода из создавшейся кризисной ситуации, выбора ориентиров для будущего международного сотрудничества и общего вектора трансформации глобальных продовольственных систем.

В преддверии Саммита ООН в мире активизировались дискуссии по ключевым проблемам его программы, с которыми необходимо ознакомиться исследователям Института аграрных проблем Российской академии наук (ИАгП РАН) для использования в научных исследованиях. Наиболее существенными из них были специальная сессия ФАО с Шанхайской организацией сотрудничества, а также независимые диалоги с предпринимателями России.

Целью статьи является обоснование необходимости актуализации результатов фундаментальных научных исследований проблем устойчивости и конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России на основе критической оценки материалов по подготовке и проведению Саммита ООН по продовольственным системам.

Методика исследования.

В работе были использованы программные документы ФАО, материалы и документы, содержащие информацию о деятельности организации. Рассмотрены и проанализированы методы и направления взаимодействия ФАО с ее партнерами. Дана критическая оценка итогов национального диалога в РФ по продовольственным системам, вовлеченность исследований Института аграрных проблем РАН в решение приоритетных проблем в области продовольственной безопасности и трансформации продовольственных систем.

Результаты исследования.

Важным событием Предварительного саммита была организация сессии ФАО и предпринимателей России. На открытии сессии были приведены следующие цифры. В 2019 г. в мире было 680 млн голодающих из 8 млрд населения планеты. В 2020 г. прирост числа людей, страдающих от голода, составил 130 млн чел., 2 млрд чел. не имели полноценного питания, а 3 млрд чел. не могли обеспечить себе питание в соответствии с требованиями современной науки. Участников сессии приветствовал специальный представитель ФАО А. Джойс, который высоко оценил вклад частного сектора в обеспечение продовольствием планеты и обосновал стратегию взаимодействия ФАО с частным сектором, а также подчеркнул необходимость новых контактов с банками, крупными национальными и международными организациями, представителями малого и среднего бизнеса, обладающими существенным инновационным потенциалом. А. Джойс заявил, что ФАО имеет представительства в десяти странах мира, осуществляет экспертизы по оценке проектов для предотвращения запрещенных видов деятельности, развития технического сотрудничества, мобилизации ресурсов. ФАО участвует в программе сокращения зоны пустыни в Африке, рационального использования удобрений и многих других инновационных проектах.

В ФАО утверждена стратегия взаимодействия с частным бизнесом на 2021–2025 гг., в которой намечены контакты с благотворительными организациями, малым и средним бизнесом. ФАО имеет устойчивые деловые связи с Европейским банком реконструкции и развития, Всемирным банком и многими другими организациями.

В ФАО утверждена новая должность заместителя по науке для реализации задач поддержки инвестиций в стратегические цели, снижения рисков, обмена большими базами данных и их распространения на основе взаимодействия с национальными академическими программами. В процессе диалога выступила представитель крупнейшей ритейл-компании, объединяющей 300 тыс. сотрудников в 70 регионах. В целом компания ежедневно обслуживает 15 млн чел. В программе компании предусмотрен прирост (до 2030 г.) на 30% число семей, получающих бесплатную продовольственную помощь, а также намечена программа поддержки социально-незащищенных категорий населения, повышения доли свежих овощей и фруктов до 50% в ассортименте, а также другие мероприятия.

В независимом бизнес-диалоге приняли участие компания «Уралхим» и Министерство промышленности и торговли РФ, организовавшие «FoodNet 2020» с программой до 2035 г. для реализации растительной альтернативы в питании населения, развития «умного» сельского хозяйства и «умной» логистики, а также роботизации и цифровизации продовольственных систем. В докладе представителя компании была подчеркнута необходимость персонализации питания, развития биотехнологий и существенных изменений на рынке мяса и мясопродуктов к 2035 г. в связи с тем, что предусмотрено уменьшение потребления мяса, полученного традиционным способом, с 70 до 40%.

Особое внимание участники специальной сессии ФАО уделили обоснованию необходимости кардинального изменения в стратегии управления продовольственными системами с использованием современных цифровых технологий. Была подчеркнута необходимость отслеживания цепочек поставок продовольствия, обеспечение диалога по содержанию норма-

тивных документов, а также стратегических диалогов по вопросам технического сотрудничества, управления инвестициями, регулирования деятельности сетевых магазинов.

Независимый диалог представителя России в ФАО и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по проблемам Саммита ООН, посвященного устойчивости продовольственной системы мира, как часть программы предварительного Саммита состоялся в августе 2021 г. [1]. В дискуссии было отмечено, что в предварительном Саммите приняли участие 145 стран. Была подчеркнута необходимость объединения потенциалов стран ШОС для борьбы с голодом на планете. Страны, входящие в ШОС - Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан, представляют основанную в 2001 г. субрегиональную международную организацию и занимают 61% территории Евразии. В странах ШОС живет четвертая часть населения земли.

В ходе независимого диалога в докладах представителей ФАО и ШОС были затронуты ключевые проблемы обеспечения глобальной продовольственной безопасности. Основными проблемами являются обеспечение инновационного развития и устойчивой трансформации продовольственных систем всех стран мира на основе внедрения биотехнологий, биоэкономики, «умного» сельского хозяйств как условий успешного развития фермерских хозяйств, кооперативов, сокращения оттока населения из сельских регионов. Руководители ФАО и ШОС подчеркнули огромное значение сотрудничества в борьбе с изменениями климата, засухой, наводнениями и пожарами, необходимость обеспечения устойчивости продовольственных систем, организации постоянных диалогов по их состоянию и перспективам развития.

Вторая часть независимого диалога ФАО и ШОС была посвящена выступлениям представителей стран, входящих в его состав. Китай был одним из активных участников диалога по устойчивости продовольственных систем. Его представитель подчеркнул особое значение для страны подъема сельскохозяйственного производства и сокращения бедности населения, которое идет с опережением в десять лет. В Китае осуществляется техническое и технологическое перевооружение отраслей агропродовольственного комплекса, внедряются новые технологии в соответствии с плановыми заданиями. Была подчеркнута необходимость предпринимать конкретные шаги по технической поддержке, обеспечению экономического прогресса, стабильности и безопасности, использованию новых технологий, сокращению потери продовольствия, обмену опытом и новыми технологическими решениями. В Китае существенно улучшилось снабжение населения продовольствием, но засухи и наводнения усложняют процесс управления. Китай внедряет «зеленые» технологии, развивает систему водосбережения и сокращения выбросов парниковых газов, а также принял меры по развитию низкоуглеродного сельского хозяйства. Страна стремится к гармонии между человеком и природой, сокращению использования пестицидов, снижению уровня загрязнения почв, проводит исследования по состоянию природных ресурсов, сокращению потерь продовольствия в процессе его хранения, расширяет возможности молодежи, участвующей в развитии агропродовольственного комплекса.

В выступлении представителя Казахстана была подчеркнута необходимость решения проблемы роста объемов производства растениеводческой продукции, эффективного управления водными ресурсами, увеличения экспорта продукции, объем которого не снизился даже в годы пандемии. Была поставлена задача технического и технологического перевооружения отраслей агропродовольственного комплекса, подчеркнута значимость Саммита для дальнейшего развития продовольственной системы Казахстана.

Представитель Кыргызстана отметил необходимость роста уровня доходов населения и потребления продовольствия. В стране разработаны нормативные документы по развитию кластеров для глубокой переработки сельскохозяйственного сырья и обеспечения экологической устойчивости. Правительство страны взяло на себя обязанности довести самообеспечение продовольствием населения до 70%, а также использовать возможности торговли углеродными квотами, повышать уровень переработки сельскохозяйственного сырья, развивать кооперацию.

Участников независимого диалога приветствовал ректор Московского государственного университета пищевых производств. Независимый диалог ФАО и ШОС завершился ознакомлением его участников с основными положениями доклада России «Навстречу Саммиту ООН по продовольственным системам: российские приоритеты, достижения и задачи», в котором подведены итоги национального диалога в Российской Федерации [2].

Независимый бизнес-диалог в рамках подготовки Саммита был организован Российским союзом промышленников и предпринимателей в апреле 2021 г. [1]. В ходе диалога особое внимание было уделено обоснованию программы Саммита, в которой, по мнению участников, должны найти отражение интересы российских предпринимателей, направленные на развитие экспорта продукции агропродовольственного комплекса. В дискуссии обсуждались проблемы определения понятия «устойчивость», оценки структуры внешнеэкономических связей России, закономерности формирования продуктовых цепочек, включающих логистические звенья, и многие другие проблемы, входящие в программу Саммита. Участники независимого диалога попытались дать свою трактовку понятию «устойчивость», опираясь на утверждение, что эффективное использование земли означает, что мы не только должны оставить ее в хорошем состоянии будущим поколениям, но обязаны улучшить качество сельскохозяйственных угодий и экологический вектор планеты.

Плодотворным было обсуждение одного из спорных пунктов повестки дня Саммита о существенном повышении уже в ближайшем будущем доли мяса и молока растительного происхождения в рационе всего населения планеты. Участники дискуссии пришли к выводу о недопустимости навязывать подобные радикальные решения всем странам, не учитывая традиции, климатические условия и социально-экономические особенности каждой из них.

Следует особо подчеркнуть высокий научный уровень дискуссии, в которой нашли отражение ключевые проблемы предстоящего Саммита. Особое внимание было уделено проблеме конкурентоспособности российского экспорта продовольствия, в котором преобладает продукция сельского хозяйства. Участники дискуссии пришли к выводу, что сложившаяся структура российского экспорта обусловлена особенностями системы формирования стандартов на экспортную продукцию, где определяющую роль играют частные компании. Значительный интерес участники дискуссии проявили к сообщению о логистических цепочках, обеспечивающих экспорт продукции агропродовольственного комплекса по транссибирской магистрали. В ходе дискуссии особое внимание было уделено проблеме снижения углеродного следа в связи с производством сельскохозяйственной продукции.

В процессе обсуждения проблем Саммита ООН по устойчивости продовольственных систем было подчеркнуто значение научных исследований. В связи с этим необходимо обратить особое внимание на развитие фундаментальных исследований ИАГП РАН по проблемам обеспечения доступности продуктов питания для населения, повышения устойчивости и конкурентоспособности российского агропродовольственного комплекса в составе мировой экономики [3].

Проблемы обеспечения продовольственной безопасности и развития продовольственных систем России всегда были в центре внимания научных исследований Института аграрных проблем Российской академии наук. Особенность исследований Института заключается в реализации межотраслевого и междисциплинарного подходов к анализу и прогнозированию развития агропродовольственного комплекса. Это соответствует методологическому подходу ФАО к сущности продовольственных систем. «Продовольственные системы объединяют различные элементы и виды деятельности, связанные с производством, обработкой, распределением, переработкой и потреблением продовольствия, а также результаты такой деятельности, в том числе социально-экономические и экологические. Концепция продовольственных систем отражает комплексные взаимосвязи между функционированием продовольственных систем и общими факторами изменений» [4, с. 15].

В условиях финансово-экономической нестабильности, расширения рисков, углубления противоречий в мировой экономике становится востребованным межотраслевой подход к определению структуры агропродовольственного комплекса и природы межотраслевого

обмена, формированию доходов и эффективного спроса, инвестиционного процесса в реальном секторе экономики, прогнозных исследованиях продовольственного рынка, обосновании стратегии инновационного развития агропродовольственного комплекса. Межотраслевой подход, основу которого составляет закон системного взаимодействия производственных звеньев конечного и промежуточного производств, необходим для организации управления вертикально интегрированной экономической системой, обеспечивающей появление новых источников и движущих сил экономического роста. Вместе с тем реализация системного подхода позволяет дать комплексную оценку состоянию продовольственной безопасности страны, включающую исследование параметров физической и экономической доступности продовольствия для всех социальных групп населения, определение продовольственной независимости страны, измерение устойчивости и надежности национального агропродовольственного комплекса.

Использование принципов межотраслевой аграрной экономики к исследованию продовольственной безопасности, включающих изучение социальных, экономических, экологических и демографических условий ее достижения, позволило определить сущность категории «продовольственная безопасность», предложить показатели, характеризующие критерии и пороговые значения продовольственной безопасности страны, обосновать направления роста платежеспособного спроса на продовольствие, обеспечения экономической доступности продуктов питания для всех слоев населения, смягчения социально-экономической дифференциации, снижения избыточного неравенства и продовольственной бедности. Исследования доказали необходимость перехода от «точечной» трактовки показателей продовольственной безопасности, измеряемой долей импорта в совокупном потреблении продуктов, к системе межотраслевых параметров для всех звеньев продовольственного комплекса [5 - 8].

Новая концепция продовольственной безопасности, разработанная ФАО, базируется на следующих критериях – наличия и доступности продуктов питания, использования и стабильности, субъектности и устойчивости. «Устойчивость – это способность продовольственных систем в долгосрочной перспективе обеспечивать продовольственную безопасность и питание для всего населения так, чтобы не ставить под угрозу экономическую, социальную и экологическую базу для обеспечения продовольственной безопасности и питания будущих поколений» [4, с. 15]. Успешное функционирование глобальной продовольственной системы является одним из ключевых факторов устойчивого развития мировой экономики, что признается на общемировом уровне [9, 10]. В условиях новых вызовов российский агропродовольственный комплекс может стать драйвером восстановления национальной экономики, обеспечить существенный вклад в обеспечение глобальной продовольственной безопасности на базе участия в глобальных цепочках добавленной стоимости, расширения экспортного потенциала. Как отмечают российские ученые, современный кризис создал «окно возможностей» для перехода к подъему экономики на основе системной политики экономического рывка и социального обновления, в том числе и для агропродовольственного комплекса [11]. Устойчивое развитие агропродовольственного комплекса России является важной предпосылкой гарантированного обеспечения качественными и доступными продуктами питания за счет отечественного производства и конкурентного присутствия отечественных производителей на мировых рынках. Более полному использованию имеющегося потенциала роста способствуют процессы структурной перестройки, устранение диспропорций между важнейшими структурными элементами. Основными задачами, решаемыми в ходе структурной перестройки, являются повышение уровня внутрикомплексной сбалансированности используемых факторов производства и формирование целостных цепочек добавленной стоимости, укрепление вертикальных межотраслевых связей и сокращение транзакционных издержек. В условиях глобальных вызовов необходима разработка методологии и механизмов управления долгосрочной устойчивостью развития национальной агропродовольственной системы. Эффективное управление достиганием целей устойчивого развития предполагает включение данной тематики в стратегические и программные документы, обеспечение взаимодействия

между всеми заинтересованными сторонами - государством, гражданским обществом и бизнес-сообществом [12, 13].

Опережающий рост в агропродовольственном комплексе России по сравнению с большинством отраслей экономики в последнее десятилетие позволил существенно укрепить продовольственную безопасность страны. В результате наблюдается устойчивая тенденция роста самообеспечения стран по мясу и мясопродуктам, сахару, растительному маслу, рыбе и рыбопродуктам. Положительные тенденции, сложившиеся в агропродовольственном секторе, являются важной предпосылкой гарантированного обеспечения качественными и доступными продуктами питания за счет отечественного производства и конкурентного присутствия отечественных производителей на мировых рынках. Последние годы характеризуются высоким уровнем физической доступности основных продуктов питания в России. В 2019 году коэффициент физической доступности по мясу и мясопродуктам составлял 104,1 %, по овощам и бахчевым культурам – 108,0 %, сахару – 162,5 %, растительному маслу – 116,7 %, яйцу – 109,6 %, картофелю – 98,9 %, рыбе и рыбопродуктам – 96,0 %.

Одним из главных требований продовольственной безопасности является экономическая доступность продовольствия. При положительных показателях физической доступности продовольствия в Российской Федерации существуют группы граждан, которые испытывают ограничения в экономическом доступе к полноценному питанию [14, 15]. В результате исследований, проводимых сотрудниками ИАГП РАН, обосновано, что трансформация институциональной среды, направленная на обеспечение экономической доступности продовольствия для всех доходных групп, должна включать развитие всех инструментов увеличения реальных доходов населения и снижения входных барьеров для малого агробизнеса на продовольственный рынок [16]. Использование института индексации доходов имеет определённую специфику в кризисные и стабильные периоды функционирования экономической системы. Трансформация институциональной среды для обеспечения экономической доступности продовольствия предполагает уточнение черты бедности, повышение величины прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда, сдерживание чрезмерной дифференциации доходов. Разработаны инструменты достижения экономической доступности продовольствия для всего населения в краткосрочном периоде и в долгосрочной перспективе.

Изменения представлений о продовольственной безопасности и концепций продовольственных систем расширили состав приоритетов экологической политики в агропродовольственном комплексе. Эти изменения связаны с высокой общественной значимостью мер по предотвращению изменения климата, а также со структурными изменениями рынка продовольствия, увеличения спроса на специальные группы товаров: органические продукты, продукты с географической идентификацией, особые местные продукты и инновационные продукты [17]. Соблюдение высоких экологических стандартов производства продуктов питания становится важным трендом развития современного сельского хозяйства. Необходимо совершенствование политики государственных закупок в агропродовольственном секторе на основе расширения зоны использования зеленых государственных закупок. В соответствии с новой аграрной политикой Евросоюза страны должны будут увязывать минимум 20% прямых выплат из своих аграрных бюджетов с участием фермеров в экологических программах. Важными направлениями совершенствования политики государственных закупок в агропродовольственном секторе является расширение зоны использования зеленых государственных закупок (GPP, Green Public Procurement), нацеленных на решение экологических проблем, а также устойчивых государственных закупок (SPP, Sustainable Public Procurement), позволяющих при оценке эффективности учитывать позитивное влияние на окружающую среду и решение социальных проблем территории. В России реализуется Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 гг., одним из приоритетов которой является переход к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству, хранению и эффективной переработке сельскохозяйственной продукции, а также создание безопасных и качественных продуктов питания [2].

Обеспечение здорового и сбалансированного питания населения, продвижение здорового образа жизни и рост благополучия людей отражается на демографической ситуации как в России, так и мире в целом. В ИАГП РАН разработаны методологические основы и методические принципы исследования социально-экономических механизмов реализации стратегических приоритетов социальных ресурсов обеспечения продовольственной безопасности и развития сельских территорий. Большое внимание уделяется исследованиям демографической ситуации в стране [18, 19].

Одной из сквозных тем Независимых диалогов, в обсуждении которой приняли участие большинство докладчиков, стала необходимость расширения масштабов успешных инноваций в сфере сельского хозяйства и более эффективного использования цифровых технологий, необходимых для поддержки преобразований продовольственных систем.

Согласно прогнозу Goldman Sachs Group, применение технологий нового поколения способно увеличить производительность мирового сельского хозяйства к 2050 году в среднем на 70% [20]. По привлекательности для инвестирования инструменты цифровой экономики можно условно разделить на три категории, характеризующие ту или иную стадию их жизненного цикла: зрелость; устойчивый рост; прорывной тренд. В сфере сельского хозяйства к первой категории стоит отнести технологии мобильной связи и геоаналитики (GIS / Spatial Analytics), ко второй - технологии Интернета вещей (agroIoT), биометрической идентификации и анализа больших данных (Big Data), в третьей - компоненты робототехники, сенсорики и искусственного интеллекта, хорошо зарекомендовавшие себя в сфере промышленного производства, а также методы ведения распределенного реестра (Blockchain).

Исследование основных трендов цифровизации показало, что технологии развертывания мобильных сетей связи, Интернета вещей, анализа больших данных, искусственного интеллекта и ведения распределенного реестра являются взаимосвязанными. Прогресс в одной области невозможен при отставании в смежной, и соблюдение баланса между спросом на инструменты цифровизации и предложением на рынке высокотехнологической продукции является базовым элементом перехода к новой стадии научно-технологического уклада (Индустрии 4.0). В качестве примера стоит привести Нидерланды, которые за последние 30 лет почти вдвое увеличили объем производства продуктов питания [21]. Подобных результатов Нидерланды смогли добиться за счет технологического прорыва, основной движущей силой которого стало сокращение зависимости от пресной воды на 90%, уменьшение или полный отказ от использования пестицидов в растениеводстве и антибиотиков в животноводстве. Инициатором и основной площадкой для апробации новых технологий стал Национальный исследовательский университет Wageningen, являющийся центром Food Valley - европейского аналога Силиконовой долины.

На текущий момент в общей сложности 85 регионов ЕС выделили цифровизацию сельского хозяйства и сопутствующих ему отраслей в качестве приоритетного направления экономического развития. Анализ и сопоставление результатов исследовательских проектов «Evaluation of the Implementation of the Farm Advisory System» и «Prospects for Farmers' Support: Advisory Services in European AKIS», опубликованных Европейской комиссией, показывает, что в странах ЕС все более востребованными становятся услуги, связанные с поиском дополнительных источников повышения результативности производства за счет применения ресурсосберегающих технологий. К ним относятся возобновляемые источники энергии (40,1% запросов), экология и охрана окружающей среды (33,1%), диверсификация производства (27,8%). На сегодняшний день в 53 регионах ЕС государственная инвестиционная политика нацелена на разработку и внедрение принципиально новых агропродовольственных технологий, в 34 - на создание продуктов питания с более высокой добавленной стоимостью за счет сокращения цикла внедрения инноваций, в 49 регионах - на создание благоприятной условий для инвестирования в туризм, в том числе в сельскохозяйственный, со стороны частного капитала [22].

На современном этапе внедрение цифровых технологий в агропромышленном комплексе Российской Федерации основывается на двух направлениях: системе госрегулиру-

ния АПК и технологическом перевооружении сферы производства. В рамках первого направления формируются информационные платформы для автоматизации государственных услуг (порталы государственных закупок, товарно-сырьевые биржи, регулирование ветеринарного и фитосанитарного учета, зерновых расписок, электронная маркировка скота и т.д.). Технологическое перевооружение реализуется посредством внедрения и развития элементов точного земледелия с использованием ГИС-технологий (электронные карты полей, космический мониторинг, точные метеоданные и т.д.) и автоматизации процессов производственной логистики.

В 2018 году Российская Федерация заняла 17 место в международном рейтинге «Countries Geospatial Readiness Index» [23], оценивающим уровень распространения геопространственных технологий и их вклад в развитие промышленности и социальной сферы. По уровню развития геопространственной инфраструктуры Россия занимает 15 место из 50 возможных, что подтверждает уровень зрелости архитектуры распространения и позиционирования картографических данных.

С 2020 года порядка 5 % обрабатываемых в России полей обслуживается системой «Агросигнал», позволяющей учитывать вариации характеристик почв, гидрологического режима, а также осуществлять мониторинг урожайности по малым участкам поля. Именно такой подход соответствует понятию «точного сельского хозяйства», однако, на текущий момент система «Агросигнал» нашла свое применение лишь в 28 регионах России [24].

Характерной особенностью российского агропродовольственного комплекса является преобладание в его структуре малых форм хозяйствования, которым недоступны современные средства механизации и автоматизации труда. Результаты опроса, проведенного центром прогнозирования и мониторинга научно-технического развития АПК [25], подтверждают, что 73% представителей малых форм хозяйствования уже осознали необходимость применения цифровых технологий для повышения эффективности производства и управления, но более половины сельхозпроизводителей считают, что доля хозяйствующих субъектов, внедривших в производство элементы цифровых технологий, не достигнет к 2024 году заявленных в Проекте «Цифровое сельское хозяйство» 50%. По мнению опрошенных, ускорению цифровизации сельскохозяйственной отрасли будет способствовать субсидирование и льготное кредитование приобретения элементов цифровых технологий, а также увеличение доли специалистов в области ИТ в общем числе работников.

Таким образом, несмотря на позитивные перемены, объем российского сегмента рынка высоких технологий, нашедших свое применение в сельском хозяйстве, все еще не достиг общемирового уровня. С каждым годом количество готовых к реализации высокотехнологических предложений и проектов увеличивается, однако переход отечественного сельского хозяйства в его цифровую форму все еще остается задачей будущего порядка. В качестве ключевых факторов и ограничений, препятствующих развертыванию цифровой аграрной экономики, следует выделить: текущее состояние материально-технической базы и научно-исследовательского потенциала комплекса; высокий уровень региональной дифференциация инновационного развития; низкая инвестиционная активность предприятий агропродовольственного комплекса, неравномерная динамика развертывания отраслевой цифровой инфраструктуры; общая тенденция к снижению трудоспособной доли сельского населения и растущий дефицит квалифицированной рабочей силы.

В рамках плановой темы сотрудниками Института аграрных проблем РАН проведен анализ российского и международного опыта трансферта цифровых технологий в сельское хозяйство, обобщены предпосылки к переходу отрасли в цифровую форму и выделены проблемы, препятствующие ее преобразованию [26]. Отдельный блок исследований был посвящен анализу тенденций, условий и факторов развития институциональной структуры научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса. Пристальное внимание уделялось исследованию социальных предпосылок внедрения современных технологий, положительных и отрицательных последствий данного процесса на развитие человеческого потенциала сельского населения.

Сопоставление и анализ инновационной деятельности в странах, находящихся на разных этапах построения цифровой экономики, позволил сделать вывод о необходимости разработки индивидуального подхода к цифровизации агропродовольственного комплекса. Инвестирование лишь в технологическое развитие следует отнести к догоняющему сценарию развития событий, поскольку крупные транснациональные компании, в числе первых осознавших выгоду от использования платформенных технологий, стремительно завоевывают новые рынки сбыта, компенсируя понесенные затраты и предлагая запатентованные, но уже технически устаревшие разработки. Политика импортозамещения пока сдерживает их активную экспансию на внутренние российские рынки продовольственной продукции, но для повышения конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей необходимо разработать собственный экономический механизм управления процессом цифровизации агропродовольственного комплекса России.

Формирование новой аграрной политики в контексте новых концептуальных подходов к обеспечению продовольственной безопасности и устойчивого развития продовольственных систем предполагает комплексную оценку глубинных факторов, обуславливающих изменения в продовольственных системах, анализ основных тенденций, проблем и возможностей.

Заключение.

Информация о подготовке и проведении Саммита ООН по продовольственным системам имеется в сети Интернет. Необходимо ее изучение и обсуждение на методологических семинарах научных организаций и вузов. В текущем году имеется уникальная возможность выйти на новый уровень оценки результатов и обоснования направлений дальнейшего развития научных исследований, направленных на обеспечение устойчивого развития продовольственных систем.

Агропродовольственный комплекс оказывает существенное влияние на динамику основных экономических и социальных показателей России. Так, в период с 2008 по 2017 гг. производство сельскохозяйственного сырья и продукции пищевой промышленности увеличилось на 27% «... на фоне роста валового внутреннего продукта на 8%, промышленности — на 5%, грузооборота транспорта — на 1% и сокращения строительства на 8%» [27, с. 148].

В ИАГП РАН разработан и направлен в Отделение общественных наук РАН «Проект тематики научных исследований, включаемых в планы научных работ научных организаций и образовательных организаций высшего образования, осуществляющих научные исследования за счет средств федерального бюджета на период 2022–2024 годы». На основе экспертной оценки проекта будет принято решение о целесообразности его финансирования. Важно подчеркнуть значение результатов проекта для успешной реализации программы Саммита ООН. В отчет ИАГП РАН за период с 2017 по 2021 гг. необходимо включить выводы и предложения, способствовавшие решению задач Саммита в этот период, тщательно изучить результаты Саммита ООН для успешного развития фундаментальных академических исследований, направленных на достижение его целей. Важно оценить результаты и рекомендации, разработанные в ходе обсуждения программы Саммита на предварительной стадии подготовки и в процессе его проведения.

В проекте тематики научных исследований ИАГП РАН дана характеристика ожидаемых результатов и их возможной практической значимости, которые базируются на фундаментальном обосновании системного межотраслевого подхода для «... обоснования сбалансированности структурной динамики и системы мер по обеспечению нового качества управления агропродовольственным комплексом в условиях трансформации мировых интеграционных процессов». Изучение материалов Саммита позволит раскрыть и конкретизировать проблемы инновационного управления продовольственными системами в условиях их цифровизации. Не менее важно подчеркнуть, что разработка долгосрочного прогноза инновационной деятельности, реализация таких прогнозов, а также использование данных о численности и структуре населения стран и мира в целом необходимы для надежного обоснования доступности продовольствия для всего населения планеты.

Научные сотрудники ИАГП РАН имеют уникальную возможность конкретизировать результаты исследований за последние пять лет, оценить их значение для достижения Целей устойчивого развития и уточнить задачи и методы исследования на период 2022–2024 гг. на основе информации, которая сейчас доступна в сети Интернет. Важно постоянно отслеживать появление новых данных о проблемах развития продовольственной системы мира при подготовке и реализации планов фундаментального исследования перспектив развития продовольственной системы России в составе мировой экономики.

Список источников

1. United National Food Systems Summit 2021. О Предварительном саммите. – URL: <https://www.un.org/ru/food-systems-summit/pre-summit>
2. Навстречу Саммиту ООН по продовольственным системам: российские приоритеты, достижения и задачи. Итоги национального диалога в Российской Федерации. – URL: <https://www.dipacademy.ru/documents/2686/Навстречу-Саммиту-ООН-по-продовольственным-системам.Российские-приоритеты-и-задачи.pdf>
3. Анфиногентова А.А., Ермолова О.В., Решетникова Е.Г., Мореханова М.Ю. Агропродовольственный комплекс России в продовольственной системе мира: устойчивость и экономическая доступность продовольствия для населения // Региональные агросистемы: экономика и социология. — 2021. — № 1.
4. ГЭВУ 2020. Создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания на период до 2030 года. Доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности, Рим. С.112.
5. Продовольственная безопасность России: проблемы и перспективы / А.А.Анфиногентова, О.В.Ермолова, Н.А.Киреева и др.; Под ред. А.А.Анфиногентовой. - Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 2004. – 244 с.
6. Продовольственная безопасность России: вызовы, риски, угрозы [монография] / под ред. А.А.Анфиногентовой. - Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2011. – 270 с.
7. Продовольственная безопасность России и стратегии импортозамещения в условиях глобальных вызовов // А. А. Анфиногентова, Т. В. Блинова, И. Л. Воротников [и др.] ; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем Российской академии наук; Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2015. – 444 с.
8. Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения / А. А. Анфиногентова, М. Ю. Мореханова, Т. В. Блинова [и др.]. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2018. – 413 с.
9. Braun J., Afsana K., Fresco L., Hassan M., Torero M. Food Systems — Definition, Concept and Application for the UN Food Systems Summit: A paper from the Scientific Group of the UN Food Systems Summit. Draft Oct 26th 2020 (for discussion) // United Nations Food Systems Summit 2021 Scientific Group. – 26 p. — URL: https://www.un.org/sites/un2.org/files/food_systems_concept_paper_scientific_group_-_draft_oct_26.pdf.
10. Neufeld L., Huang J., Badiane O., Caron P., Sennerby Forsse L. Advance Equitable Livelihoods: A paper on Action Track 4. Draft for discussion. October 26th, 2020 // United Nations Food Systems Summit 2021 Scientific Group. – 15 p. — URL: https://www.un.org/sites/un2.org/files/4-action_track_4_scientific_group_draft_paper_26-10-20.pdf.
11. Аганбегян А.Г., Клепач А.Н., Порфирьев Б.Н., Узяков М.Н., Широков А.А. Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию // Проблемы прогнозирования. - 2020. - № 6 (183). - С. 18-26.

12. Дорофеева Л.И., Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Приоритеты и механизмы управления межотраслевой структурой агропродовольственного комплекса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. - 2020. - Т. 20, вып. 4. - С. 429–438.
13. Попов М.В., Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Структурная динамика агропродовольственного комплекса: приоритеты и управление // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2019. - № 5 (79). - С. 75-79.
14. Редчикова Н.А., Семенова А.Г. Экономическая доступность продовольствия в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. - 2015. - № 4 (32). - С. 71-87.
15. Решетникова Е.Г. Условия достижения критериев продовольственной безопасности в период нового глобального вызова // Вестник НГИЭИ. - 2021. - № 1 (116). - С. 105-114.
16. Решетникова Е.Г. Экономическая доступность продовольствия: инструменты обеспечения в условиях новых вызовов // Экономика и управление. - 2020. - № 2 (172). - С. 128-136.
17. Андрищенко, С. А. Экологизация как фактор повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2020. – № 2. – С. 36-39.
18. Блинова Т.В., Вяльшина А.А., Русановский В.А. Отношение сельского населения к своему здоровью и доступности медицинской помощи // Экология человека. - 2020. - N 12. - С. 52–58.
19. Блинова Т.В., Былина С.Г., Русановский В.А. Моделирование факторов, влияющих на снижение смертности сельского населения России // Вестник Саратовского государственного Социально-экономического университета. - 2020. - № 2 (81). - С. 21-25.
20. Обзор цифровых технологий для агропромышленного комплекса: от ГИС до интернета вещей. – URL: <http://integral-russia.ru/2020/03/20/tsifrovaya-platforma-razvitiya-agropromyshlennogo-kompleksa-kontseptsiya-i-osnovnye-tezisy/>
21. Stunning images reveal the hi-tech future of farming: How the Netherlands became the second biggest exporter of food in the world despite being small and overcrowded. URL: <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-4863106/The-hi-tech-future-farming-Netherlands.html>
22. Eye@RIS3 database. URL: <http://s3platform.jrc.ec.europa.eu/map>
23. GeoBuiz 2019 Report. URL: <https://geobuiz.com/geobuiz-report-2019/>
24. Цифровизация АПК имеет колоссальный потенциал: в чем преимущества IT-технологий. - URL: <https://www.agroxxi.ru/selhoztehnika/stati/cifrovizacija-apk-imeet-kolossalnyi-potencial-v-chem-preimuschestva-it-tehnologii.htm>
25. Результаты анкетирования по направлению ведомственного проекта «Цифровое сельское хозяйство» / Е.В. Труфляк, А.С. Клеймер, Н.Ю. Курченко. – Краснодар: КубГАУ, 2019.
26. Информатизация агропродовольственного комплекса и сельских территорий России: возможности и ограничения / Былина С.Г., Кадомцева М.Ю., Осовин М.Н. Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2018. – 228 с.
27. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 512 с.

References

1. United National Food Systems Summit 2021. About the Preliminary Summit. URL: <https://www.un.org/ru/food-systems-summit/pre-summit>
2. Towards the UN Summit on Food Systems: Russian priorities, achievements and challenges. Results of the national dialogue in the Russian Federation. URL: <https://www.dipacademy.ru/documents/2686/Towards-the-UN-Summit-on-food-systems.Russian-priorities-and-tasks.pdf>

3. Anfinogentova A.A., Ermolova O.V., Reshetnikova E.G., Morekhanova M.Yu. The agro-food complex of Russia in the food system of the world: sustainability and economic accessibility of food for the population. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2021; (1). (In Russ)
4. Report of the High-level Expert Group on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security, Rome, p.112.
5. Food security of Russia: Problems and prospects / A.A.Anfinogentova, O.V.Ermolova, N.A.Kireeva, etc.; Edited by A.A.Anfinogentova. - Saratov: Sarat Publishing House, 2004 - 244 p.
6. Food security of Russia: challenges, risks, threats [monograph] / edited by A.A.Anfinogentova. - Saratov: Publishing House of IAgP RAS, 2011. - 270 p.
7. Food security of Russia and import substitution strategies in the context of global challenges // A. A. Anfinogentova, T. V. Blinova, I. L. Vorotnikov [et al.]. - Saratov: Publishing house "Saratov Source", 2015-- - 444 p.
8. National food security of Russia: strategic priorities and conditions of provision / A. A. Anfinogentova, M. Yu. Morekhanova, T. V. Blinova [et al.]. - Saratov: Publishing House "Saratov source", 2018-- - 413 p.
9. Braun J., Afsana K., Fresco L., Hassan M., Torero M. Food Systems — Definition, Concept and Application for the UN Food Systems Summit: A paper from the Scientific Group of the UN Food Systems Summit. Draft Oct 26th 2020 (for discussion) // United Nations Food Systems Summit 2021 Scientific Group. – 26 p. URL: https://www.un.org/sites/un2.org/files/food_systems_concept_paper_scientific_group_-_draft_oct_26.pdf.
10. Neufeld L., Huang J., Badiane O., Caron P., Sennerby Forsse L. Advance Equitable Livelihoods: A paper on Action Track 4. Draft for discussion. October 26th , 2020 // United Nations Food Systems Summit 2021 Scientific Group. – 15 p. URL: https://www.un.org/sites/un2.org/files/4-action_track_4_scientific_group_draft_paper_26-10-20.pdf.
11. Aganbegyan A.G., Klepach A.N., Porfiriev B.N., Uzyakov M.N., Shirov A.A. Post-pandemic recovery of the Russian economy and transition to sustainable socio-economic development. *Problems of forecasting*. 2020; 6 (183); 18-26. (In Russ)
12. Dorofeeva L.I., Ermolova O.V., Kirsanov V.V. Priorities and management mechanisms of the intersectoral structure of the agro-food complex. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Economy. Management. Right*. 2020; 20(4); 429-438. (In Russ)
13. Popov M.V., Ermolova O.V., Kirsanov V.V. Structural dynamics of the agro-food complex: priorities and management. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2019; 5 (79); 75-79. (In Russ)
14. Redchikova N.A., Semenova A.G. Economic accessibility of food in the Russian Federation. *Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2015; 4(32); 71-87. (In Russ)
15. Reshetnikova E.G. Conditions for achieving food security criteria in the period of a new global challenge. *Bulletin of the NGIEI*. 2021; 1(116); 105-114. (In Russ)
16. Reshetnikova E.G. Economic accessibility of food: security tools in the face of new challenges. *Economics and management*. 2020; 2(172); 128-136. (In Russ)
17. Andryushchenko, S. A. Ecologization as a factor of increasing the competitiveness of the agro-food complex. *International Agricultural Journal*. 2020; (2); 36-39. (In Russ)
18. Blinova T.V., Vyalshina A.A., Rusanovsky V.A. The attitude of the rural population to their health and the availability of medical care. *Human ecology*. 2020; (12); 52-58. (In Russ)
19. Blinova T.V., Bylina S.G., Rusanovsky V.A. Modeling of factors affecting the reduction of mortality of the rural population of Russia. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2020; 2 (81); 21-25. (In Russ)
20. Overview of digital technologies for the agro-industrial complex: from GIS to the Internet of Things. URL: <http://integral-russia.ru/2020/03/20/tsifrovaya-platforma-razvitiya-agropromyshlennogo-kompleksa-kontseptsiya-i-osnovnye-tezisy/>
21. Stunning images reveal the hi-tech future of farming: How the Netherlands became the second biggest exporter of food in the world despite being small and overcrowded. URL:

<http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-4863106/The-hi-tech-future-farming-Netherlands.html>

22. Eye@RIS3 database. URL: <http://s3platform.jrc.ec.europa.eu/map>

23. GeoBuiz 2019 Report. URL: <https://geobuiz.com/geobuiz-report-2019/>

24. Digitalization of the agro-industrial complex has enormous potential: what are the advantages of IT technologies. URL: <https://www.agroxxi.ru/selhoztehnika/stati/cifrovizacija-apk-imeet-kolossalnyi-potencial-v-chem-preimuschestva-it-tehnologii.htm>

25. The results of the survey in the direction of the departmental project "Digital agriculture" / E.V. Truflyak, A.S. Kleimer, N.Y. Kurchenko. - Krasnodar: KubGAU, 2019.

26. Informatization of the agro-food complex and rural territories of Russia: opportunities and limitations / Bylina S.G., Kadomtseva M.Yu., Osovin M.N. Saratov: Publishing House of IAgP RAS, 2018. - 228 p.

27. Aganbegyan A.G. On the priorities of social policy. - M.: Publishing House "Delo" RANEPА, 2018. - 512 p.

Информация об авторах

А.А. Анфиногентова – академик РАН, доктор экономических наук;

Н.А. Яковенко – доктор экономических наук;

М.Н. Осовин – кандидат экономических наук.

Information about the authors

*A.A. Anfinogentova - Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Economic Sciences;*

N.A. Yakovenko – Doctor of Economic Sciences;

M.N. Osovin – Candidate of Economic Sciences.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2021; одобрена после рецензирования 27.09.2021;
принята к публикации 01.10.2021*

The article was submitted 20.09.2021; approved after reviewing 27.09.2021; accepted for publication 01.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 19-27.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3):19-27.

Научная статья
УДК 338.439.02

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

Наталья Анатольевна Яковенко¹, Ирина Серафимовна Иваненко²
^{1 2} Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. События 2014 года стимулировали процессы импортозамещения на продовольственном рынке России. Реализуемые меры государственной поддержки обеспечили устойчивое развитие аграрного сектора, что позволило решить проблему продовольственной независимости страны. Новые тенденции развития мирового и российского продовольственных рынков, сформировавшиеся в последние годы, определяют необходимость корректировки импортозамещающей стратегии развития агропродовольственного комплекса и государственной политики в области обеспечения продовольственной безопасности России. В статье дана оценка результатам импортозамещения в агропродовольственном комплексе России. Проведены расчеты коэффициентов импортозамещения, импортного приоритета и несбалансированности торгового оборота по основным продуктам питания. Обоснована необходимость структурной модернизации агропродовольственного комплекса страны как стратегического направления импортозамещения.

Ключевые слова: импортозамещение, агропродовольственный комплекс, структурная модернизация, продовольственная безопасность, регулирование, внешнеторговый оборот, продуктовые балансы.

Для цитирования: Яковенко Н.А., Иваненко И.С. Особенности современного этапа импортозамещения в агропродовольственном комплексе России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С. 19-27.

Original article

FEATURES OF THE MODERN STAGE OF IMPORT SUBSTITUTION IN THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX OF RUSSIA

Natalia A. Yakovenko¹, Irina S. Ivanenko²
^{1 2}IAgP RAS, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The events of 2014 stimulated the processes of import substitution in the food market of Russia. The implemented measures of state support ensured the sustainable development of the agricultural sector, which made it possible to solve the problem of food independence of the country. New trends in the development of the world and Russian food markets, which have formed in recent years, determine the need to adjust the import-substituting strategy for the development of the agri-food complex and state policy in the field of ensuring food security in Russia. The article provides an assessment of the results of import substitution in the agri-food complex of Russia. Calculations of the coefficients of import substitution, import priority and imbalance in trade turnover for basic food products have been carried out. The necessity of structural modernization of the country's agri-food complex as a strategic direction of import substitution has been substantiated.

Keywords: *import substitution, agri-food complex, structural modernization, food security, regulation, foreign trade turnover, food balances.*

For citation: *Yakovenko N.A., Ivanenko I.S. Features of the modern stage of import substitution in the agricultural food complex of Russia. Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3):19-27.*

Введение.

Стратегия импортозамещения остается приоритетным направлением развития агропродовольственного комплекса России, обеспечивающим продовольственную безопасность страны. Однако ускорение инновационного развития, изменения спросовых предпочтений, необходимость сбалансированного взаимодействия с природой, процессы глобализации и проникновения национальных экономик, обострение конкуренции оказывают огромное влияние на динамичные изменения агропродовольственных систем, их устойчивость в экономическом, социальном и экологическом аспектах. Это предполагает наполнение новым содержанием стратегии импортозамещения.

Реализуемая с 2014 года модель импортозамещения на продовольственном рынке страны позволила увеличить объемы производства сельскохозяйственной продукции, диверсифицировать аграрный сектор на основе роста государственной поддержки, повысить уровень потребления основных продуктов питания. Продолжающийся рост объемов производства сельскохозяйственной продукции ведет к перенасыщению отдельных сегментов внутреннего продовольственного рынка, снижению доходности отечественных товаропроизводителей, что подтверждается исследованиями российских ученых [1, 2, 3]. Качественно новый этап стратегии импортозамещения в агропродовольственном комплексе должен быть ориентирован на формирование национальных межотраслевых сегментов глобальных воспроизводственных систем, выход на более высокий уровень производственной кооперации, преодоление технического и технологического отставания во всех звеньях комплекса. Структурная модернизация агропродовольственного комплекса России включает ликвидацию структурных диспропорций за счет развития научной сферы и производственной инфраструктуры, стимулирующих формирование долгосрочных конкурентных преимуществ [4]. Это будет способствовать большей устойчивости конкурентных позиций национальных товаропроизводителей сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

Целью работы является оценка процессов импортозамещения на продовольственном рынке России и их влияния на развитие национального агропродовольственного комплекса, обоснование приоритетов стратегии импортозамещения в условиях новых вызовов и угроз.

Методика исследований.

Методика расчета системы показателей, характеризующих снижение зависимости от агропродовольственного импорта, базируется на статистике балансов основных продуктовых ресурсов. Номенклатура, охватываемая балансами товарных ресурсов, ограничена и включает анализ формирования и использования ресурсов мяса и мясопродуктов, молока и молокопродуктов, овощей, картофеля, фруктов и ягод, сахара, растительного масла, яиц, рыбы и рыбопродуктов (в живом весе).

Показатель импортозамещения нами рассчитывался для отдельных товарных групп по формуле:

$$И = (П - E) \cdot 100 / (П + I - E),$$

где П – производство; E – экспорт; I – импорт.

Коэффициент несбалансированности торгового оборота представляет отношение сальдо торгового баланса к внешнеторговому обороту для отдельных товарных групп:

$$(E - I) \cdot 100 / (E + I),$$

где E – экспорт; I – импорт.

Значения рассматриваемого коэффициента находятся в пределах интервала с верхней границей равной 100 (наличие экспорта при отсутствии импорта) и с нижней границей равной – 100 (наличие только импорта при отсутствии экспорта). Полная сбалансированность

внешнеторгового оборота (коэффициент равен нулю) имеет место при равенстве экспорта импорту. Для отдельной товарной группы это означает, что внешнеторговый обмен по данному товару происходит при равенстве торговых условий и возможностей.

Коэффициент импортного приоритета рассчитывался по формуле:

$$K_{\text{ип}} = \Delta I \cdot 100 / \Delta E,$$

где $K_{\text{ип}}$ – коэффициент импортного приоритета; ΔI – темпы изменения импорта данного вида сельскохозяйственной продукции; ΔE – темпы изменения экспорта данного вида сельскохозяйственной продукции.

Динамика коэффициента в разрезе товарных групп дает представление о динамике процессов импортозамещения либо, наоборот, о процессе замещения отечественных продуктов импортными. Снижение показателя характеризует сокращение импортозависимости российского агропродовольственного комплекса.

Результаты исследований.

Приоритетными направлениями государственной поддержки агропродовольственного комплекса являются повышение уровня самообеспечения основными продуктами питания и сокращение импорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Импортозамещение являлось одной из целей Государственной программы развития сельского хозяйства на 2013–2020. Введение эмбарго на ввоз иностранной продукции после событий 2014 года форсировало процессы импортозамещений на продовольственном рынке. Указом Президента «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» от 06.08.2014 г. установлены группы товаров, подлежащих импортозамещению [5]. Реализация принятых документов отразилась на структуре и динамике импорта сельскохозяйственных продуктов и продовольствия. Под ввозным запретом находятся мясные и молочные продукты, рыба, овощи и фрукты [6]. В результате принятых мер к 2020 году были достигнуты или превышены целевые показатели уровня самообеспечения по основным продовольственным продуктам, предусмотренные ведомственным проектом «Развитие отраслей агропромышленного комплекса, обеспечивающих ускоренное импортозамещение основных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». В 2020 году объем импорта продовольственной и сельскохозяйственной продукции в Россию составил 29,7 млрд долл. Доля импорта продовольственных товаров и сырья составила 12,8% от общего объема ввозимых товаров. Самым крупным поставщиком продовольственных и сельскохозяйственных товаров является Республика Беларусь, доля которой составляет 14,1%. Второе место приходится на Турцию – 5,4%, третье место делят Китай и Бразилия – по 4,7%. Реализуемые меры государственной поддержки обеспечивают поступательное развитие сельского хозяйства, рост объемов производства продукции, повышение рентабельности деятельности сельскохозяйственных предприятий. Это позволило улучшить позиции России по продовольственной безопасности в мире.

Индекс продовольственной безопасности (Global Food Security Index) – это рейтинг стран мира по уровню продовольственной безопасности, который осуществляется британской исследовательской компанией Economist Intelligence Unit (аналитическое подразделение британского журнала Economist) [7]. Глобальный индекс представляет собой «динамическую количественную и качественную эталонную модель», построенную на основе 59 различных показателей. Общая оценка рассчитывается как средневзвешенное значение по четырем критериям: доступность и потребление продуктов питания; их наличие и достаточность продуктов питания; качество и безопасность продовольствия; разнообразие природных ресурсов и их устойчивость (критерий добавился в 2020 году). Баллы по четырем критериям рассчитываются как средневзвешенное значение по базовым индикаторам и измеряются от нуля до максимально возможной оценки 100. Расчеты осуществляются на основе данных из национальных и международных статистических источников, в том числе Всемирного банка, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, Всемирной организации здравоохранения, Всемирной торговой организации, Института мировых ресурсов, Министерства сельского хозяйства США.

Во Всемирном рейтинге продовольственной безопасности Россия поднялась с 40-го места в 2013 году до 24-го места в 2020 году из 113 оцениваемых стран. В 2020 году глобальный индекс продовольственной безопасности РФ составил 73,7 балла и был на 8,1 балла выше, чем в 2013 году (рисунок 1).

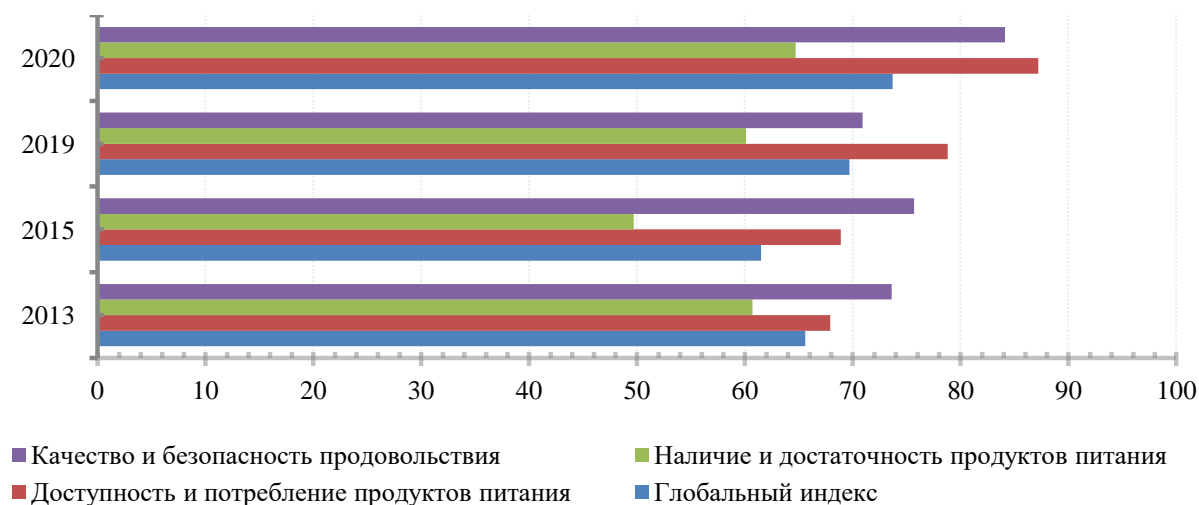

Рисунок 1 – Динамика Глобального индекса продовольственной безопасности (Global Food Security Index) России и его основных критериев, баллы

По доступности продуктов питания для населения Российская Федерация занимает 20-е место. Рост этого критерия в 2020 году составил 19,3 балла по сравнению с 2013 годом. По наличию и достаточности продуктов питания Россия находится на 34-м месте. Критерий наличия и достаточности продуктов питания увеличился за исследуемый период на 4 балла. Критерий качества и безопасности в рамках Глобального индекса оценивает разнообразие и питательность среднестатистических рационов, а также безопасность продуктов питания. В 2020 году он составил для РФ 84,1 балла из 100 возможных. Оценка критерия показала, что рацион россиян в значительной степени соответствует стандартам мирового питания. Высоко оценивается качество белковой пищи и разнообразие микроэлементов. Максимальные баллы Российская Федерация получила за программы продовольственной безопасности, уровень доступа к рынкам и сельскохозяйственным финансовым услугам.

Для комплексной оценки процессов импортозамещения на продовольственном рынке России нами был осуществлен анализ коэффициента импортозамещения по основным продуктам питания. Анализ показателя импортозамещения по основным продуктам питания показал неравномерность развития продуктовых цепочек, позволил выявить проблемные группы продовольствия (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика импортозамещения основных продуктов питания в России по годам, %

Продукты питания	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Мясо и мясопродукты	74,6	77,2	82,0	87,3	88,5	90,2	92,1	93,1	94,2
Молоко и молокопродукты	78,2	75,6	76,2	78,6	79,4	80,9	82,2	82,0	81,8
Овощи	68,8	67,1	66,2	70,8	74,1	71,5	73,8	74,7	74,0
Картофель	94,4	94,1	91,8	92,9	92,9	89,3	90,4	95,3	95,3
Фрукты и ягоды	-3,9	-39,0	-33,7	-34,7	-28,6	-35,1	-26,2	-21,7	-20,6
Сахар	...	...	...	88,7	92,3	100,4	95,7	102,3	113,2
Растительное масло	105,6	101,0	119,1	100,0	110,8	132,0	115,2	145,1	166,6
Яйцо	94,7	94,4	92,6	92,4	92,8	94,3	94,1	92,3	...
Рыба и рыбопродукты (в живой массе)	60,0	60,8	62,5	99,3	103,4	109,6	122,1	113,7	...

Источник: рассчитано автором на базе данных Росстатаю - URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/

Значение показателя импортозамещения по мясу и мясопродуктам в течение исследуемого периода имеет устойчивую тенденцию роста. В 2020 году показатель импортозамещения по мясопродуктам составил 94,2% и был на 19,6 п.п. выше, чем в 2012 году. Это свидетельствует о стабильном росте объемов отечественного производства и снижении импорта в формировании ресурсов мяса и мясопродуктов. Объем импорта в ресурсах мяса и мясопродуктов за исследуемый период сократился в 2020 году до 648,0 тыс. т, или в 4,2 раза. В 2012 году доля импорта в формировании ресурсов мяса и мясопродуктов составляла 25,4%, в 2020 году доля импорта в ресурсах мясопродуктов снизилась до 5,8%. Положительная динамика развития мясопродуктовой цепочки позволила обеспечить импортзамещение выше порогового значения, установленного Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации [8].

Неблагоприятная ситуация с импортозамещением характерна для таких товарных групп, как молоко и молокопродукты, овощи, фрукты и ягоды [9, 10].

За исследуемый период выявлено увеличение показателя импортозамещения молока и молокопродуктов для населения РФ с 78,2% в 2012 году до 81,8% в 2020 году, что свидетельствует о снижении удельного веса импорта в формировании ресурсов молока и молокопродуктов [11]. Росту производства молочных продуктов в первую очередь способствует государственная поддержка отрасли. С 2012 по 2020 г. импорт молока и молочной продукции сократился на 1515,6 тыс. т в физическом выражении и в 2020 году достиг уровня 7009,2 тыс. т. Темпы роста производства молочных продуктов в исследуемом периоде не позволили достичь пороговых значений продовольственной безопасности. Выявлена высокая дифференциация по импорту отдельных молочных продуктов. В 2020 году наблюдалось значительное снижение импортных поставок молока и сливок сгущенных с добавлением сахара (на 17,4%), а также молочной сыворотки (на 12,8%). В то же время импорт сыров и творога, кисломолочной, цельномолочной продукции и сливочного масла, напротив, увеличился, в основном, за счет роста поставок из Республики Беларусь. Доля белорусских поставок в общем объеме импорта сыров составляет 80%, сливочного масла – 74%, сухого молока – 78%, а сухой сыворотки – 84%. Основной проблемой молочной отрасли стал значительный рост производственных издержек в результате ослабления национальной валюты и последовательного удорожания статей затрат с высокой импортной составляющей у кормовых добавок, ветеринарных препаратов, витаминов, средств дезинфекции. Импортозамещение молочной продукции осуществляется по пути производства продукции с высоким уровнем содержания пальмового масла. Процесс импортозамещения привел к росту цен на продукцию с высокой долей переработки, что снизило потребление молочной продукции на 10–12% в пересчете на молоко. Население активно переходит на потребление дешевой продукции, а именно молочносодержащей продукции, в том числе сырных продуктов, которые составляют на рынке 27%. Отмечено снижение качества молочных продуктов, что связано с нарушением технологических процессов, фальсификацией продукции, которая достигает 8% от молочной продукции всех категорий.

Одной из основных проблем производства овощей и фруктов является полная импортозависимость от семенного материала. В новой редакции Доктрины продовольственной безопасности РФ установлен уровень пороговых значений по самообеспечению семенами основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции – не менее 75%. В то же время, по данным Плодоовощного союза России, доля импортных семян в овощеводстве защищенного грунта без светокультуры (сезонные теплицы) составляет 75%, с использованием технологии светокультуры (круглогодичное производство овощей) – 100%. При этом развитие собственной селекционно-семеноводческой базы требует создания условий для реализации инвестиционных проектов по строительству специализированных селекционно-семеноводческих центров. Высокая импортозависимость по семенам характерна не только для овощеводства и производства фруктов и ягод, но и для других подотраслей растениеводства. Обеспеченность отечественными семенами по некоторым культурам критически низкая: по сахарной свекле составляет менее 1%, картофелю – менее 10%, подсолнечнику –

26%, яровому рапсу – 32%, кукурузе, сое и овощным культурам – менее 50%. Даже по тем культурам, которые всегда мало зависели от импорта, наблюдается негативная динамика. За 2013–2019 годы доля отечественных семян яровой пшеницы снизилась на 14,4%, ярового ячменя – на 21,6%, подсолнечника – на 24%, картофеля – на 49,3%. Только за 2019 год импортных семян яровой пшеницы высеяно больше на 297 тыс. т, картофеля – на 278 тыс. т, ярового ячменя – на 216 тыс. т, подсолнечника – на 4,5 тыс. т. Требуется внимания вопрос качества семенного материала. По оценкам экспертов, ежегодно высевается около 30% некачественных семян, в том числе зарубежной селекции, что приводит к снижению урожайности и росту потерь сельскохозяйственной продукции. Кроме того, зарубежные фирмы предлагают в комплексе с сортовыми семенами полную технологию возделывания сельскохозяйственных культур, включающую удобрения и средства защиты, наиболее эффективные для данного конкретного сорта. В связи с этим зарубежные сорта более устойчивы к болезням и вредителям, обладают высокими показателями урожайности и качества получаемого сырья.

Оценка импортного приоритета показала устойчивую динамику роста коэффициента по четырем товарным группам (таблица 2). В 2020 году по сравнению с 2012 годом коэффициент импортного приоритета показал рост по таким товарным группам, как овощи (на 27,9 п.п.), молоко и молокопродукты (на 12,3 п.п.), картофель (на 14,7 п.п.), фрукты и ягоды (на 15,5 п.п.). Среднегодовые темпы роста импорта в составе товарных ресурсов превышают среднегодовые темпы экспорта. Например, по товарной группе молоко и молокопродукты среднегодовые темпы роста импорта составили за исследуемый период 100,4 %, в то время как темпы роста экспорта составляли 97,9 %.

Таблица 2 – Динамика коэффициента импортного приоритета по основным продуктам питания в России по годам, %

Продукты питания	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2020
Мясо и мясопродукты	99,7	68,2	65,8	55,6	66,9	70,4	74,9	57,3
Молоко и молокопродукты	86,3	103,7	114,8	104,6	109,8	109,3	98,9	98,6
Овощи	67,1	128,6	34,6	65,4	122,9	81,8	85,7	95,0
Картофель	67,3	150,6	32,0	67,2	163,6	85,9	35,0	82,0
Фрукты и ягоды	66,0	95,3	94,6	82,7	82,3	90,0	88,7	81,5
Сахар	...	...	...	6,1	17,0	180,5	43,2	45,8
Растительное масло	109,0	73,5	138,3	82,9	77,9	125,4	77,3	84,9
Яйцо	117,5	166,0	106,5	81,2	41,4	111,6	122,6	...
Рыба и рыбопродукты (в живой массе)	93,5	100,9	63,7	93,4	92,3	88,9	108,7	...

Источник: рассчитано автором на базе данных Росстата. - URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/

Снижение коэффициента импортного приоритета отмечено в двух товарных группах из девяти. К ним относятся мясопродукты и растительное масло. Максимальное снижение показала группа мясо и мясопродукты. В 2020 году коэффициент импортного приоритета по мясопродуктам составил 57,3 % и снизился по сравнению с 2012 годом на 42,4 п.п. Коэффициент импортного приоритета по растительному маслу снизился в 2020 году по сравнению с 2012 годом на 24,1 п.п. Среднегодовые темпы роста импорта в составе товарных ресурсов за рассматриваемый период по мясу и мясопродуктам составили 83,9 %, а среднегодовые темпы роста экспорта - 124,3 %.

В таблице 3 приведена динамика коэффициента несбалансированности внешнеторгового оборота. Положительное сальдо внешней торговли показали три товарные группы из девяти. К ним относятся: растительное масло, сахар, рыба и рыбопродукты (в живом весе). Несбалансированность внешнеторгового оборота в общем объеме товарных ресурсов показали три товарные группы - молоко и молокопродукты, овощи, фрукты и ягоды.

Таблица 3 – Динамика коэффициента несбалансированности внешнеторгового оборота по годам

Продукты питания	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Мясо и мясопродукты	-0,9	-0,9	-0,9	-0,8	-0,7	-0,6	-0,4	-0,3
Молоко и молокопродукты	-0,9	-0,9	-0,9	-0,9	-0,8	-0,8	-0,8	-0,8
Овощи	-1,0	-0,9	-0,9	-0,9	-0,8	-0,8	-0,8	-0,8
Картофель	-0,9	-0,8	-0,9	-0,7	-0,5	-0,7	-0,6	-0,2
Фрукты и ягоды	-1,0	-1,0	-1,0	-1,0	-0,9	-0,9	-0,9	-0,9
Сахар	...	...	...	-1,0	-0,5	0,4	0,1	0,5
Растительное масло	0,4	0,3	0,5	0,3	0,4	0,5	0,4	0,5
Яйцо	-0,5	-0,6	-0,7	-0,7	-0,7	-0,4	-0,4	-0,5
Рыба и рыбопродукты (в живой массе)	0,1	0,1	0,1	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4

Источник: рассчитано автором на базе данных Росстата. - URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main-rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/

С 2012 по 2020 годы объем импорта в ресурсах фруктов и ягод сократился на 8,1%, или на 576,7 тыс. т в натуральном выражении [12]. Несмотря на положительную динамику и рост отечественного производства фруктов и ягод, доля импорта в формировании ресурсов по-прежнему превышает отечественное производство в 1,5 раза, что не позволило обеспечить импортзамещение этой товарной группы. Импортзамещение возможно лишь в отношении традиционных для России видов фруктов. Доля в общем объеме импорта традиционных видов фруктов и ягод составляет всего 31,4%, 68,6% приходится на незамещаемый импорт.

Несбалансированность развития продуктовых цепочек агропродовольственного комплекса отражается в системе ценообразования. За последние пять лет (2016–2020 годы) цены производителей на сельскохозяйственную продукцию увеличились почти на 10%, цены производителей в пищевой промышленности – на 13,5%. При этом индекс потребительских цен вырос на 23,5%, а потребительских цен на продовольственные товары – на 21,5%. За пятилетний период рост цен производителей сельскохозяйственной продукции был существенно меньше, чем рост в других сферах агропродовольственного комплекса. Это способствует перетеканию прибыли из сельскохозяйственного производства в сферу переработки и торговли. В 2020 году отмечается рост цен практически на все ключевые сырьевые материалы агропродовольственного комплекса, которые используются в качестве ингредиентов для изготовления продукции более высоких уровней передела. Отмеченные инфляционные процессы ведут к снижению доли аграрного сектора в структуре розничной цены. В настоящее время она составляет менее 40%. В то же время доля сферы обращения постоянно растет. Например, в 2019 году по муке пшеничной доля сферы обращения в розничных ценах составляла 53%, по маслу подсолнечному – 46%, макаронным изделиям – 45%, сахару-песку – 32%. Выявленные тенденции сдерживают дальнейшее развитие импортзамещения на продовольственном рынке страны.

Заключение.

Агропродовольственный комплекс России обладает значительным потенциалом импортзамещения. Анализ процессов импортзамещения, проведенный на основе исследования продуктовых цепочек, показал несбалансированность их развития, разные адаптационные возможности к внешним и внутренним вызовам и угрозам, высокую импортозависимость несельскохозяйственных секторов агропродовольственного комплекса. Внедрение достижений научно-технического прогресса в агропродовольственном комплексе России носит в основном точечный характер, широкомасштабной смены устаревших производственных технологий не происходит. Переход на новый технологический уровень развития требует глубоких структурных изменений, обеспечивающих качественную трансформацию агропродовольственного комплекса.

Сущность сбалансированного экономического роста реализуется не в количественном увеличении производства, а в качественном изменении структуры ресурсов и их воспроизводстве. Экономический рост агропродовольственного комплекса на современном этапе раз-

вития, на наш взгляд, необходимо связывать со сменой приоритетов, регулирующих интенсивность и глубину межотраслевых связей, соответствующие пропорции в распределении ресурсов. Реализация приоритетов развития агропродовольственного комплекса, обеспечивающих синергетический эффект, невозможна без формирования сбалансированной структуры комплекса, эквивалентных межотраслевым отношений. Структурная модернизация агропродовольственного комплекса России предполагает значительные институциональные преобразования, связанные с изменениями системы государственного регулирования аграрного сектора экономики, ускоренным внедрением цифровых и телекоммуникационных технологий, оптимизации стратегий формирования локальных продуктовых цепей и включения в глобальные цепочки добавленной стоимости. Неравномерность развития продуктовых цепочек агропродовольственного комплекса, подотраслей сельского хозяйства, специфичность условий и факторов, влияющих на их динамику, обуславливают необходимость дифференциации мер государственной политики по отношению к ним. Актуальным направлением совершенствования аграрной политики является формирование продуктовых цепочек «от генетики до прилавка» с глубокой переработкой продукции, позволяющим не только обеспечить продовольственную безопасность страны, но и выйти на новый уровень конкурентоспособности национального агропродовольственного комплекса на глобальных продовольственных рынках.

Список источников

1. Алтухов А.И., Дрокин В.В., Журавлев А.С. От стратегии обеспечения продовольственной независимости к стратегии повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса // Экономика региона. – 2016. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 852–864.
2. Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Приоритеты развития агропродовольственного комплекса в стратегии импортозамещения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – Т. 7. – № 4А. – С. 199–209.
3. Рожкова Д.В. Импортозамещение как приоритетное стратегическое направление развития агропродовольственного рынка // Вестник алтайского государственного аграрного университета. – 2017. – № 3(149). – С. 176–180.
4. Ermolova O., Yakovenko N., Kirsanov V., Ivanenko I. Structural changes in the agri-food complex: priorities and management mechanisms // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 12th International Scientific Conference on Agricultural Machinery Industry, INTERAGROMASH 2019. – 2019. – С. 012072.
5. О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 06.08.2014 г. № 560. – URL: <https://www.base.garant.ru/70711352/>
6. Об утверждении плана мероприятий по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 гг.: Распоряжение Правительства РФ от 02.10.2014 г. № 1948-р. – URL: <https://www.base.garant.ru/70711352/>
7. Рейтинг стран по уровню продовольственной безопасности. – URL: <https://www.nonews.co/directory/lists/countries/global-food-security>
8. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/
9. Лявина М.Ю. Импортозамещение продовольствия в России: результаты и перспективы // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2020. – № 1. – URL: <http://uecs.ru/otraslevayaekonomika/item/5825-2020-01-16-07-31-04>
10. Чернова В.Ю., Зобов А.М., Дегтерева Е.А., Старостин В.С. Проблемы и перспективы импортозамещения в российском АПК // Бизнес. Образование. Право. – 2019 – № 4 (49). – С. 219–225.

11. Яковенко Н.А., Иваненко И.С. Проблемы и перспективы импортозамещения на российском рынке молочной продукции // Научное обозрение: теория и практика. – 2015. – № 4. – С. 79–87.
12. Балансы продовольственных ресурсов. – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main-/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/

References

1. Altukhov A.I., Drokin V.V., Zhuravlev A.S. From the strategy of ensuring food independence to the strategy of increasing the competitiveness of the agro-food complex. *The economy of the region*. 2016; (12); 852-864. (In Russ)
2. Ermolova O.V., Kirsanov V.V. Priorities for the development of the agro-food complex in the import substitution strategy. *Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2017; (4A); 199-209. (In Russ)
3. Rozhkova D.V. Import substitution as a priority strategic direction for the development of the agro-food market. *Bulletin of the Altai State Agrarian University*. 2017; (3); 176-180. (In Russ)
4. Ermolova O., Yakovenko N., Kirsanov V., Ivanenko I. Structural changes in the agri-food complex: priorities and management mechanisms // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 12th International Scientific Conference on Agricultural Machinery Industry, INTERAGROMASH. 2019. - P. 012072.
5. On the application of certain special economic measures to ensure the security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 560 dated 06.08.2014. URL: <https://www.base.garant.ru/70711352/>
6. On approval of the action plan to promote import substitution in agriculture for 2014-2015: Decree of the Government of the Russian Federation dated 02.10.2014 No. 1948-R. URL: <https://www.base.garant.ru/70711352/>
7. Ranking of countries by the level of food security. URL: <https://www.nonews.co/directory/lists/countries/global-food-security>
8. The Food Security Doctrine of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 20 of January 21, 2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/
9. Lyavina M.Yu. Import substitution of food in Russia: results and prospects. *Management of economic systems: electronic scientific journal*. 2020; (1). URL: http://uecs.ru/otraslevaya_ekonomika/item/5825-2020-01-16-07-31-04. (In Russ)
10. Chernova V.Yu., Zobov A.M., Degtereva E.A., Starostin V.S. Problems and prospects of import substitution in the Russian agro-industrial complex. *Business. Education. The right*. 2019; (49); 219-225. (In Russ)
11. Yakovenko N.A., Ivanenko I.S. Problems and prospects of import substitution in the Russian dairy market. *Scientific review: theory and practice*. 2015; (4); 79-87. (In Russ)
12. Balances of food resources. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main-/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/

Информация об авторах

Н.А. Яковенко – доктор экономических наук;
И.С. Иваненко – кандидат экономических наук.

Information about the authors

N.A. Yakovenko – Doctor of Economic Sciences;
I.S. Ivanenko – Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.09.2021; одобрена после рецензирования 27.09.2021;
принята к публикации 01.10.2021

The article was submitted 20.09.2021; approved after reviewing 27.09.2021; accepted for publication 01.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 28-39.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3): 28-39.

Научная статья
УДК 338.439.021.1

СОЧЕТАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ, ОТРАСЛЕВЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РОСТА ПРОИЗВОДСТВА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сергей Анатольевич Андриющенко
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В значительной части субъектов Российской Федерации имеющиеся ресурсы позволяют наращивать сельскохозяйственное производство не только за счет интенсификации использования материальных и трудовых ресурсов, но и за счет расширения площади используемых сельскохозяйственных угодий. С этой целью необходимо дальнейшее совершенствование административно-экономического механизма достижения целей развития АПК за счет радикального укрепления координации между федеральными, региональными и отраслевыми аспектами развития производственного потенциала АПК. Для этого предлагается дополнить государственные федеральные и региональные программы отраслевыми программами, основные задачи которых состоят в оценке конкурентоспособности продукции отдельных отраслей на предстоящие 5–10 лет, они также должны предусматривать цепочки мероприятий развития сети научных учреждений, выполнение научных разработок, создание технологий применения инноваций, распространение инноваций и технологий их применения в субъектах РФ.

На примере Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса показано, что дополнение ее отраслевыми программами роста производства продукции животноводства послужит вкладом Российской Федерации в усилия ООН по увеличению производства продовольствия в мире и по борьбе с опустыниванием земель.

Ключевые слова: региональные программы, отраслевые программы, продовольствие, опустынивание, углеродный налог, мониторинг

Для цитирования: Андриющенко С.А. Сочетание федеральных, отраслевых и региональных программ роста производства продовольствия в Российской Федерации // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С. 28-39.

Original article

A COMBINATION OF FEDERAL, SECTORIAL AND REGIONAL PROGRAMS FOR THE GROWTH OF FOOD PRODUCTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Sergei A. Andryushchenko
IAgP RAS, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The available resources make it possible to increase agricultural production in a significant part of the subjects of the Russian Federation not only by intensifying the use of material

and labor resources, but also by expanding the area of agricultural land used. To this end, it is necessary to improve an administrative and economic mechanism for achieving the goals of the development of the agro-industrial complex by radically strengthening coordination between federal, regional and sectorial aspects of the development of the industrial potential of the agro-industrial complex. To do this, it is proposed to supplement state federal and regional programs with sectorial ones, the main tasks of which are to assess the competitiveness of products of individual industries for the next 5-10 years. They should also provide for chains of measures for the development of a network of scientific institutions, the implementation of scientific research, the development of technologies for the application of innovations, and the dissemination of innovations and technologies for their application in the subjects of the Russian Federation.

Using the example of the State Program for the effective involvement of agricultural land in the turnover and the development of the meliorative complex, it is shown that its completion with sectorial programs for the growth of livestock production will be a contribution of the Russian Federation to the UN efforts to increase food production in the world and to combat desertification.

Keywords: regional programs, sectorial programs, food, desertification, carbon tax, monitoring.

For citation: Andryushchenko S.A. A combination of federal, sectorial and regional programs for growth of food production in the Russian Federation. *Regional agrosystems: economics and sociology*.2020;(3):28-39.

Введение.

Решение задач обеспечения продовольственной безопасности и поддержания высоких темпов роста экспорта продовольствия из Российской Федерации требует постоянного расширения производственного потенциала агропродовольственного комплекса. Резервы роста производства продовольствия имеются в значительной части региональных агросистем России, они связаны с возможностями более эффективного использования имеющихся материальных, трудовых и природных ресурсов. В течение первых двух десятилетий XXI века рост производства в сельском хозяйстве и перерабатывающей промышленности в стране достигался, в основном, за счет расширения и модернизации материальных ресурсов, роста квалификации трудовых ресурсов и производительности труда при неполном использовании земельных ресурсов. В 2020 г. площадь посевов сократилась на 36% сравнению с 1980 г., в том числе посевы зерновых культур сократились на 36,5%, при этом площадь посевов масличных культур увеличилась примерно в 4 раза, в том числе посевы самой высокодоходной культуры подсолнечника возросли в 3,6 раза (рисунок 1).

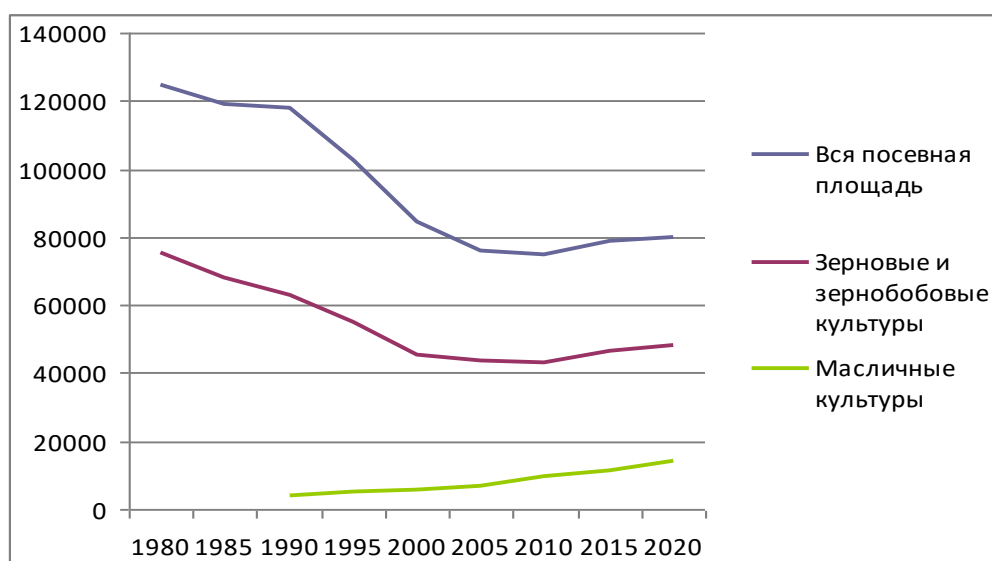

Рисунок 1 – Динамика посевных площадей сельскохозяйственных культур в Российской Федерации в 1980–2020 гг. [3]

В 2007 г. посевная площадь в стране достигла минимума в 74,7 млн га, а в 2016–2020 гг. колебалась в пределах 79,3–80,0 млн га [1] при значительном росте производства продукции растениеводства и животноводства в стоимостном выражении. Проведенные в ИАГП РАН исследования показали, что в значительной части субъектов Российской Федерации имеющиеся трудовые и материальные ресурсы позволяют наращивать сельскохозяйственное производство не только за счет интенсификации, но и за счет расширения посевных площадей [2].

Принятая в мае 2021 г. Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации (далее – Госпрограмма) [4] позволит снять институциональные и финансовые барьеры для наращивания сельскохозяйственного производства не только за счет интенсификации использования материальных и трудовых ресурсов, но и за счет расширения площади посевов сельскохозяйственных культур. Одной из целей Госпрограммы является установление, в основном за счет средств федерального бюджета, актуальных границ земель сельскохозяйственного назначения, вовлекаемых в сельскохозяйственный оборот, осуществление до конца 2031 г. государственного кадастрового учета земельных участков на этих землях, с внесением в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) сведений о земельных участках, в том числе об их границах, общей площадью не менее чем 13234,8 тыс. га. Одновременно на этих землях будут проведены агрохимические и эколого-токсикологические почвенные обследования, обобщенные результаты которых пополняют Единую информационную систему о землях сельскохозяйственного назначения (ЕФИС ЗСН) [4].

Кадастровый учет неиспользуемых земельных участков позволит устранить институциональные барьеры для продажи и сдачи их в аренду потенциальным инвесторам, желающим развивать сельское хозяйство. В свою очередь, информация ЕФИС ЗСН дает возможность разрабатывать обоснованную производственную программу освоения этих участков. При этом потенциальные инвесторы освобождаются от затрат времени и средств на кадастровый учет и почвенные обследования будущих своих полей.

Помимо реконструкции оросительных и осушительных систем Госпрограмма предусматривает софинансирование из федерального бюджета культуртехнических и других мелиоративных работ, направленных на подготовку к эксплуатации выбывших из оборота сельскохозяйственных угодий и повышение их продуктивности, что должно позволить ввести в производственный оборот 5000 тыс. га выбывших сельскохозяйственных угодий к концу 2031 г. По нашей оценке на это понадобится 100–150 млрд рублей инвестиций, большая часть которых ляжет на федеральный бюджет.

Для координации между федеральными и региональными программами в Госпрограмме предусмотрено наличие в субъектах Российской Федерации региональных государственных программ, направленных на достижение целей Госпрограммы [4], то есть на расширение площади используемых в производстве сельскохозяйственных угодий; однако не предусмотрена координация в решении задач удовлетворения внутренних и внешних потребностей в продукции, которая будет получена на вновь введенных в оборот сельскохозяйственных землях. Отраслевой аспект развития АПК в Госпрограмме представлен требованием соответствия цели проекта мелиорации перспективной экономической специализации субъектов Российской Федерации в растениеводстве, животноводстве и предоставлении соответствующих услуг в этих областях, предусмотренным Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. [5]. В указанной Стратегии отрасли специализации представлены только двумя отраслями (растениеводством и животноводством), что явно недостаточно для выбора направления использования возвращаемых в оборот сельскохозяйственных земель. Более детальный перечень приоритетных направлений развития АПК в каждом субъекте РФ представлен в Приказе Министерства сельского хозяйства РФ от 11 ноября 2020 г. [6]. Этот документ, по нашему мнению, можно рассматривать как первый шаг к подготовке программ развития отраслей АПК в стране с учетом их территориального размещения.

Цель данной работы состоит в обосновании предложений по дальнейшему совершенствованию административно-экономического механизма управления агропродовольственным комплексом, укреплению координации между агробизнесом, федеральными, региональными органами власти в решении общенациональных, региональных и отраслевых задач развития производственного потенциала АПК.

Методика исследований.

В Госпрограмме изложены основные этапы, связанные с выделением федеральных субсидий, которые должны пройти органы власти субъектов Российской Федерации и инвесторы, для того чтобы, с одной стороны, создать условия для ввода в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых участков земли, и, с другой стороны, реализовать эти возможности и организовать на этих участках производство продовольственной продукции. Анализ нормативных документов, регламентирующих выполнение задач как государственными органами, так и инвесторами, показывает необходимость дальнейшего совершенствования административно-экономического механизма достижения целей расширения площади обрабатываемых сельскохозяйственных земель за счет культуртехнических и других мелиоративных работ. В первую очередь обращает на себя внимание недостаточная координация между федеральными, региональными и отраслевыми аспектами развития производственного потенциала АПК. Предлагаемая схема взаимодействия программ развития АПК и его ресурсной базы, федеральных отраслевых программ и региональных программ развития АПК и его отдельных аспектов представлена на рисунке 2.

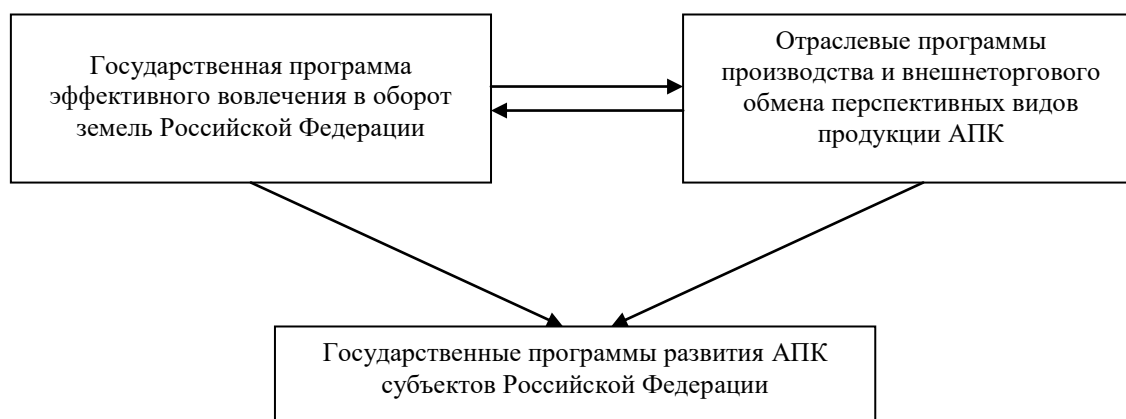

Рисунок 2 – Перспективная схема взаимодействия федеральных, отраслевых и региональных программ развития агропродовольственного комплекса Российской Федерации

На федеральном уровне государственные программы РФ определяют основные цели обеспечения продовольственной безопасности, социально-экономического развития АПК страны и сельских территорий, развития экспортного потенциала и ключевые направления государственной поддержки. Региональные программы предназначены для комплексного использования имеющихся природных и трудовых ресурсов в субъектах РФ, поиска оптимальных сочетаний отраслей АПК на их территориях.

Основные задачи отраслевых программ в системе федеральных и региональных программ состоят, по нашему мнению, в оценке конкурентоспособности продукции отдельных отраслей на предстоящие 5–10 лет, в представлении обоснованных прогнозов динамики рынков сбыта и требований к продукции и производству со стороны потребителей и регулирующих органов, изменения технологий производства и логистики, других факторов, воздействующих на конкурентоспособность продукции и объемы ее продаж. Немаловажное значение для обоснованности отраслевых программ будут иметь прогнозы пространственного размещения производства продукции, что имеет важнейшее значение для согласования отраслевых и региональных программ.

Примером детально проработанных проектов отраслевой программы является Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года [7] в которой охарактеризованы основные участники технологической цепочки производства, транспортировки, хранения и экспорта зерна и продуктов его переработки. Следует отметить, что в этом документе обобщены важнейшие прогнозируемые изменения на рынке зерна, обобщены тенденции развития технологий выращивания зерновых культур и переработки зерна, а также сформулированы соответствующие направления научных исследований, разработаны предложения по расширке узких мест в логистике экспортных поставок и т.д. Со времени утверждения в 2019 г. Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса РФ требования к отраслевым программам расширились. Во-первых, была принята Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса, реализация которой приведет к значительному расширению посевных площадей, что повлияет на объемы производства и экспорта ряда культур и потребует подготовки дополнительных научных рекомендаций. Во-вторых, со стороны Европейского Союза (ЕС) появилась реальная угроза возникновения для российского экспорта тарифных и нетарифных барьеров, связанных с масштабом способами учетом «углеродного следа» при производстве продукции [8]. Минсельхоз России принимает меры для снижения этой угрозы, в частности предполагается создать единый реестр существующих и перспективных низкоуглеродных технологий производства сельскохозяйственной продукции [9].

На необходимость противодействия возможной угрозе указывают крупнейшие ученые страны, такие как А.М.Сергеев и В.А.Садовничий [10]. Серьезность намерений Европейского Союза увеличивать производство «зеленой продукции» и, соответственно, применять экономические инструменты для защиты своего рынка от импортной продукции, не сертифицированной по европейским «зеленым» стандартам, подтверждается принятым Советом ЕС механизмом восстановления и повышения устойчивости (RRF). RRF был утвержден в феврале 2021 г. и предусматривает использование 672,5 млрд евро для оказания помощи 27 странам-членам ЕС в преодолении последствий пандемии COVID-19 с одновременной зеленой и цифровой трансформацией экономики и общества. Эти средства будут выделяться для реализации программ стран-членов ЕС при условии, если не менее 37% затрат используются для экологической трансформации [11]. Скорее всего, соблюдение этого требования приведет к удорожанию продовольствия, производимого в ЕС, и потребуются защитные меры от импорта.

Проведенные отечественными учеными расчеты показывают, что применение к экспортируемой российской продукции ввозной пошлины в виде «углеродного налога» приведет к значительным финансовым потерям и замедлит обновление производственных фондов [12], у стран-конкурентов появится возможность дискриминации российских товаров [13]. Углеродный мониторинг должен обеспечить достоверный учет выбросов и поглощений углекислого газа, для его создания в России разрабатывается Федеральная научно-техническая программа в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 годы [14].

Одним из направлений Государственной программы вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения является защита от деградации и опустынивания, сохранение устойчивости агроландшафтов к 2031 г. на площади не менее 624 тыс. га за счет проведения агролесомелиоративных и фитомелиоративных мероприятий [4]. Это направление полностью учитывает требования борьбы с изменением климата, поскольку лесонасаждения являются важнейшим способом поглощения углекислого газа. Привлекательность агролесомелиорации для аграрных инвесторов повысится в предстоящие годы в связи с тем, что объем депонирования парниковых газов лесами на землях сельскохозяйственного назначения будет учитываться при расчете «национально определяемых вкладов» в снижение выбросов углекислого газа в соответствии с Парижским соглашением по климату от 12 декабря 2015 г. [15], что позволит сельскохозяйственным товаропроизводителям, осуществившим агролесомелиоративные ме-

роприятия, демонстрировать свой вклад в снижение выбросов парниковых газов. В степной зоне России инвестиционные проекты трансформации агроландшафтов могут быть направлены на расширение производства продовольственной продукции в отраслях специализированного мясного скотоводства и овцеводства.

Результаты исследований.

Самой распространенной технологией защиты сельскохозяйственных земель от деградации является формирование на деградированных и малопродуктивных пахотных землях адаптивных агроландшафтов (лесопастбищ), где лесные защитные полосы занимают до 10% земли, по методике, предложенной Федеральным научным центром агролесомелиорации Российской академии наук (ФГБУН ФНЦ АЛМ) [16]. Эффективность проектов агролесомелиорации значительно повышается при применении подсева засухо- и солеустойчивых кормовых трав в рамках мероприятий по фитомелиорации для повышения продуктивности пастбищ [16]. Нехватка семян кормовых трав, предназначенных для фитомелиорации трансформируемых агроландшафтов, является одним из факторов, сдерживающих проекты по предотвращению опустынивания земли [9]. Соответственно, развитие семеноводства засухоустойчивых кормовых трав также заслуживает государственной поддержки федеральных и региональных программ с учетом финансовых рисков, вызванных неопределенностью спроса на семена конкретных культур.

Как показывают результаты исследований ФГБУН ФНЦ АЛМ, защитные лесные насаждения, расположенные на площади водосборных бассейнов, должны служить выполнению комплексных задач по снижению воздействия природных и антропогенных факторов, вызывающих деградацию почв и ее смыв в водоемы [18]. Таким образом, меры по защите сельскохозяйственных земель от опустынивания носят многоцелевой характер: защита почв, повышение продуктивности пастбищ, защита от загрязнения и заиливания водоемов, поглощение углекислого газа; что вызывает необходимость предоставления консультационных услуг инвесторам со стороны научных организаций и, по возможности, привлечения специализированных проектных организаций к разработке планов работ.

Еще одной особенностью проектов по созданию адаптивных агроландшафтов является длительный срок реализации, поскольку в первые несколько лет после начала проекта требуются ограничения выпаса скота и другие меры по защите молодых лесопосадок. Как показывает практический опыт, риск реализации проектов трансформации агроландшафтов связан с необходимостью инвестиций в размере нескольких тысяч рублей в расчете на 1 га земельных угодий с выводом из оборота земельных угодий как минимум на 4 года, чтобы обеспечить сохранность посадок [16, 17]. Проблема сохранности лесопосадок является достаточно острой. Так исследования одного из тестовых полигонов на территории Волгоградской области с применением ГИС-технологий выявили низкую сохранность полосзащитных полос: полностью распались 60% полос и только 20% находятся в нормальном состоянии [19]. Эти данные указывают на необходимость систематического мониторинга лесопосадок, в частности, с точки зрения оценки эффективности использования финансовых средств государственного бюджета, инвесторов, кредиторов. Затраты на проведение мониторинга могут быть разделены между инвестором и заинтересованными ведомствами.

Одна из важнейших задач инвестора состоит в выборе сегментов рынка, для которых будет производиться продукция. Госпрограмма предусматривает включение в ЕФИС ЗСН результатов агрохимических и эколого-токсикологических почвенных обследований земель, предназначенных для мелиорации и эффективного вовлечения в сельскохозяйственный оборот; это обстоятельство позволит инвесторам рассматривать варианты производства не только традиционной продукции животноводства, но и органической продукции или продукции с улучшенными характеристиками [20, 21]. Соответственно, в помощь инвесторам и кредитным организациям нужна отраслевая программа развития мясного скотоводства и овцеводства (или иной документ), содержащая обоснованные прогнозы развития сегментов рынка планируемой продукции, импортозамещения и экспорта, что позволит оценить конкурентоспособность конкретных проектов.

В целом, отраслевая программа развития импортозамещения и экспорта продукции животноводства, произведенной на мелиорированных и вовлеченных в оборот сельскохозяйственных землях, должна учитывать все основные этапы и существующие ограничения адаптивной трансформации агроландшафтов на землях, требующих защиты от деградации почв и опустынивания. При этом целесообразно учитывать опыт разработки плана мероприятий по реализации Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года [22]. Этот документ предусматривает, в частности разработку «действенного механизма» создания и внедрения в производство отечественных достижений в сфере селекции зерновых культур и включает в себя последовательную цепочку мероприятий:

- по созданию селекционно-семеноводческих центров в области селекции и семеноводства;
- по выведению новых отечественных конкурентоспособных сортов и гибридов;
- по разработке и регистрации биологических средств защиты растений;
- по разработке отечественных технологий (в том числе с учетом изменения климата) для селекции, семеноводства, возделывания, хранения и переработки зерновых культур;
- по популяризации отечественных технологий для селекции, семеноводства, хранения и переработки зерновых культур.

Рассмотренная цепочка мероприятий фактически предусматривает развитие сети научных учреждений, выполнение научных разработок, разработку технологий применения инноваций, распространение инноваций и технологий их применения в субъектах Российской Федерации. Аналогичные цепочки мероприятий применимы во всех отраслях и продуктовых подкомплексах агропродовольственного комплекса с учетом их специфики. В отличие от планов мероприятий в отраслевых программах должны быть определены исполнители каждого мероприятия и, в случае необходимости, предусмотрены для них меры государственной поддержки. Отраслевая программа развития импортозамещения и экспорта продукции животноводства, произведенной на сельскохозяйственных землях, требующих защиты от опустынивания, по нашему мнению, должна включать следующие блоки мероприятий (рисунок 3). Содержание каждого блока подробно рассматривается в данной публикации.

Опираясь на данные ФГБУН ФНЦ АЛМ [16], можно составить оценочный прогноз ожидаемого эффекта от проведения в соответствии с целями Госпрограммы агролесомелиоративных и фитомелиоративных мероприятий на площади 624 тыс. га. К концу 2031 г. должно быть высажено 62 тыс. га защитных лесополос и на площади 562 тыс. га проведены фитомелиоративные мероприятия по улучшению состава кормовых трав. Первые четыре года осуществления проектов (2022–2025 гг.) будут потрачены на защиту посадок от сорняков и потравы домашними и дикими животными. Все защищенные сельскохозяйственные угодья можно будет использовать для производства продукции животноводства только в 2035 г., когда снизится до приемлемого уровня риск потравы животными молодых лесопосадок, высаженных в 2028–2031 гг. В соответствии с ожидаемой урожайностью в расчете на 1 тыс. га будет производиться, оценочно, 35–70 т говядины и баранины в живой массе, а также шерсть и овчина. В 2035 г. производство достигнет по отраслевой программе уровня, оценочно, 21–43 тыс. т скота в живой массе. Для более точных прогнозов объемов производства продукции необходимы сбор и анализ данных хозяйств, использующих существующие защищенные пастбища. Также необходим сбор фактических данных об объемах депонирования углерода защитными лесопосадками в различных природно-климатических условиях. Для повышения маржинальности проектов целесообразно подготовить и рекламировать региональные бренды органической продукции или продукции с улучшенными характеристиками.

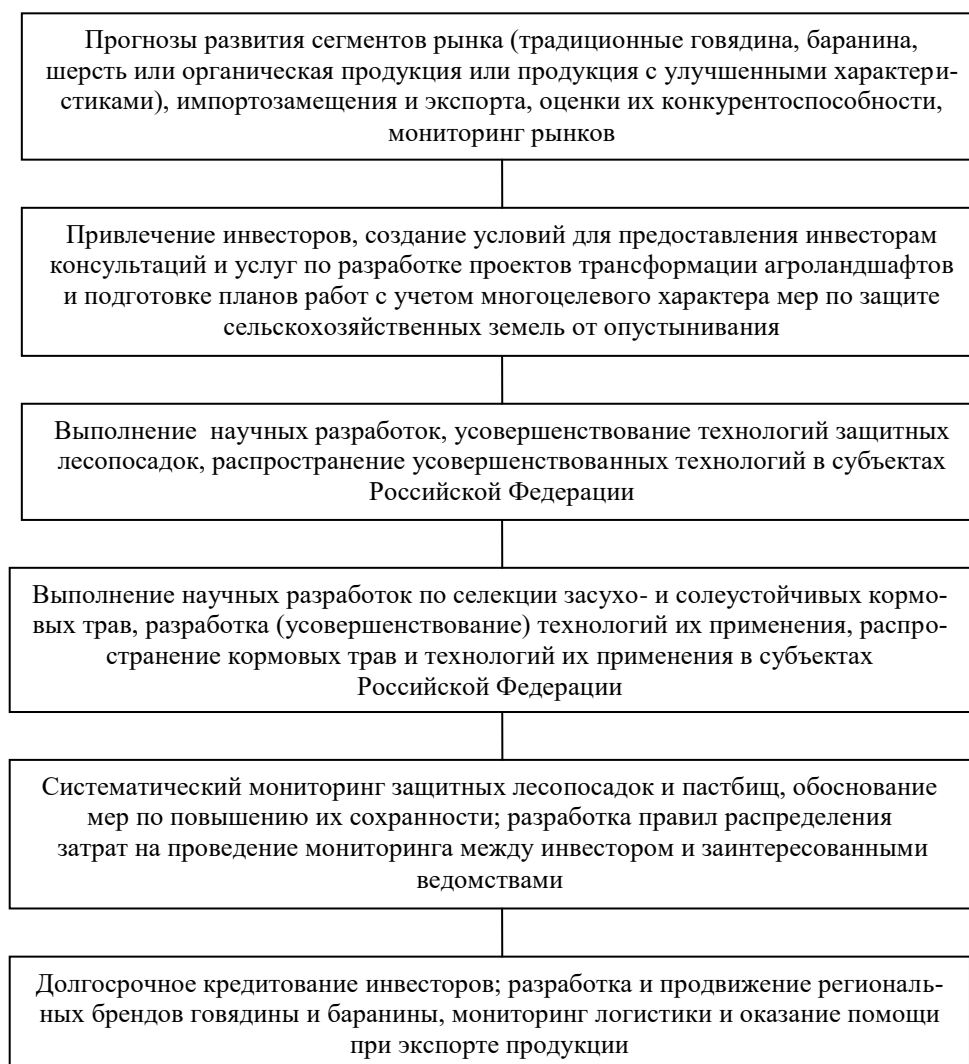

Рисунок 3 – Предлагаемая структура мероприятий отраслевой программы развития импортозамещения и экспорта продукции животноводства, произведенной на сельскохозяйственных землях, требующих защиты от опустынивания.

Заключение.

Анализ нормативных документов, регламентирующих выполнение задач развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса как государственными органами, так и инвесторами на примере Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса показывает необходимость дальнейшего совершенствования административно-экономического механизма достижения целей развития АПК за счет радикального укрепления координации между федеральными, региональными и отраслевыми аспектами развития производственного потенциала АПК. Для этого предлагается дополнить государственные федеральные и региональные программы отраслевыми программами. Основные задачи последних состоят, по нашему мнению, в оценке конкурентоспособности продукции отдельных отраслей на предстоящие 5–10 лет, а также в представлении обоснованных прогнозов изменения факторов, воздействующих на конкурентоспособность продукции и объемы ее производства. Отраслевые программы должны предусматривать цепочки мероприятий по развитию сети научных учреждений, выполнению научных разработок, подготовке технологий применения инноваций, распространению инноваций и технологий их применения в субъектах Российской Федерации. Предложение по разработке аналогичной программы по расширению производства сои на мелиорируемых землях было выдвинуто и одобрено на Дальневосточном

экономическом форуме в сентябре 2021 г., в частности, были предложены совместное финансирование научно-исследовательских работ по выведению отечественных сортов сои со стороны государства и компании «Русагро» (как якорного инвестора) и разработка региональных проектов мелиорации переувлажненных земель.

Выполнение Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса (Госпрограммы) в сочетании с региональными программами развития агропромышленного комплекса и предлагаемой отраслевой программой развития животноводства на сельскохозяйственных землях, требующих защиты от опустынивания, послужит вкладом Российской Федерации в усилия ООН по увеличению производства продовольствия в мире и по борьбе с опустыниванием земель. Предлагаемая в качестве примера отраслевая программа развития импортозамещения и экспорта продукции животноводства, произведенной на сельскохозяйственных землях, требующих защиты от опустынивания, сможет эффективно функционировать только в сочетании с Государственной программой эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса (Госпрограммой) и региональными программами развития агропромышленного комплекса.

Предлагаемая отраслевая программа должна предусматривать систематический многоцелевой мониторинг состояния лесопосадок и защищенных ими земельных участков. Затраты на мониторинг должны быть распределены между инвестором и заинтересованными ведомствами. Для реализации подобных отраслевых программ может понадобиться участие якорного инвестора, способного на крупномасштабные долговременные инвестиции. Привлекательность участия в данной программе для инвесторов может повыситься в связи с учетом лесов на сельскохозяйственных землях при расчете «национально определяемых вкладов» в снижение выбросов углекислого газа. В России предлагаемая отраслевая программа развития животноводства на сельскохозяйственных землях, требующих защиты от опустынивания, будет способствовать повышению устойчивости и доходности сельскохозяйственного производства в регионах, отнесенным к приоритетным территориям или к числу регионов с низким уровнем социально-экономического развития.

Список источников

1. Росстат. Посевные площади сельскохозяйственных культур по Российской Федерации. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/8669872> (доступ 09.07.2021).
2. Андрущенко С.А., Кутенков Р.П., Бондаренко Ю.П. Эффективность использования основных фондов как фактор повышения конкурентоспособности региональных АПК // Экономика сельского хозяйства России. – 2021. – № 5. – С. 8–13.
3. Посевные площади сельскохозяйственных культур по Российской Федерации (хозяйства всех категорий; тысяч гектаров) – URL: <https://rosstat.gov.ru>
4. Правительство утвердило госпрограмму эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса. – URL: <http://government.ru/news/42191/>
5. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р. – URL: <https://www.consultant.ru>
6. Об определении приоритетных направлений развития агропромышленного комплекса по субъектам Российской Федерации на 2021, 2022 и 2023 годы: Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 11 ноября 2020 г. N 674. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/75048052/>
7. Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года: Распоряжение правительства Российской Федерации от 10 августа 2019 г. № 1796-р. - URL: <http://static.government.ru/media/files/>

8. Andryushchenko S. Climate factors of competitiveness of the Russian Agri-Food Complex // Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development. – 2021. – Vol. 21. – Iss. 2. – P. 47–53.
9. В Минсельхозе обсудили реализацию мероприятий по борьбе с опустыниванием сельхозземель. Главное. 11 21 августа 2021 г. – URL: <http://mcx.gov.ru>
10. Заседание Совета по науке и образованию при Президенте РФ 8 февраля 2021 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64977>
11. Яшалова Н.Н., Васильцев В.С., Потравный И.М. Декарбонизация черной металлургии: цели и инструменты регулирования // Черные металлы. – 2020. – №8. – С. 70–75.
12. Council of the European Union. EU recovery package: Council adopts Recovery and Resilience Facility. 11 February 2021. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/02/11/eu-recovery-package-council-adopts-recovery-and-resilience-facility/>
13. Рогинко С. В центре мировой дискуссии: проблемы климатической повестки // Современная Европа. – 2019. – № 6. – С. 127–137.
14. О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений (вместе с Положением о совете по реализации Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 годы): Указ Президента РФ от 08.02.2021 N 76. – URL: www.consultant.ru
15. Распоряжение Минприроды России от 20.01.2021 № 3-р о внесении изменений в методические указания по количественному определению объема поглощения парниковых газов, утвержденные распоряжением Минприроды России от 30 июня 2017 г. № 20-р. – URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/ofitsialnye_dokumenty/rasporyazhenie_minprirody_rossii_ot_2001_2021_3_r_o_vnesenii_izmeneniy_v_metodicheskie_ukazaniya_po/
16. Ткаченко Н.А., Рулев А.С. Перспективы агроэкологического обустройства Волгоградского Заволжья // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 4(181). – С. 116–121.
17. Углерододепонирующая роль лесных насаждений государственной защитной лесной полосы (ГЗЛП) Волгоград – Элиста – Черкесск в степной зоне / П.В. Сидаренко [и др.] // Актуальные проблемы лесного комплекса. – 2014. – № 38. – С. 125–132.
18. Юферев В. Г., Ткаченко Н. А., Кошелева О. Ю. Роль лесных насаждений в обеспечении устойчивости Волжского бассейна. Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса. – 2020. – 3(59). – С. 248–257.
19. Юферев В. Г., Ткаченко Н. А. Эффективность стокорегулирующих и водоохраных насаждений речных бассейнов // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса. – 2020. – 1(57). – С. 96–105.
20. Андриющенко С.А. Экологизация как фактор повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2020. – № 2. – С. 36–39.
21. Андриющенко С.А. Обоснование механизма управления инновационным развитием производственного потенциала на основе сочетания национальных и региональных приоритетов // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 4.
22. План мероприятий по реализации Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2020 г. № 3183-р. – URL: <http://government.ru/news/41037/>
23. Встреча с модераторами ключевых сессий Восточного экономического форума. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66583>

References

1. Rosstat. Acreage of agricultural crops in the Russian Federation. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/8669872>.

2. Andryushchenko S.A., Kutenkov R.P., Bondarenko Yu.P. Efficiency of the use of fixed assets as a factor of increasing the competitiveness of regional agro-industrial complex. *Economics of agriculture of Russia*. 2021; (5); 8-13 (In Russ).
3. Sown areas of agricultural crops in the Russian Federation (farms of all categories; thousands of hectares). URL: <https://rosstat.gov.ru>
4. The Government has approved the state program for the effective involvement of agricultural land in the turnover and the development of the reclamation complex. URL: <http://government.ru/news/42191/>
5. On approval of the Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025: the order of the Government of the Russian Federation dated 13.02.2019 N 207-p. URL: <https://www.consultant.ru>
6. On the definition of priority directions of development of the agro-industrial complex entities of the Russian Federation in 2021, 2022 and 2023: the Order of the Ministry of agriculture of the Russian Federation of November 11, 2020 N 674. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/75048052/>
7. Long-term strategy of development of the grain sector of the Russian Federation until 2035: the government of the Russian Federation dated August 10 2019 No. 1796-p. URL: <http://static.government.ru/media/files/>
8. Andryushchenko S. Climate factors of competitiveness of the Russian Agri-Food Complex. *Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural development*. 2021; (21); 47-53.
9. The Ministry of Agriculture discussed the implementation of measures to combat desertification of agricultural lands. The main thing. August 11, 21, 2021. URL: <http://mcx.gov.ru>
10. Meeting of the Council for Science and Education under the President of the Russian Federation on February 8, 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64977>
11. Yashalova N.N., Vasil'tsev V.S., Potravny I.M. Decarbonization of ferrous metallurgy: goals and instruments of regulation. *Ferrous metals*. 2020; (8); 70-75. (In Russ)
12. Council of the European Union. EU recovery package: Council adopts Recovery and Resilience Facility. 11 February 2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/02/11/eu-recovery-package-council-adopts-recovery-and-resilience-facility/>
13. Roginko S. In the center of the world discussion: problems of the climate agenda. *Contemporary Europe*. 2019; (6); 127-137. (In Russ)
14. On measures to implement the state scientific and technical policy in the field of environmental development of the Russian Federation and climate change (together with the Statement on the Council for the Implementation of the Federal Scientific and Technical Program in the Field of Environmental Development of the Russian Federation and Climate Change for 2021-2030): Decree of the President of the Russian Federation dated 08.02.2021 N 76. URL: www.consultant.ru
15. Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation No. 3-r dated 20.01.2021 on amendments to the guidelines for quantifying the volume of greenhouse gas uptake approved by Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation No. 20-r dated June 30, 2017. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/ofitsialnye_dokumenty/rasporyazhenie_minprirody_rossii_ot_2001_2021_3_r_o_vnesenii_izmeneniy_v_metodicheskie_ukazaniya_po/
16. Tkachenko N.A., Rulev A.S. Prospects of agroecological arrangement of the Volga-Gradsky Volga region. *Problems of forecasting*. 2020; (4); 116-121. (In Russ)
17. The carbon-depositing role of forest plantations of the state protective forest strip (GZLP) Volgograd - Elista - Cherkessk in the steppe zone / P.V. Sidarenko [et al.]. *Actual problems of the forest complex*. 2014; (38); 125-132. (In Russ).
18. Yuferev V. G., Tkachenko N. A., Kosheleva O. Yu. The role of forest plantations in ensuring the stability of the Volga basin. *Izvestia of the Nizhnevolzhsky agrouniversitetskiy complex*. 2020; 3(59); 248-257. (In Russ)

19. Yuferev V. G., Tkachenko N. A. Efficiency of flow-regulating and water-protection plantings of river basins. *Izvestiya Nizhnevolzhsky agrouniversitetskogo complex*. 2020; 1(57); 96-105. (In Russ)
20. Andryushchenko S.A. Ecologization as a factor of increasing the competitiveness of the agro-food complex. *International Agricultural Journal*. 2020; (2); 36-39. (In Russ)
21. Andryushchenko S.A. Substantiation of the mechanism of management of innovative development of production potential based on a combination of national and regional priorities. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2019; (4). (In Russ)
22. Action plan for the implementation of the Long-term strategy for the development of the grain complex of the Russian Federation until 2035: approved. By Order of the Government of the Russian Federation dated December 3, 2020 No. 3183-R. URL: <http://government.ru/news/41037/>
23. Meeting with moderators of key sessions of the Eastern Economic Forum. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66583>

Информация об авторе

С.А. Андрющенко – доктор экономических наук

Information about the authors

S.A. Andryuschenko – Doctor of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 09.09.2021; одобрена после рецензирования 13.09.2021; принята к публикации 01.10.2021

The article was submitted 09.09.2021; approved after reviewing 13.09.2021; accepted for publication 01.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 40-48.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3): 40-48.

Научная статья
УДК 338.436.3

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ

Владимир Борисович Бурлаков
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

***Аннотация.** Анализируются современные тенденции в организации деятельности сельскохозяйственных кооперативов вертикального типа. Акцент сделан на выявлении имеющих место в хозяйственной практике подходов, с точки зрения классической теории кооперации не соответствующих сущностным основам кооперативной формы. Проанализированы причины и особенности развития данных процессов в России и странах с развитой аграрной экономикой. Дана оценка целесообразности введения нетрадиционных элементов в практику деятельности отечественных сельскохозяйственных потребительских кооперативов.*

***Ключевые слова:** сельскохозяйственные потребительские кооперативы, особенности современного развития, изменение организационной формы.*

***Для цитирования:** Бурлаков В.Б. Особенности современных тенденций отечественной практики организации деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С. 40-48.*

Original article

FEATURES OF MODERN TRENDS OF DOMESTIC PRACTICE OF ORGANIZATION OF AGRICULTURAL CONSUMER COOPERATIVES ACTIVITIES

Vladimir B. Burlakov
IAgP RAS, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

***Abstract.** Current trends in the organization of the activities of agricultural cooperatives of the vertical type are analyzed. The emphasis is on identifying approaches that exist in economic practice, from the point of view of the classical theory of cooperation, which do not correspond to the essential foundations of the cooperative form. The reasons and features of the development of these processes in Russia and countries with a developed agrarian economy are analyzed. A feasibility of introducing non-traditional elements into the practice of domestic agricultural consumer cooperatives is assessed.*

***Key words:** agricultural consumer cooperatives, features of modern development, change in organizational form.*

***For citation:** Burlakov V.B. Features of modern trends of domestic practice of organization of agricultural consumer cooperatives activities. Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3):40-48.*

Введение.

Классическая сельскохозяйственная кооперация (законодательно поименованная как «сельскохозяйственная потребительская») в России возродилась во второй половине 1990-х годов после принятия Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации». С тех пор данная организационно-правовая форма прошла в своем становлении несколько этапов, характеризующихся процессами увеличения (и порой существенного) числа кооперативов, которое сопровождалось заметным ростом их влияния на развитие аграрной экономики (как правило, в рамках отдельных регионов), так и признаками стагнации, а также явлениями банкротства немалой части ее субъектов.

По мнению абсолютного большинства представителей отечественного научного сообщества, в настоящее время кооперация на селе «...не стала доминирующей или хотя бы типичной формой выстраивания хозяйственных связей внутри агропромышленного комплекса» [1]. Есть даже мнение, что на сегодняшний день в России «...сельскохозяйственная кооперация занимает маргинальное место в структуре сельскохозяйственного производства, демонстрируя поразительное расхождение с тем местом и ролью, которую играет кооперация за рубежом» [2]. Вместе с тем в современной практике организации деятельности некоторой части российских кооперативов потребительского типа наблюдается (и в последние годы всё чаще) введение ряда новшеств, не соответствующих некоторым классическим кооперативным ценностям и принципам. Необходимо отметить, что в развитых странах мира в настоящее время данные изменения, в целом направленные на усиление коммерциализации кооперативной деятельности, получили более широкое распространение [подробнее в 3]. В складывающихся условиях назрела необходимость дать оценку новым тенденциям в кооперативном развитии с позиций целесообразности использования каждого нетрадиционного для данной формы элемента в практике развития отечественной сельскохозяйственной потребительской кооперации.

Целью исследования является выявление и оценка нетрадиционных для кооперативной формы тенденций современного развития российской сельскохозяйственной потребительской кооперации.

Методика исследований.

Теоретической и методологической основой исследования явились отдельные положения классической теории кооперации, труды российских и зарубежных ученых, освещающие современные проблемы кооперативного развития в аграрной сфере, материалы Международного кооперативного альянса (МКА), российские нормативные правовые акты по регулированию развития сельскохозяйственной кооперации. В процессе исследования современных тенденций развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов использовались такие общенаучные методы, как структурный, сравнительный и логический анализ, сопоставления.

Результаты исследований.

Если кратко охарактеризовать становление сельскохозяйственной классической (потребительской) кооперации в новейшей истории России, то следует отметить, что в основном ее развитие осуществлялось в соответствии с кооперативными ценностями и принципами, действующими нормативными правовыми актами, а также с учетом исторического отечественного и зарубежного опыта.

Вместе с тем за два с половиной десятилетия, прошедших со времени принятия ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», развитие российской кооперации потребительского типа не всегда осуществлялось в рамках исторических традиций. На заре становления данной формы как за рубежом, так и в дореволюционной России кооперативы создавались товаропроизводителями для улучшения условий деятельности своих крестьянских хозяйств как средство их выживания в противостоянии с крупным промышленным, торговым и финансовым капиталом. В этот период деятельность кооперативов была направлена, главным образом, на обслуживание хозяйств только своих членов. В новейшей же российской истории на начальном этапе возрождения сельскохозяйственной потребительской кооперации структура

адресности оказания кооперативами услуг не соответствовала отмеченным историческим тенденциям. Об этом свидетельствуют результаты единовременного обследования, проведенного Госкомстатом России в 1998 году [4]. Обследование являлось практически сплошным: статистические данные были получены по 201 сельскохозяйственному потребительскому кооперативу (общая численность данных формирований на тот период, по информации Российского статистического агентства, составляла «немногим более двухсот»). Согласно результатам анализа материалов обследования, по состоянию на 1.01.1998 года в целом по перерабатывающим кооперативам страны удельный вес своих членов в поставляемой на переработку сельскохозяйственной продукции составлял: по молоку – 44%, по скоту и птице (в живом весе) – 13%, по зерну – только 4%. Аналогичный показатель по кооперативам, осуществлявшим реализацию скота и птицы (в живом весе) составлял 35%, овощей – 36%, картофеля – лишь 1%. Доля членов – получателей услуг в целом по всем видам кооперативов, осуществлявшим работы по различным видам производственно-технического обслуживания (ремонтного, транспортного, агрохимического, мелиоративного, строительно-монтажного, проката сельскохозяйственной техники и пр.), не превысила 16%. Данное положение демонстрирует не только острое на тот момент несоответствие с кооперативными ценностями и принципами, но и находится в прямом противоречии с ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», в котором изначально содержался норматив, согласно которому не менее 50% выполняемых сельскохозяйственным кооперативом потребительского типа работ (услуг) должно осуществляться для своих членов [5].

Автор считает, что данная ситуация на этапе возрождения кооперативного движения в стране была обусловлена практически абсолютной безграмотностью сельских товаропроизводителей и руководителей отечественного агропромышленного комплекса в вопросах организации кооперативного предприятия. Как правило, организационная сторона деятельности создаваемых кооперативов строилась по подобию получивших широкое распространение в то время предпринимательских структур.

Определенное улучшение положения в дальнейшем в этой области связано с деятельностью ряда зарубежных проектов, реализованных в нашей стране на рубеже XX–XXI веков. Среди них, в первую очередь, следует отметить проекты Евросоюза Тасис ФД РУС 9701 «Продвижение кооперативов независимых фермеров, ФД РУС 9801 «Развитие кредитных кооперативов и пилотные проекты», проект канадского кооперативного движения Дежарден «Развитие кредитных кооперативов в России», реализованные в ряде субъектов РФ. Данные проекты предоставили некоторую материальную помощь развитию российских сельскохозяйственных потребительских кооперативов различных направлений деятельности, но, главное, оказали неоценимую методическую помощь, способствовавшую организации деятельности кооперативов на основе прошедших испытание временем подлинно кооперативных принципов. В течение действия указанных проектов осуществлялись многочисленные обучающие мероприятия в области организации кооперативной деятельности (семинары, поездки сельских товаропроизводителей и руководителей АПК в страны с развитым движением сельскохозяйственной кооперации с целью ознакомления с передовым опытом), проводились научно-практические конференции, на которые приглашались представители соседних регионов.

Одним из значимых моментов в развитии сельскохозяйственной кооперации связан с действием приоритетного национального проекта «Развитие АПК». За время его реализации (2006–2007 годы) и последующих нескольких лет государством была оказана существенная поддержка в создании и организации деятельности снабженческо-сбытовых, перерабатывающих и кредитных кооперативов. В результате только за два года деятельности проекта число сельскохозяйственных кооперативов потребительской формы увеличилось почти в 4 раза. Однако государство, как и до этого, не занималось всерьез вопросами кооперативного просвещения сельских жителей. В массовом масштабе кооперативы создавались в группах товаропроизводителей, имевших минимум познаний о сущностных основах и преимуществах данной организационно-правовой формы. К тому же в результате использования пресло-

втуго «административного ресурса» две трети кооперативов так и не смогли приступить к работе, многие из них прекратили существование или прошли перерегистрацию, выбрав другие формы. Немалая же часть кооперативов в организации своей деятельности мало чем отличалась от коммерческих организаций и продолжает оставаться такими до сегодняшнего дня, фактически являясь лжекооперативами.

Исследования свидетельствуют, что в XXI веке ситуация, когда кооперативы работали в основном для физических и юридических лиц, не являющихся их членами, изменилась. Основная масса кооперативов в своей деятельности стала ориентированной преимущественно на оказании услуг своим членам. Вместе с тем стала проявляться тенденция к росту числа кооперативов, всё больше использующих нетрадиционные с точки зрения ценностей и принципов классической кооперации подходы в организации своей деятельности. Если в целом охарактеризовать данные подходы, то их общим результирующим вектором является бóльший акцент в работе кооперативов на предпринимательскую деятельность.

Следует отметить, что в государствах с развитой аграрной экономикой тенденция к внесению сельскохозяйственными кооперативами в свою деятельность положений, не соответствующих природе данной формы, начала проследиваться еще несколько десятилетий назад. Данную организационную структуру принимают, как правило, кооперативы, более ориентированные на коммерческую деятельность. Численность таких кооперативов пока не является доминирующей, но она увеличивается с каждым годом. В зарубежных источниках данные формирования классифицированы как «кооперативы предпринимательского типа», в отличие от традиционных кооперативов, получивших определение «кооперативы компенсационного типа» [6].

Изменениям традиционной кооперативной формы как в зарубежной, так и в российской практике в основном подвержены три области жизнедеятельности кооперативных организаций: управления, членства, ведения хозяйственной деятельности. Изменения в сфере управления связаны, главным образом, с процедурой принятия важных решений по деятельности кооператива. В соответствии с общепринятыми принципами кооперации, отраженными в принятой в 1995 году Международным кооперативным альянсом Декларации о кооперативной идентичности, данные решения принимаются на общем собрании членов кооператива большинством голосов. При этом каждый член имеет право только одного голоса. За рубежом же в последнее время всё больше кооперативов практикуют подход, при котором сила голоса каждого члена для принятия решений определяется его долей в паевом капитале кооператива или степенью участия в кооперативном хозяйственном обороте. В некоторых странах данные положения получили законодательное закрепление.

Кооперативы предпринимательского типа в своей деятельности также часто не придерживаются кооперативному принципу «открытого членства». Во многих случаях они отказывают в приеме фермерам, которые по всем показателям отвечают закрепленным в уставе требованиям, предъявляемым к желающим вступить в кооператив. Вместе с тем в кооператив принимают без ограничения в правах не имеющих никакого отношения к аграрной экономике крупных инвесторов. Характерной чертой таких кооперативов становится изменение структуры их собственности. Инвесторов и других представителей крупного капитала нередко избирают в органы управления кооперативом с правом решающего голоса.

Значительная часть хозяйственной деятельности данных кооперативов приходится на оказание услуг сторонним организациям, которые не являются их членами. Практикуется использование таких инструментов, как выпуск кооперативами ценных бумаг и акций, а также приобретение акций других организаций, услуги фондовой биржи, индивидуализация собственности членов на свободные финансовые ресурсы, венчурный капитал внешних вкладчиков и др.

Многие представители аграрного научного сообщества считают, что в результате отказа от ряда традиционных кооперативных ценностей организационная форма кооперативов меняется в сторону гибридных структур [7–9]. В рамках этой тенденции происходит форми-

рование хозяйствующих субъектов нового типа, совмещающих в себе характерные особенности и классического кооператива и акционерного общества.

Некоторые из упомянутых некооперативных характеристик встречаются в деятельности и ряда российских сельскохозяйственных кооперативов. Следует заметить, что данные случаи пока еще не приобрели в нашей стране такого широкого распространения как, например, в государствах – членах Евросоюза. Однако тенденция к их росту наблюдается достаточно определенно.

Случаи отказа от принятия в отечественные кооперативы сельских товаропроизводителей имеют место, хотя и встречаются нечасто. Здесь речь идет не о тех ситуациях, когда отказ может быть оправданным недостатком мощностей кооператива для обслуживания большего числа членов. Известны прецеденты отказа по политическим и идеологическим соображениям (хозяйству коллективного типа, руководителем которого является сторонник социалистических форм хозяйствования и т.п.) или из-за личной антипатии членов правления к подавшему заявление о вступлении в кооператив. Иногда кооператив организуется группой фермеров, которые находятся друг с другом в приятельских отношениях и никого другого в нем видеть не хотят (этаким «кооперативный междусобойчик»). Мотивом таких решений, как правило, является недостаток знаний о сущности и преимуществах кооперативной формы.

Несмотря на то, что Федеральным законом «О сельскохозяйственной кооперации» установлено, что управление кооперативом его высшим органом – общим собранием осуществляется на основе принципа «один член кооператива – один голос», нередко встречаются случаи так называемого «пропорционального голосования», в соответствии с которым вес голоса каждого члена зависит от размера его пая или объема участия в кооперативной хозяйственной деятельности. Более того, данный подход находит поддержку и среди некоторых теоретиков современной отечественной науки о кооперации [10].

Прием в сельскохозяйственный кооператив юридических лиц и граждан, не являющихся сельскохозяйственными товаропроизводителями, разрешен российским законодательством, но только на правах ассоциированного членства. В отношении ассоциированных членов законом предусмотрены определенные ограничения в правах. Так, число данных членов, имеющих право голоса на общем собрании, не должно составлять более 20% от численности членов кооператива. Они также не могут быть избраны в кооперативные органы управления: правление кооператива и его наблюдательный совет. Тем не менее в современной практике деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов, пусть и не так часто, имеют место случаи, когда лица данной категории не только принимаются в кооператив на правах основных членов, но и избираются в его руководящие органы. При этом закон здесь формально как бы и не нарушается. Автору известен случай, когда городской житель, проработавший (и достаточно плодотворно) несколько лет в кооперативе в должности наемного исполнительного директора, при поддержке действующего в районе крупного инвестора, был избран его председателем. Однако перед этим он был «произведен» в сельскохозяйственные товаропроизводители. Сделать это при существующем законодательстве довольно просто. Возможно, данным лицом был приобретен дом сельского типа с небольшим огородиком, то есть формально он стал гражданином, ведущим личное подсобное хозяйство. А такие лица, согласно п. 2 ст. 3 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства», являются сельскохозяйственными товаропроизводителями со всеми вытекающими отсюда последствиями [11].

Значительная часть сельскохозяйственных потребительских снабженческо-сбытовых и перерабатывающих кооперативов организуют свою работу на основе принципа обеспечения пропорциональности между объемом участия каждого члена в хозяйственной деятельности кооператива и его долей в кооперативном паевом фонде. Определенная часть представителей отечественной кооперативной науки придерживается точки зрения, что данное правило должно стать важнейшим принципом функционирования каждой кооперативной организации [12].

Используемые частью российских сельскохозяйственных кооперативов в организации работы подходы, не соответствующие кооперативной природе, по своей направленности в целом мало чем отличаются от нетрадиционных подходов в построении своей деятельности зарубежными кооперативами. Вместе с тем причины возникновения некоторых изменений там и у нас, по мнению автора, несколько различаются. В развитых странах сельскохозяйственная кооперация проделала более чем полуторавековой путь своего поступательного развития. В настоящее время кооперативные организации играют ключевую роль в развитии аграрной экономики своих стран. Многие кооперативные структуры осуществляют свою деятельность на международных рынках. Чтобы сохранить и приумножить свою значимость в конкурентной борьбе с крупными компаниями-монополистами современные кооперативы активно ищут пути повышения своей эффективности. Кооперированные фермеры и, что очень важно, представители государственных органов власти, регулирующих развитие кооперации в своих странах, как правило, хорошо осведомлены о всех нюансах кооперативного предприятия, его слабых и сильных сторонах.

Зарубежные кооперативы предпринимательского типа часто придерживаются строгой регламентации численности своих членов (таким образом, отказываясь от принципа открытого членства), для того чтобы оперативно координировать объемы и качество поставляемой в кооператив продукции и, тем самым, больше соответствовать требованиям рынка. Отказ от принципа «один член – один голос» в пользу «пропорционального голосования» диктуется соображениями привлечения необходимых инвестиций для ведения расширенного производства, увеличения возможностей для достижения баланса интересов своих членов и т.д. По оценке аналитиков Европейской комиссии (высшего органа исполнительной власти Евросоюза), используемый многими кооперативами подход к принятию решений на общем собрании, исходя из зависимости числа голосов членов от размера их вклада в капитал совместного предприятия, а также привлечение к управлению кооперативом инвесторов – профессиональных управленцев, способствуют повышению эффективности его деятельности [13].

В России же ситуация с развитием кооперации несколько иная. Сельскохозяйственная потребительская кооперация, по оценкам представителей отечественной кооперативной науки и практики, пока еще находится на начальном этапе своего становления. Влияние кооперативов данной формы на развитие аграрного сектора экономики, за исключением нескольких субъектов РФ, крайне незначительно. Имеющиеся кооперативы в основной своей массе являются небольшими и функционируют как кооперативы компенсационного типа. И если за рубежом имеется ряд кооперативных организаций, играющих важную роль в развитии международных рынков, то в нашей стране, в лучшем случае, можно обнаружить лишь единицы кооперативов, хотя бы как-то влияющих на рыночную ситуацию в границах своего региона.

В отличие от развитых государств Европы, США, Японии, основная масса отечественных товаропроизводителей аграрного сектора и, что прискорбно, чиновников органов управления АПК имеет весьма поверхностное представление о родовых признаках кооперативной формы. Поэтому многие кооперативы организуются по подобию более знакомых им хозяйственных обществ и других предпринимательских структур. Имеют место случаи, когда такие псевдокооперативы по истечении какого-то времени проходят перерегистрацию в другие организационно-правовые формы. Нередко внедрение в кооперативную деятельность элементов предпринимательского управления является результатом соответствующей политики, активно проводимой более состоятельным членом-инвестором, который зачастую является руководителем кооператива и вступает в него исключительно для повышения эффективности своего собственного бизнеса.

Заключение.

Исходя из вышеизложенного, автор считает, что использование в отечественной практике организации деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов значительной части нетрадиционных с позиций классической кооперативной теории подходов является нецелесообразным, так как может окончательно дискредитировать данную форму в глазах сельского населения, подавляющее большинство которого слабо разбирается в вопро-

сах кооперации и испытывает к ней определенное недоверие. Введение правила, в соответствии с которым при принятии решений на общем собрании количество голосов находится в прямой пропорции с долей участия в кооперативном обороте или паевом фонде совместного предприятия, нарушает равенство всех его членов и в условиях современных отечественных реалий повышает вероятность перерождения кооператива в другие формы хозяйствования, обладающие меньшей социальной значимостью. В связи с этим в российском кооперативном законодательстве необходимо сохранить принцип «Один член кооператива – один голос», позволяющий осуществлять членский контроль за деятельностью своего предприятия на подлинно демократической основе. Тем более что при всех имеющих место случаях отхода от ряда сущностных основ кооперативной формы, большинство кооперативов в Европе, по информации Европейской конфедерации сельскохозяйственных кооперативов (COGESA), при принятии стратегических решений в настоящее время всё-таки придерживается данного принципа [14].

По мнению автора, не следует уравнивать в правах несельскохозяйственных членов кооператива с субъектами сельскохозяйственного производства. Инвесторы, не являющиеся сельскохозяйственными товаропроизводителями, должны состоять в кооперативе только на правах ассоциированного членства, как это и предусмотрено действующим законодательством. Во избежание использования кооператива с помощью финансовых инструментов в своих интересах, ассоциированные члены не должны избираться в его органы управления. Также не следует принимать в кооператив в качестве полноправных членов его наемных работников, не являющихся сельскохозяйственными товаропроизводителями. В противном случае может произойти подмена основной цели функционирования кооператива «удовлетворение потребностей пайщиков-сельхозтоваропроизводителей» на «работу за деньги». Вместе с тем, по мнению автора, во избежание ситуаций, при которой область интересов кооператива перемещается за рамки интересов его членов-сельхозтоваропроизводителей, необходимо в закон «О сельскохозяйственной кооперации» ввести положение, согласно которому члены должны не менее определенной величины услуг по профилю кооперативной деятельности получать от своего кооператива. Например, если кооператив сбытовой, то каждый его член не менее 60% производимой продукции обязан реализовывать именно через него.

Тенденция внедрения нетрадиционных элементов в организацию деятельности сельскохозяйственных кооперативов направлена на усиление коммерциализации данной формы. С одной стороны, появляются новые возможности повышения эффективности кооперативов (хотя одновременно возрастают и риски), с другой – при этом понижается их социальная значимость. Улучшение социальных условий жизни на селе является одним из наиважнейших приоритетов аграрной политики Российского государства, а кооперация призвана сыграть в этом существенную роль. Автор считает, что в современных российских условиях введение в практику сельскохозяйственных потребительских кооперативов новшеств, изменяющих их организационное устройство, должно осуществляться только при условии непротиворечивости их основным кооперативным ценностям и принципам.

Список источников

1. Морозов А.В. Двадцать лет развития сельскохозяйственной кооперации: достижения, риски, задачи // Двадцать лет развития сельскохозяйственной кооперации: достижения и задачи: материалы науч.-практ. конф., посвящ. двадцатилетию принятия Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации». 8 декабря 2015 г. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2016. – С. 15–19.
2. Соболев А.В. Принципы международного кооперативного движения и российское законодательство о сельскохозяйственной кооперации // Двадцать лет развития сельскохозяйственной кооперации: достижения и задачи: материалы науч.-практ. конф., посвящ. двадцатилетию принятия Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации». 8 декабря 2015 г. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2016. – С. 28–32.

3. Бурлаков В.Б. Кооперативы в современном мире: характеристики, особенности деятельности, проблемы развития // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021. – № 2. – С. 24–33.
4. Лосева В.И. О деятельности сельскохозяйственных кооперативов в России // Вопросы статистики. – 2000. – № 1. – С. 24–28.
5. О сельскохозяйственной кооперации: федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ. – URL: http://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8572/
6. Agricultural cooperatives in the European Union. WUR. – URL: <https://www.wur.nl/nl/Wageningen-University/Over-Wageningen-University/Feiten-en-cijfers.htm>
7. Cemal Karakas (2019). Cooperatives: Characteristics, activities, status, challenges. EPRS | European Parliamentary Research Service, PE 635.541 – 2019. – February. – 12 p.
8. Воронина Н.П. Определение правовой природы современных аграрных кооперативов (по законодательству Великобритании, ФРГ, Франции) // Право и политика. – 2013. – № 11(166). – С. 1557–1569.
9. Хабибуллин Р.И. Современные тенденции развития кооперации // Вопросы науки и образования. – 2018. – № 14 (26). – С. 5–9.
10. Буздалов И.Н. Теория и проблемы современного кооперативного движения в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – № 3. – С. 7–19.
11. О развитии сельского хозяйства: федеральный закон от 29.12.2006 N 264-ФЗ. – URL: http://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/
12. Захаров И.В., Кузнецова Н.А. Создание и организация деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов: Рекомендации. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. – 224 с.
13. Bijman J., Piopoulos C., Poppe K. et al. Support for Farmers' Cooperatives. Final Report. European Commission. 2012, November. – URL: http://www.ec.europa.eu/agriculture/external-studies/2012/supportfarmerscoop/fulltext_en.pdf/
14. The power of cooperation, 2016; COGECA, Development of Agricultural Cooperatives in the EU. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/...>

References

1. Morozov A.V. Twenty years of development of agricultural cooperation: achievements, risks, tasks. *Twenty years of development of agricultural cooperation: achievements and tasks: materials of scientific and practical conf., dedicated. the twentieth anniversary of the adoption of the Federal Law "On Agricultural Cooperation"*. 2016; 15-19. (In Russ).
2. Sobolev A.V. Principles of the international cooperative movement and Russian legislation on agricultural cooperation. *Twenty years of development of agricultural cooperation: achievements and tasks: materials of scientific and practical conf., dedicated. two-the twentieth anniversary of the adoption of the Federal Law "On Agricultural Cooperation"*. 2016; 28-32. (In Russ).
3. Burlakov V.B. Cooperatives in the modern world: characteristics, features of activity, development problems. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2021; (2); 24-33. (In Russ).
4. Loseva V.I. About the activities of agricultural cooperatives in Russia. *Questions of statistics*. 2000; (1); 24-28. (In Russ).
5. On agricultural cooperation: Federal Law No. 193-FZ of 08.12.1995. URL: http://www.Consultant.ru/document/cons_doc_law_8572/
6. Agricultural cooperatives in the European Union. WUR. URL: <https://www.wur.nl/nl/Wageningen-University/Over-Wageningen-University/Feiten-en-cijfers.htm>
7. Cemal Karakas (2019). Cooperatives: Characteristics, activities, status, challenges. EPRS | European Parliamentary Research Service, PE 635.541. 2019; (2); 12.

8. Voronina N.P. Definition of the legal nature of modern agrarian cooperatives (according to the legislation of Great Britain, Germany, France). *Law and Politics*. 2013; 11(166); 1557-1569. (In Russ).
9. Khabibullin R.I. Modern trends in the development of cooperation. *Issues of science and education*. 2018; 14 (26); 5-9. (In Russ).
10. Buzdalov I.N. Theory and problems of the modern cooperative movement in Russia. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2016; (3); 7-19. (In Russ).
11. On the development of agriculture: Federal Law No. 264-FZ of 29.12.2006. URL: http://www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/
12. Zakharov I.V., Kuznetsova N.A. Creation and organization of activities of agricultural consumer cooperatives: Recommendations. - M.: FGNU "rOsinformagrotech", 2007. - 224 p.
13. Bijman J., Piopoulos C., Poppe K. et al. Support for Farmers' Cooperatives. Final Report. European Commission. 2012, November. URL: http://www.ec.europa.eu/agriculture/external-studies/2012/supportfarmerscoop/fulltext_en.pdf/
14. The power of cooperation, 2016; COGECA, Development of Agricultural Cooperatives in the EU. URL: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/...>

Информация об авторах

В.Б. Бурлаков – кандидат экономических наук

Information about the authors

V.B. Burlakov – Candidate of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 13.09.2021; одобрена после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 13.09.2021; approved after reviewing 20.09.2021; accepted for publication 27.09.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 49-54.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3): 49-54.

Научная статья
УДК 338.439.02

ФОРМИРОВАНИЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Андрей Павлович Потапов
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

***Аннотация.** В статье проведено обобщение авторских теоретико-методологических и прикладных исследований проблем формирования и использования ресурсного потенциала аграрного производства России. Выявлены долгосрочные тенденции формирования и использования ресурсного потенциала в современных условиях. Обоснованы ключевые направления реализации государственной аграрной политики в ресурсной сфере аграрного производства. Проведено экономико-математическое обоснование достижения сбалансированности ресурсного потенциала. Рассчитан прогноз выпуска продукции аграрного производства в зависимости от динамики относительных показателей эффективности использования труда и капитала. Проведены расчеты необходимого ресурсного обеспечения экспортного потенциала аграрного производства с учетом изменения мировых цен на продукцию АПК.*

***Ключевые слова:** ресурсный потенциал, аграрное производство, продовольственная безопасность, сбалансированность, экспорт продукции АПК*

***Для цитирования:** Потапов А.П. Формирование ресурсного потенциала аграрного производства как фактор обеспечения продовольственной безопасности России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С. 49-54.*

Original article

FORMATION OF RESOURCE POTENTIAL OF AGRARIAN PRODUCTION AS A FACTOR OF FOOD SECURITY IN RUSSIA

Andrey P. Potapov
IAgP RAS, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

***Abstract.** The article summarizes the author's theoretical, methodological and applied research on the formation and use of the resource potential of agricultural production in Russia. The long-term trends in the formation and use of resource potential in modern conditions are revealed. The key directions of the implementation of the state agrarian policy in the resource sphere of agricultural production have been substantiated. The economic and mathematical substantiation of achieving a balance of resource potential has been carried out. The forecast of the output of agricultural production is calculated depending on the dynamics of the relative indicators of the efficiency of the labor and capital use. Necessary resource support for the export potential of agricultural production has been calculated, taking into account changes in world prices for agricultural products.*

***Key words:** resource potential, agricultural production, food security, balance, export of agricultural products.*

***For citation:** Potapov A. P. Formation of resource potential of agrarian production as a factor of food security in Russia // Regional agrosystems: economics and sociology. 2021;(3):49-54.*

Введение.

Продовольственная безопасность является в настоящее время главным направлением государственной аграрной политики России. Основу продовольственной безопасности составляет продовольственная независимость, которая определяется уровнем отечественного производства, самообеспечением продовольственными товарами, ресурсной независимостью аграрной сферы. Развитие аграрного производства во многом зависит от эффективности использования ресурсов, их сбалансированности между собой, влияния отдельных ресурсов на динамику выпуска продукции. Формирование и использование ресурсного потенциала аграрного производства выступает, таким образом, в качестве фактора обеспечения продовольственной независимости и безопасности страны.

На отечественное аграрное производство большое влияние оказывает реализация экспортно-ориентированной стратегии развития национальной экономики. Формирование и наращивание экспортного потенциала по продукции АПК требует соответствующего роста валового производства, для которого необходимо увеличение ресурсного обеспечения как на экстенсивной, так и на интенсивной основе. Вследствие ограниченности ресурсов главным направлением роста производства становится повышение эффективности ресурсного потенциала, позволяющее увеличить выход продукции с единицы использованного ресурса.

Цель исследования.

Целью настоящей статьи является обоснование ключевых направлений реализации государственной аграрной политики России по формированию и эффективному использованию ресурсного потенциала, позволяющих осуществлять прогнозирование выпуска продукции аграрного производства в средне- и долгосрочной перспективе.

Методика исследования.

При выполнении экономико-математического моделирования в статье были использованы метод построения производственной функции (на примере степенной многофакторной функции Кобба-Дугласа), индексный метод. Параметры производственной функции были рассчитаны с применением корреляционно-регрессионного анализа. В расчетах ресурсного обеспечения были применены нормативный и балансовый методы. Статистическая база расчетов сформирована на основе официальных данных из российских и международных источников, а также сведения Росстата об использовании основных производственных ресурсов в аграрном производстве.

Результаты исследования.

Разработка и реализация основных направлений государственной аграрной политики относительно ресурсного потенциала аграрного производства требует выявления и обоснования долгосрочных тенденций его формирования и использования. В современных условиях российской экономики сложилось несколько основных тенденций в ресурсной сфере сельского хозяйства.

1. Повышение эффективности использования ресурсов, выраженное показателями производительности труда, фондоотдачи, урожайности, продуктивности животных, отдачи от земельных ресурсов. На это повлияли изменения в производственной сфере, вызванные применением трудо-, материало- и энергосберегающих технологий, расширением инновационной деятельности в сельском хозяйстве, внедрением факторов инновационного развития, применением более производительного оборудования, использованием современных технологий аграрного производства, позволивших повысить выпуск продукции в расчете на единицу затраченных ресурсов.

2. Разнонаправленная динамика наличия и использования ресурсов в аграрном производстве. По земельным ресурсам наблюдается стабилизация и рост их использования, происходит повышение уровня химизации сельского хозяйства. Однако в технической сфере АПК рост качества применяемых машин и оборудования сопровождается долгосрочной тенденцией превышения выбытия над приобретением. Принимаемые меры по росту технической обеспеченности позволили в 2019-2021 гг. замедлить снижение, а по отдельным видам техники – увеличить их парк в аграрном производстве.

3. Высокая ресурсная зависимость аграрного производства от импорта основных видов ресурсов – тракторов, комбайнов, семенного и генетического материала, средств защиты растений, кормовых добавок, ветеринарных препаратов и т.п.

4. Сохранение и малые изменения структуры промежуточного потребления в аграрном производстве, выраженные технологическими коэффициентами и определяющие уровень, динамику и структуру ресурсоемкости аграрной продукции. Это отмечают также и другие авторы, проводящие расчеты технологических сдвигов в аграрном производстве [1].

Выявленные тенденции позволили обосновать 3 ключевые направления реализации государственной аграрной политики по формированию и эффективному использованию ресурсного потенциала аграрного производства. К их числу были отнесены:

- изменение структуры затрат в целях достижения внутренней сбалансированности ресурсного потенциала и роста эффективности аграрного производства;
- изменение производительности труда и фондоотдачи, отражающих эффективность использования базовых факторов производства – труда и капитала;
- рост экспорта продовольствия, стимулирующего рост производства и сбыта продукции, с учетом динамики мировых цен на продукцию АПК.

Сочетание этих трех направлений позволяет обосновать варианты прогнозов выпуска продукции аграрного производства в средне- и долгосрочной перспективе.

Изменение структуры затрат в целях достижения внутренней сбалансированности ресурсного потенциала предлагается проводить с использованием эконометрических методов, позволяющих оценить зависимость выпуска продукции от объема и структуры ресурсных затрат. Так, с использованием данных международной статистики, представленных совокупностью таблиц «Затраты – Выпуск», была рассчитана производственная функция, основными параметрами которой стали затраты аграрного производства на основные виды ресурсов. В качестве факторных признаков использованы затраты на основные производственные ресурсы, потребляемые аграрной сферой, но производимые в других отраслях национальной экономики. К ним отнесены:

- затраты на продукцию машиностроения (в рамках текущего производственного потребления);
- затраты на топливно-энергетические ресурсы;
- затраты на продукцию химической промышленности [2].

Фактологической базой расчетов послужили данные международного исследовательского проекта World Input – Output Database (WIOD) по странам мира, в т.ч. и по России. Для расчетов были использованы показатели по ресурсным затратам аграрной сферы из таблиц использования товаров и услуг. В результате была получена следующая производственная функция:

$$P = 6,140 \cdot M^{0,054} \cdot E^{0,673} \cdot C^{0,433},$$

где P – выпуск продукции сельского хозяйства, млн долл.,

M – затраты на продукцию машиностроения, млн долл.,

E – затраты на топливно-энергетические ресурсы, млн долл.,

C – затраты на продукцию химической промышленности, млн долл.

Метод построения производственной функции позволил осуществить прогноз выпуска продукции в зависимости от изменения факторных признаков. Данный метод является методологической основой для обоснования направлений по повышению эффективности ресурсного потенциала. В рассчитанной производственной функции фактором интенсификации выступают затраты на продукцию химической промышленности (минеральные удобрения, средства защиты растений).

В качестве уровня затрат на продукцию химической промышленности, обеспечивающего рост эффективности использования ресурсов, рекомендуется принять затраты, соответствующие научно обоснованной норме внесения минеральных удобрений, которая составляет 80 кг/га [3], что больше реального объема внесения в 1,31 раза. Это позволило рассчитать 2 целевых варианта изменения затрат ресурсов: первый – рост затрат на удобрения при со-

хранении общих затрат на основные производственные ресурсы (что приведет к изменению структуры и сокращению затрат на другие ресурсы), второй – рост затрат на удобрения при сохранении затрат на другие ресурсы (что приведет к изменению структуры и росту общих затрат) [2].

Таблица 1 – Оценка роста выпуска продукции аграрного производства за счет совершенствования структуры ресурсных затрат

Параметры	Базовый вариант	Целевой вариант 1	Целевой вариант 2
Доля затрат на продукцию машиностроения, %	27,1	25,1	25,6
Доля затрат на топливно-энергетические ресурсы, %	53,7	49,7	50,6
Доля затрат на продукцию химической промышленности, %	19,2	25,2	23,8
Общие затраты на основные производственные ресурсы, млн долл.	10412	10412	11033
Выпуск продукции аграрного производства, млн долл.	84490	89790	94962
Прирост выпуска к базовому варианту, %	–	6,3	12,4
Чистый прирост выпуска к базовому варианту, %	–	6,3	11,2

Таким образом, прирост объема использования продукции химической промышленности в аграрном производстве России позволит увеличить чистый выпуск продукции на 6,3 и 11,2% соответственно.

Реализация второго направления – изменения фондоотдачи и производительности труда – основана на оценке влияния использования укрупненных факторов производства – труда и капитала – в их качественном выражении на выпуск продукции аграрного производства. С применением аналогичного метода построения производственной функции были получены следующие параметры для условий аграрного производства России в 2005-2018 гг.:

$$P = 20,814 \cdot L^{0,398} \cdot K^{0,510}$$

где P – валовая продукция сельского хозяйства, млрд руб.,

L – производительность труда, руб. на 1 работника,

K – фондоотдача, руб. на 1 руб. основных производственных фондов.

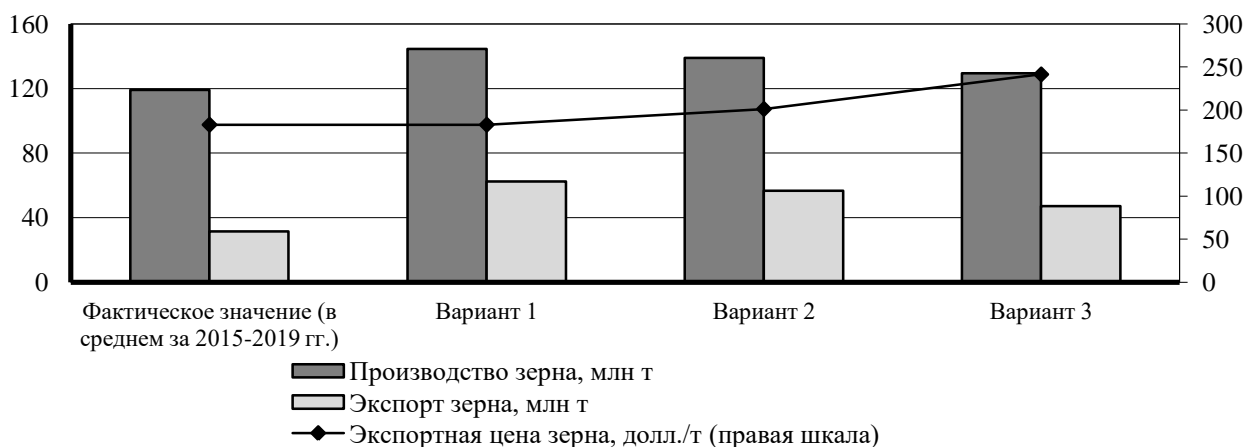
Полученные параметры производственной функции по качественным показателям использования труда и капитала позволяют спрогнозировать дальнейшее развитие аграрного производства России, оценить динамику и объемы выпуска продукции в зависимости от изменения факторных признаков [4]. Авторские расчеты показали, что поддержание положительных тенденций в ресурсной обеспеченности аграрного производства, сложившихся в анализируемом периоде, приведет к устойчивым темпам прироста валовой продукции на уровне 1,3-1,8% ежегодно в перспективе до 2030 года. Более значительный прирост – до 3,5% в год – приведет к общему повышению выпуска продукции на более чем 50% к 2030 году, для чего необходим рост показателей эффективности использования основных фондов и трудовых ресурсов в среднем на 4%.

Третье направление – рост экспорта продовольствия – является одним из направлений общегосударственной экономической политики по росту доли несырьевого экспорта. Согласно федеральному проекту «Экспорт продукции АПК» экспорт зерновых должен достичь 11,4 млрд долл [5].

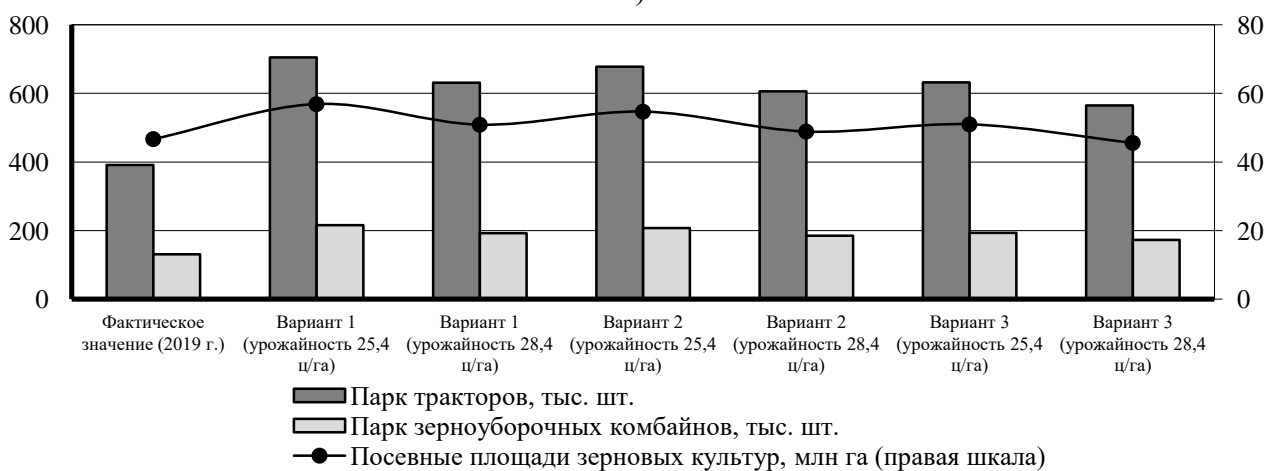
На примере зерновых культур, как основного экспортного продовольственного товара, рассчитан необходимый ресурсный потенциал для их производства по нескольким вариантам. Так как достижение показателей по экспорту в стоимостном выражении зависит не только от его объемов, но и от уровня цен на мировых рынках, то для расчета вариантов были применены следующие значения цены экспорта 1 тонны российского зерна: 1) в среднем за 2015-2019 гг., 2) в 2019 году, 3) с учетом потенциала роста цены на 20% к максимальному значению за исследуемый период, что соответствует актуальным прогнозам развития мировых продовольственных рынков [6]. Кроме того, в качестве вариантов производственных показателей были использованы разные уровни возможной урожайности зерновых культур: среднегодовая урожайность 25,4 ц/га посевной площади в 2015-2019 гг. и максимальная

урожайность – 28,4 ц/га посевной площади [7]. Целевой объем производства исходит из потенциала роста внутреннего потребления зерна до объема 82,3 млн т. Парк тракторов и комбайнов рассчитан исходя из норматива обеспечения техникой земельных ресурсов с учетом роста технического уровня машин и оборудования.

а)

б)

Рисунок – Экономические (а) и ресурсные (б) факторы формирования экспортного потенциала аграрного производства (на примере зернового хозяйства)

Расчеты, представленные на рисунке показали, что продолжение тенденции роста уровня мировых цен позволит обеспечить экспортный потенциал за счет незначительного прироста валовых сборов зерновых культур. Более низкие цены потребуют дополнительного расширения посевных площадей зерновых культур (до 49-51 млн га) и увеличения урожайности до 28,4 ц/га посевной площади за счет роста внесения удобрений. Для ввода посевных площадей необходимо соответствующее увеличение технической обеспеченности производственного процесса в зерновом хозяйстве и рост инвестиций в модернизацию и обновление материально-технической базы предприятий.

Заключение.

Таким образом, повышение эффективности ресурсного потенциала, рост относительных показателей эффективности использования труда и капитала в сельском хозяйстве, обеспечение сбалансированности потенциала по его внутренней структуре и соответствия производственным потребностям, рост экспортного потенциала по продукции агропродовольственного комплекса являются ключевыми факторами формирования ресурсного потенциала в целях обеспечения продовольственной независимости и безопасности. Использование экономико-математических методов позволяет провести обоснование перспектив формирования ресурсного потенциала аграрного производства в средне- и долгосрочной перспективе. Применение метода построения производственных функций дает возможность

рассчитать необходимость достижения сбалансированности ресурсного потенциала, что приведет к росту его эффективности, а также построить прогнозы развития аграрного производства в зависимости от влияния ресурсных факторов, выраженных показателями эффективности использования трудовых ресурсов и основных фондов – производительностью труда и фондоотдачей.

Список источников

1. Яковенко Н.А. Влияние технологических сдвигов на рост конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3. – С. 15-21.
2. Потапов А.П. Обоснование условий формирования ресурсного потенциала аграрного производства как фактора обеспечения продовольственной безопасности России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021. – № 2. – С. 19-23.
3. Минсельхоз не ожидает дефицита удобрений для аграриев / Крестьянские ведомости. Официальный сайт. – URL: <https://kvedomosti.ru/news/https-tass-ru-ekonomika-11070919.html>
4. Potapov A.P. Modeling the impact of resource factors on agricultural output. *Economic and Social Changes: Facts, Trends. Forecast.* 2020;13(4):154-168.
5. Федеральный проект «Экспорт продукции АПК» / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Официальный сайт – URL: <http://mcsx.ru/upload/iblock/013/013f266cee8d39bce5ca867381ff0da1.pdf>
6. OECD-FAO Agricultural Outlook 2019-2028, OECD Publishing, Paris / Food and Agriculture Organization of the United Nations, Rome, 2019. – URL: <http://www.fao.org>
7. Федеральная служба государственной статистики – URL: https://www.gks.ru/enterprise_economy

References

1. Yakovenko N.A. Influence of technological shifts on the growth of competitiveness of the agri-food complex of Russia. *Regional agrosystems: economics and sociology.* 2019;(3):15-21. (In Russ)
2. Potapov A.P. Substantiation of the conditions for the formation of the resource potential of agricultural production as a factor in ensuring food security in Russia. *Regional agrosystems: economics and sociology.* 2021;(2):19-23. (In Russ)
3. The Ministry of Agriculture does not expect a shortage of fertilizers for agrarians. *Krestyanskie vedomosti.* Official site. URL: <https://kvedomosti.ru/news/https-tass-ru-ekonomika-11070919.html>
4. Potapov A.P. Modeling the impact of resource factors on agricultural output. *Economic and Social Changes: Facts, Trends. Forecast.* 2020;13(4):154-168.
5. Federal project "Export of agricultural products". Ministry of Agriculture of the Russian Federation. URL: <http://mcsx.ru/upload/iblock/013/013f266cee8d39bce5ca867381ff0da1.pdf>
6. OECD-FAO Agricultural Outlook 2019-2028, OECD Publishing, Paris / Food and Agriculture Organization of the United Nations, Rome, 2019. - URL: <http://www.fao.org>
7. Federal State Statistics Service. URL: https://www.gks.ru/enterprise_economy

Информация об авторе

А.П. Потапов – кандидат экономических наук

Information about the authors

A.P. Potapov – Candidate of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 05.10.2021; одобрена после рецензирования 07.10.2021; принята к публикации 13.10.2021

The article was submitted 05.10.2021; approved after reviewing 07.10.2021; accepted for publication 13.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 55-61.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3): 55-61.

Научная статья
УДК 338.439.053

УСТОЙЧИВОСТЬ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АПК

Татьяна Викторовна Остапенко
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. Выявлены тенденции развития межотраслевых связей в отраслях агропродовольственного комплекса. Показаны особенности интеграционных процессов в период коронакризиса. Проанализирована концентрация производства в отраслях пищевой промышленности. На основе метода «затраты-выпуск» рассчитаны коэффициенты тесноты межотраслевых связей по потреблению и распределению продукции в отраслях агропродовольственного комплекса. Обоснованы направления повышения устойчивости межотраслевых связей агропродовольственного комплекса.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, межотраслевые связи, устойчивость, межотраслевые пропорции, межотраслевая сбалансированность, межотраслевые взаимодействия, продуктовые цепочки, интеграция, агрохолдинги, малые предприятия.

Для цитирования: Остапенко Т.В. Устойчивость межотраслевых связей как фактор конкурентоспособности АПК // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С. 55-61.

Original article

SUSTAINABILITY OF INTER-SECTORAL RELATIONS AS A FACTOR OF COMPETITIVENESS OF AGRI-FOOD COMPLEX

Tatyana V. Ostapenko
IAgP RAS, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The tendencies of the development of inter-sectoral relations in the branches of the agri-food complex are revealed. The features of integration processes during the coronavirus crisis are shown. The concentration of production in the food industry is analyzed. On the basis of the input-output method, the coefficients of the tightness of inter-sectoral relations for the consumption and distribution of products in the branches of the agri-food complex were calculated. The directions of increasing the stability of inter-sectoral relations of the agri-food complex have been substantiated.

Key words: agri-food complex, inter-sectoral relations, sustainability, inter-sectoral proportions, inter-sectoral balance, inter-sectoral interactions, product chains, integration, agricultural holdings, small enterprises.

For citation: Ostapenko T. V. Sustainability of inter-sectoral relations as a factor of competitiveness of agri-food complex // Regional agrosystems: economics and sociology. 2021; (3):55-61.

Введение.

Мировая экономическая ситуация, вызванная последствиями коронавируса, требует пересмотра подходов к устойчивому развитию агропродовольственного комплекса как на уровне отдельных отраслей и предприятий, так и всего комплекса. Разрыв межотраслевых связей в цепочках создания добавленной стоимости, девальвация национальной валюты порождают новые проблемы, способствуя созданию новых ограничений развития агропродовольственного комплекса. Важным является не только восстановление и совершенствования межотраслевых связей, но и формирование новой модели управления конкурентоспособностью агропродовольственного комплекса, которая обеспечит его устойчивое развитие в ближайшее время и в долгосрочной перспективе. Поэтому актуальной задачей является выявление роли межотраслевых связей как фактора устойчивого развития агропродовольственного комплекса.

Цель исследований – выявить роль межотраслевых связей как фактора устойчивости и направления усиления действия этого фактора.

Методика исследований.

Теоретической и методологической основой послужил метод «затраты-выпуск», использовались методы сравнительного анализа, обобщения, систематизации. В работе использованы специфические межотраслевые коэффициенты замкнутости комплекса по распределению и потреблению продукции, коэффициенты тесноты межотраслевых связей.

Информационной базой исследования явились Таблицы ресурсов и использования товаров и услуг Российской Федерации за 2018 и 2012 гг.

Результаты исследований.

Устойчивое развития агропродовольственного комплекса определяется способностью непрерывно поддерживать определенную пропорциональность в развитии воспроизводства в масштабах страны, обеспечивать продовольственную безопасность и конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции на мировом рынке. Уровень устойчивости агропродовольственного комплекса формируется под влиянием внешних и внутренних факторов и определяется характером и динамикой межотраслевых связей, структурными изменениями на продовольственном рынке, особенностями адаптации предприятий к изменению конъюнктуры продовольственного рынка.

В настоящее время политика устойчивого развития направлена и на решение глобальных проблем. Продовольственным системам отводится ключевая роль в развитии продовольственного сектора. Продовольственная система является устойчивой, если она может обеспечивать продовольственную безопасность и питание таким образом, что экономическая социальная и экологическая база, необходимые для обеспечения продовольственной безопасности и питания будущих поколений, не подвергаются риску [1].

Макроэкономическая устойчивость национального агропродовольственного комплекса определяется его способностью противостоять негативным макроэкономическим процессам: внешним вызовам, ухудшению внешнеэкономической конъюнктуры, негативным тенденциям развития сельскохозяйственного производства развитых стран, ужесточению финансовых условий ведения бизнеса. Макроэкономические показатели, характеризующие устойчивость агропродовольственного комплекса, выглядят следующим образом (таблица 1).

Сельское хозяйство формирует ресурсы для устойчивого роста пищевой промышленности, рынка продовольственных товаров конечного спроса и рынка непищевой продукции промежуточного спроса. В сложных условиях 2020 г. сельское хозяйство не только не поддержало внутренний рынок, но и позволило увеличить объемы экспорта сельхозпродукции. В 2020 г. укрепились позиции сельского хозяйства на мировом рынке. Экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственных товаров увеличился на 19,4%, импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, напротив, снизился на 0,7%.

Таблица 1 – Макроэкономические показатели, характеризующие устойчивость сельского хозяйства по годам

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Индекс валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах, % к предыдущему году	102,1	104,8	102,9	99,8	104,3	101,5
Удельный вес сельского, лесного, хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства в валовой добавленной стоимости по экономике в целом, %	4,3	4,3	3,9	3,8	3,9	4,1
Удельный вес инвестиций в сельское, лесное хозяйство, охоту, рыболовство и рыбоводство в общем объеме инвестиций в основной капитал, %	3,7	4,2	4,4	4,4	4,4	4,3
Удельный вес убыточных организаций по виду экономической деятельности сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство, % от общего числа организаций	24,1	23,3	25,4	27,1	21,1	19,2
Индекс потребительских цен на продовольственные товары декабрь к декабрю предыдущего года, %	114,0	104,6	101,1	104,7	102,6	106,7
Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к предыдущему году	96,8	94,2	99,5	100,1	101,0	96,5
Экспорт сельскохозяйственного сырья и продовольствия в фактически действующих ценах, % к предыдущему году	85,4	105,5	121,1	120,3	99,5	119,4
Импорт сельскохозяйственного сырья и продовольствия в фактически действующих ценах, % к предыдущему году	66,5	93,6	115,6	102,7	100,6	99,3
Официальный курс доллара США по отношению к рублю, декабрь к декабрю предыдущего года	129,5	83,2	95,0	120,6	89,1	119,3

Рассчитано по данным: Национальные счета России в 2013–2020 годах: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 263 с.; Российский статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 700 с; Цены в России. 2020: Стат. сб./ Росстат. – М., 2020. – 147 с.

Неблагоприятное сочетание факторов функционирования экономики в 2020 году таких как сжатие внутреннего рынка, падение курса рубля, снижение ключевой ставки оказали существенное влияние на динамику и структуру инвестиций в сельское хозяйство. В 2020 году инвестиции в основной капитал в сельское хозяйство снизились на 5,0 %, а их доля в общей структуре инвестиций также снизилась и составила 4,3 %.

При положительной динамике макроэкономических показателей сохраняется структурная несбалансированность агропродовольственного комплекса. Структура рынка является важнейшим фактором, определяющим устойчивость и эффективность агробизнеса. Формы межотраслевых связей могут существенно влиять на структуру рынка, эффективность его функционирования.

Структурная сбалансированность является важным фактором роста конкурентоспособности и повышения эффективности межотраслевых взаимодействий отдельных звеньев продуктовых цепочек. Устойчивое развитие могут обеспечивать лишь конкурентоспособные предприятия, обладающие определенной инновационностью, гибкостью и адаптивностью. Устойчивое развитие отдельных предприятий формирует предпосылки для устойчивого развития всего агропродовольственного комплекса.

Уровень развития конкурентной среды – важнейшая составляющая рыночной структуры, которая определяет эффективность продовольственного рынка и особенности стратегий фирм. Динамика концентрации производства в отраслях пищевой промышленности в 2018–2020 годах приведена табл.2.

В рассматриваемом периоде коэффициенты концентрации производства в отраслях пищевой промышленности в основном снижались. Проведенный анализ показал, что в 2020 г. по отношению к 2018 г. коэффициенты концентрации производства (CR) выросли только в масложировой и мукомольно-крупяной отраслях. Так, удельный вес продукции, производимой 4 предприятиями масложировой отрасли (CR4), увеличился с 27,12% в 2018 г. до 33,4% в 2020 г., а (CR4) мукомольно-крупяной отрасли с 31,09 до 36,5% соответственно.

Таблица 2 – Концентрация производства в отраслях пищевой промышленности в 2018–2020 гг., % (без субъектов малого предпринимательства)

Показатель	2018				2020			
	CR4	CR10	CR20	CR50	CR4	CR10	CR20	CR50
Производство пищевых продуктов	9,88	15,38	24,37	35,62	8,4	14,8	22,0	34,3
Переработка и консервирование мяса и мясной пищевой продукции	20,07	33,79	45,76	66,35	18,0	32,0	43,0	63,8
Производство молочной продукции	26,2	35,01	44,3	62,43	23,7	31,7	40,7	58,1
Переработка и консервирование фруктов и овощей	44,65	63,55	81,64	99,15	39,0	55,1	72,6	97,2
Производство растительных и животных масел и жиров	27,12	46,99	66,09	94,06	33,4	56,2	75,8	96,9
Производство продуктов мукомольной и крупяной промышленности, крахмала и крахмалосодержащих продуктов	31,09	45,7	60,38	83,93	36,5	51,5	65,9	87,7

Рассчитано по данным: Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/concurrent_s.htm

При этом индекс Херфиндаля–Хиршмана (НИ), рассчитываемый как сумма квадратов долей 50 крупнейших предприятий в общем объеме отгруженной продукции, в рассматриваемом периоде увеличился в масложировой отрасли с 345,53 до 438,7%, а в мукомольно-крупяной отрасли с 497,8 до 693,6%.

Изменение структуры рынка отражается на показателях концентрации производства. Несмотря на рост концентрации в отдельных отраслях пищевой промышленности благодаря процессам слияния и поглощения уровень концентрации производства в них остается низким. В отраслях пищевой промышленности, производящих сырье, и одновременно, ориентированных на экспорт продукции, уровень концентрации производства выше, чем в отраслях, ориентированных на внутренний рынок.

Современный коронакризис высветил острые проблемы устойчивого развития агропродовольственного комплекса, показал неоднозначный и противоречивый характер влияния интеграции на устойчивость. С одной стороны, формирование крупных агропродовольственных фирм, агрохолдингов является фактором сбалансированности межотраслевых структур, повышает устойчивость тех предприятий, которые не имеют собственной сырьевой базы, способствует углублению специализации. С другой – «сосредоточение производства в последние пять лет вокруг крупнейших игроков, четкие тенденции к концентрации отраслей комплекса, сокращение числа мелких товаропроизводителей не способствуют равновесию экономических интересов взаимодействующих субъектов, росту устойчивости жизнедеятельности сельских сообществ» [2].

Главной особенностью структурных изменений последних лет является повышение интегрированности путем формирование крупных агрохолдингов в основных продуктовых цепочках. Крупные агрохолдинги проводили углубление вертикальной интеграции, вовлекая в процесс все звенья производственной цепочки. Агрохолдинги укрепляли свои позиции, увеличивали масштабы производства, ориентируясь не только на замещение импорта, но и активное вытеснение с рынка малых форм хозяйствования. В молочнопродуктовой цепочке в последние годы углубление межотраслевых взаимодействий происходило на основе процессов вертикальной интеграции как прямой, так и обратной. В мясопродуктовой отрасли вертикальные связи между сырьевым и перерабатывающим сегментом масштабнее и устойчивее, чем в молочнопродуктовой [4]. Формирование сетевых форм организации бизнеса в агропродовольственном комплексе нацелено не только на удлинение продуктовой цепочки, но и на ориентацию на экспорт продукции, то есть предполагают интеграцию в глобальные производственно-сбытовые цепочки. «Устойчивости конкурентных позиций комплекса будут способствовать выход на более высокий уровень производственной кооперации, формирование национальных межотраслевых сегментов воспроизводственных систем» [5, 6].

Пандемия коронавируса повлияла на сельское хозяйство – от малого агробизнеса до агропромышленных холдингов. Малые предприятия, не имевшие финансовой подушки, зависевшие от предприятий общественного питания, концентрировавшиеся на производстве одного продукта или одном рынке, в данной ситуации несут большие убытки. Именно в этом сегменте больше всего закрытий и банкротств. Кризисным явлениям подвержены не только компании, которые страдают первыми, но и их контрагенты в рамках отрасли и в производственных цепочках.

Средние фирмы не обладают мощностью крупных и мобильностью малых фирм. Эта особенность заставляет средние фирмы придерживаться нишевой специализации. Крупные интегрированные формирования используют преимущества специализации, концентрации, кооперирования и поэтому характеризуются наибольшей устойчивостью. Они не только используют стратегию диверсификации бизнеса с целью переключения мощностей в те сферы, которые меньше пострадали от кризиса, но и стремятся диверсифицировать экспорт продукции.

Важнейшим инструментом изучения межотраслевых взаимодействий в агропродовольственном комплексе является межотраслевой баланс. Одним из показателей исследования межотраслевой структуры агропродовольственного комплекса является промежуточный продукт. Количественная оценка уровня развития межотраслевых взаимодействий в отраслях агропродовольственного комплекса оценена с использованием коэффициентов тесноты межотраслевых связей по потреблению и распределению продукции (таблица 3). Информационной базой для расчетов послужили Таблицы ресурсов и использования товаров и услуг Российской Федерации за 2018 и 2012 г.

Таблица 3 – Динамика коэффициентов тесноты межотраслевых связей по потреблению и распределению продукции в отраслях агропродовольственного комплекса

Характеристика коэффициентов*	Весь промежуточный продукт		Импортный промежуточный продукт	
	2012 г.	2018 г.	2012 г.	2018 г.
Доля промежуточного продукта сельского хозяйства, идущего на производственное потребление (распределение) в эту же отрасль в общем объеме сельского хозяйства	0,444 0,324	0,396 0,305	0,220 0,188	0,205 0,141
Доля промежуточного продукта сельского хозяйства, идущего на производственное потребление (распределение) в пищевую промышленность в общем объеме сельского хозяйства	0,400 0,139	0,422 0,168	0,203 0,101	0,169 0,073
Доля промежуточного продукта пищевой, идущего на производственное потребление (распределение) в эту же отрасль в общем объеме пищевой промышленности	0,669 0,356	0,667 0,245	0,403 0,130	0,340 0,164
Доля промежуточного продукта пищевой промышленности, идущего на производственное потребление (распределение) в сельское хозяйство в общем объеме пищевой промышленности	0,142 0,071	0,164 0,082	0,255 0,096	0,307 0,103

Примечание: *Числитель – коэффициент тесноты межотраслевых связей по потреблению продукции; знаменатель – коэффициент тесноты межотраслевых связей по распределению продукции.

Рассчитано по данным: Таблицы ресурсов и использования товаров и услуг Российской Федерации за 2018 год. Стат. сб. / Росстат. – М., 2021; Таблицы ресурсов и использования товаров и услуг Российской Федерации за 2012 год. Стат. сб. / Росстат. – М., 2017.

Анализ коэффициентов замкнутости выявил тесные внутренние связи сельского хозяйства и пищевой промышленности. Проведенное исследование коэффициентов тесноты межотраслевых связей показало, что в отраслях агропродовольственного комплекса медленно, но происходит углубление межотраслевых связей, расширяются и укрепляются производственные связи промышленности с сельским хозяйством.

Анализ отраслевой структуры промежуточного потребления в отраслях сельского хозяйства и пищевой промышленности показал, что в 2018 г. отмечается тенденция снижения внутриотраслевого обмена и одновременно роста межотраслевого обмена. Снижается внутриотраслевой обмен для развития отраслей животноводства. Примером этого может явиться

снижение производства молока на выпойку телят. Кроме того, отмечается рост промежуточного продукта пищевой промышленности, идущей на производственное потребление в сельское хозяйство. Примером этого может быть рост стоимости кормов для отраслей животноводства, в том числе импортных кормов. Анализ структуры производственного потребления выявил в рассматриваемом периоде уменьшение доли внутрикомплексных поставок импортной продукции, снижение промежуточного спроса на отечественную продукцию, недостаточный уровень глубины переработки продукции. Углубление межотраслевых связей связано с ликвидацией узлов несбалансированности в продуктовых цепочках и достраиванием недостающих звеньев: возрождение семеноводства, селекции, племенного скотоводства, научного обслуживания. Важным направлением повышения устойчивости межотраслевых связей агропродовольственного комплекса является диверсификация импорта, развитие собственного производства на основе локальных источников сырья.

Заключение.

Проведенное исследование показало неоднозначность и противоречивость агропромышленной интеграции. С одной стороны, коронакризис привел к упрощению структуры межотраслевых связей, снижению уровня и сокращению масштаба и эффективности межотраслевых взаимодействий в продуктовых цепочках. С другой – современный коронакризис, девальвация рубля открывают новые возможности для развития национального агропродовольственного комплекса, связанные с его конкурентными преимуществами.

Важными задачами устойчивого развития агропродовольственного комплекса является повышение надежности глобальных продуктовых цепочек, обеспечение сбалансированности национальных продуктовых цепочек, рост инновационной активности отраслей комплекса, формирование развитой логистической инфраструктуры, сокращение транзакционных издержек.

Список источников

1. HLPE. 2014. Food losses and waste in the context of sustainable food systems. A report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. Report No.8. Rome.
2. Анфиногентова А.А., Ермолова О.В., Решетникова Е.Г., Мореханова М.Ю. Агропродовольственный комплекс России в продовольственной системе мира: устойчивость и экономическая доступность продовольствия для населения // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021. – № 1. – С. 4–18.
3. Альбеков А.У., Ремета А.А. Проблемные аспекты вертикальной интеграции производственно-распределительных цепей агропромышленных холдингов в условиях насыщения рынка мясной продукции // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2017. – № 2. – С. 11–16.
4. Родионова Е. Интеграционные процессы в мясопродуктовом подкомплексе АПК России: результаты, особенности, направления развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т.11. – № 2. – С. 144–159.
5. Дорофеева Л. И., Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Приоритеты и механизмы управления межотраслевой структурой агропродовольственного комплекса. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2020. – Т.20. – № 4. – С. 429–438.
6. Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Эффективность межотраслевых взаимодействий в агропродовольственном комплексе // Развитие территорий. – 2020. – № 1(19). – С. 38–4.
7. Калинин А.М., Коротеев С.С., Крупин А.А., Нефедов А.В. Технологическая импортозависимость российской экономики: оценка с использованием таблиц «затраты-выпуск» // Проблемы прогнозирования. – 2021. – № 1. – С. 83–93.

8. Осипов В.С. Разрывы внутриотраслевых и межотраслевых связей в агропродовольственном секторе экономики Российской Федерации // Вестник ФГОУ ВПО МГАУ. – 2013. – № 3. – С. 74–78.

9. Российская экономика в 2020 году. Тенденции и перспективы. (Вып.42). – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. – 712 с.

10. Таблицы ресурсов и использования товаров и услуг Российской Федерации за 2018 год. Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/S8KpHhVS/tri-2018.xlsx>

11. Таблицы ресурсов и использования товаров и услуг Российской Федерации за 2012 год. Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tri-2012\(1\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tri-2012(1).xlsx)

References

1. HLPE. 2014. Food losses and waste in the context of sustainable food systems. A report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. Report No.8. Rome.

2. Anfinogentova AA, Ermolova OV, Reshetnikova EG, Morekhanova M.Yu. Agro-food complex of Russia in the food system of the world: sustainability and economic availability of food for the population. *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2021; (1): 4-18. (In Russ)

3. Albekov A.U., Remeta A.A. Problematic aspects of vertical integration of production and distribution chains of agro-industrial holdings in the conditions of saturation of the meat market. *Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH)*. 2017; (2): 11-16.

4. Rodionova E. Integration processes in the meat subcomplex of the agro-industrial complex of Russia: results, features, directions of development. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2018; 11(2): 144-159. (In Russ)

5. Dorofeeva L. I., Ermolova O. V., Kirsanov V. V. Priorities and mechanisms of management of the intersectoral structure of the agri-food complex. *Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Economics. Control. Right*. 2020; 20(4):429–438. (In Russ)

6. Ermolova O. V., Kirsanov V. V. The effectiveness of intersectoral interactions in the agro-food complex. *Development of territories*. 2020; 1(19): 38. (In Russ)

7. Kalinin A.M., Koroteev S.S., Krupin A.A., Nefedov A.V. Technological import dependence of the Russian economy: assessment using input-output tables. *Problems of forecasting*. 2021; (1): 83-93. (In Russ)

8. Osipov V.S. Breaks of intra-industry and inter-industry ties in the agri-food sector of the economy of the Russian Federation. *Bulletin of the FGOU VPO MGAU*. 2013;(3):74–78. (In Russ)

9. Russian economy in 2020. Trends and Prospects. (Issue 42). - М.: Publishing house of the Institute of Gaidar, 2021. -- 712 p.

10. Tables of resources and use of goods and services of the Russian Federation for 2018. Stat. Sat. / Rosstat. 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/S8KpHhVS/tri-2018.xlsx>

11. Tables of resources and use of goods and services of the Russian Federation for 2012. Stat. Sat. / Rosstat. 2017. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tri-2012\(1\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tri-2012(1).xlsx)

Информация об авторе

Т.В. Остапенко – кандидат экономических наук.

Information about the authors

T.V. Ostapenko – Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 19.10.2021

The article was submitted 01.10.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 10.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 62-67.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3): 62-67.

Научная статья
УДК 338.28

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Надежда Викторовна Уколова¹, Юлия Анатольевна Шиханова²
^{1 2} Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
Высшего образования Саратовский государственный аграрный университет
им.Н.И. Вавилова, г. Саратов, Россия
¹nv.ukolova@yandex.ru, ²anna310395@mail.ru

Аннотация. Уточнено понятие трансфера технологий. Обосновано, что эффективная передача информации, требует способности поглощать, разъяснять, интерпретировать и применять новые знания. Отдельное внимание уделено модели коммуникации Лассуэла. Авторы считают, что эта модель должна лечь в основу трансфера технологий в сельском хозяйстве как средства донесения информации до пользователя. Для выяснения того, какие источники информации используют сельхозтоваропроизводители Саратовской области, было проведено анкетное обследование. Оно показало, что в век цифровых технологий сельскохозяйственным товаропроизводителям удобнее всего получать необходимую информацию через интернет-ресурсы. На основании этого предлагается создание научно-технологической платформы, которая должна будет помочь аграриям взаимодействовать с научными центрами, узнавать об актуальных научных достижениях в области растениеводства, животноводства, селекции.

Ключевые слова: трансфер технологий, сельское хозяйство, информация, модель коммуникации Лассуэла, научно-технологическая платформа.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00324

Для цитирования: Уколова Н.В., Шиханова Ю.А. Развитие информационно-коммуникационных технологий как способ повышения эффективности процесса трансфера технологий в сельском хозяйстве // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С. 62-67.

Original article

DEVELOPMENT OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A WAY TO INCREASE THE EFFICIENCY OF THE TECHNOLOGY TRANSFER PROCESS IN AGRICULTURE

Nadezhda V. Ukolova¹, Yulia A. Shikhanova²
^{1 2} Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia
¹nv.ukolova@yandex.ru, ²anna310395@mail.ru

Abstract. The concept of technology transfer has been clarified. It has been substantiated that effective transmission of information requires the ability to absorb, explain, interpret and apply new

knowledge. Special attention is paid to the Lassuela communication model. The authors believe that this model should form the basis of technology transfer in agriculture as a means of delivering information to the user. To find out what sources of information are used by agricultural producers of the Saratov region, a questionnaire survey was conducted. It showed that it is most convenient to obtain the necessary information through Internet resources. Based on this, it is proposed to create a scientific and technological platform that should help farmers interact with scientific centers, learn about current scientific achievements in the field of crop production, animal husbandry, and selection.

Key words: technology transfer, agriculture, information, Lassuela communication model, science and technology platform.

Financial Support: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-010-00324

For citation: Ukolova N. V., Shikhanova Yu. A. Development of information and communication technologies as a way to increase the efficiency of the technology transfer process in agriculture // *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2021; (3):62-67.

Введение.

На протяжении тысячелетий шла эволюция трансфера технологий. Потребность в общении, в передаче и хранении информации возникла и развивалась вместе с развитием человеческого общества. Это было связано с тем, что информация и знания устаревают, обновляются и дополняются, в каждой области жизни и работы постоянно возникает необходимость применять актуализированные познания. Современному сельскохозяйственному предприятию, чтобы не отстать от новых изобретений, необходимо постоянно быть в курсе событий, иметь связь с научными учреждениями. Для этого необходимо создать цифровую платформу, которая способствовала бы передаче информации от разработчиков до потребителей этих идей.

Цель исследований заключается в исследовании сущности трансфера технологий, обосновании направлений их дальнейшего развития на основе создания научно-технологических платформ, которые будут способствовать повышению эффективности процесса трансфера технологий.

Методика исследований.

Вопросам трансфера технологий посвящены труды отечественных ученых Л.М. Гохберга, А.А. Дынкина, Б.Н. Кузика, Д.С. Львова, Ю.В. Соловьёва, Н.В. Уколовой, А.И. Шинкевича, В.Е. Шукшунова, Ю.В. Яковца, Ю.А. Шихановой и ряда других.

Исследования данных ученых раскрывают сущность и роль трансфера технологий в цифровой экономике, механизм трансфера технологий, оценку его эффективности. Тем не менее, до сих пор недостаточно проработан вопрос о механизме передачи информации и создании единой платформы для разработчиков и пользователей. Это и послужило выбором темы научного исследования.

В процессе научного исследования использовались такие методы, как монографический, абстрактно-логический, метод включенного наблюдения.

Результаты исследований.

Трансфер технологий представляет собой процесс передачи знаний и информации, способствующий эффективному развитию субъектов экономических систем в рамках действующего законодательства с учетом возможностей и достигнутого уровня развития общества [1].

Для того чтобы лучше осмыслить и усовершенствовать механизм трансфера технологий в сельском хозяйстве остановимся на ключевых понятиях, представленных в определении – знания и информация.

Термин «знание» имеет следующее значение: обладание какими-либо сведениями, осведомленность относительно кого-либо, чего-либо // владение какими-либо практическими навыками, умениями; или – проверенный практикой результат постижения действительно-

сти, её отражение в сознании человека // система сведений о закономерностях развития природы, общества, мышления и т. п.; наука [2].

Корень слова «знание» образовался от глагола знать (праславянского *znati*). В древности у корневого понятия «знать» выделилось три направления. Прежде всего, «знать» – это владеть какой-либо информацией, обладать навыками и умениями. Второй смысл – отличать и выделять какую-либо информацию по признакам актуальности, важности или сопоставления с другими сведениями. Знание предполагает не только набор каких-то данных, но и их изучение, анализ, сортировку. Третье направление – «знавать» подразумевает получение знаний, обучение, научную и исследовательскую деятельность. От термина «знавать» произошёл комплекс слов, обозначающих процесс познания [3].

Знание тесно связано с передачей информации. Понятие «информация» происходит от латинского *informatio* и буквально означает «разъяснение, изложение». В Современном экономическом словаре данное слово имеет два значения [4]: «сообщение о чем-либо или сведения, являющиеся объектом хранения, обработки и передачи». Глагол «информировать» происходит от латинского *informare* < *formare*, то есть «придавать внешний вид», который, в свою очередь, образован от латинского же *forma* (форма) и означает – передавать кому-либо данные, сообщать факты [5].

Выходит, что обладатель знания способен лишь транслировать информацию о своем знании, но не передавать само знание. А желающий получить знание может лишь воспользоваться информацией о чужом знании, но свое знание ему необходимо извлекать из собственного опыта [6].

Таким образом, НИИ, ВУЗы передают имеющиеся у них знания (о новых сортах, гибридах, удобрениях, технологиях возделывания сельскохозяйственных культур и т.д.) аграриям, и те, получив новую информацию, и исходя из своего опыта работы в сельском хозяйстве, используют эту информацию и тем самым, приумножая свои знания в профессиональной сфере.

Эффективная передача информации требует способности поглощать, разъяснять, интерпретировать и применять новые знания. На сегодняшний день аграриям предоставляется огромный поток информации и поэтому возникает вопрос, как организовать данный поток. И тут стоит вспомнить модель коммуникации Г. Лассуела, которая была предложена в 1948 г. в работе «Структура и функции коммуникации в обществе» [7] (рисунок).

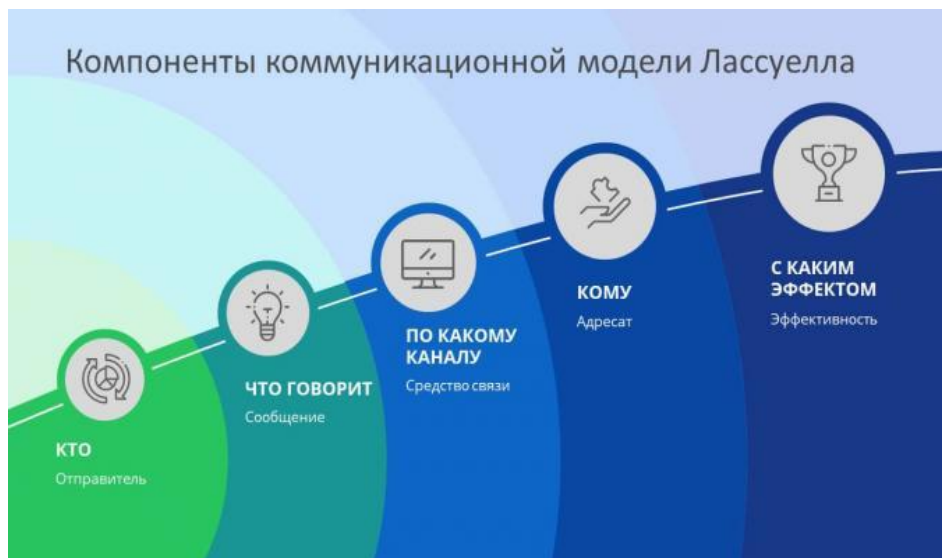

Рисунок – Модель коммуникации Лассуелла

Коммуникатор (Кто?) – это человек, который передает информацию. Производится анализ коммуникатора, выявляются его характеристики, факторы, способствующие улучше-

нию взаимодействия с аудиторией. Анализируются причины возникновения самого акта коммуникации.

Сообщение (Что?) – это то, что передается от коммуникатора. В данном случае будет проводиться анализ содержания сообщения, информации (контент, объем, сложность, композиция), а также выявлена частота употребления и количество упоминаний сообщения в СМИ.

Канал (По какому каналу?) – это способ передачи сообщения. Анализ средств и каналов, с помощью которых передаётся сообщение. Выявление наиболее приемлемых средств коммуникации и их специфик.

Получатель (Кому?) – это тот, кто получает сообщение. Аудитория, на которую было направлено сообщение, подвергается анализу, в ходе которого выявляются отличительные черты и характеристики данной аудитории.

Эффект (С каким эффектом?) – это реакция на полученное сообщение. Анализ результатов коммуникационного воздействия, оценка эффективности коммуникации на основании: принятия или отторжения информации, возникшего интереса к содержанию сообщения или безразличия [8].

Как показывает рисунок, модель коммуникации Лассуела стремится определить коммуникацию, используя следующие переменные: кто общался, что сказал, по какому каналу это было передано, кому это было адресовано и какой результат был произведен. Получается, что в нашем случае коммуникатор это ВУЗы, НИИ, которые накопленные знания пытаются донести до целевой аудитории. В настоящее время любой коммуникатор пытается создать точную модель аудитории, т.е. учесть возрастные, культурные, образовательные, эстетические и прочие характеристики. Именно от этого будет зависеть доля участия или неучастия аудитории в процессе коммуникации.

Сообщение представляет собой информацию, в которой отражается, что интересно и востребовано на сегодняшний день, что актуально для целевой аудитории. В нашем случае эта аудитория представлена аграриям для предоставления информации, которая поможет им развивать бизнес и быть конкурентоспособными в современных условиях. Для выявления интересов сельхозтоваропроизводителей необходимо осуществлять постоянные встречи и проводить такие формы опроса, например, анкетирование.

Распространение новых знаний от одних участников другим происходит с помощью передачи патентов на изобретения, патентного лицензирования, технологической документации; торговли беспатентными изобретениями; передачи ноу-хау; информационного обмена при личном общении (семинары, конференции, выставки, симпозиумы и т.п.); распространении технологических сведений, сопутствующих приобретению или аренде (лизингу) технологического оборудования и машин, научного исследования и разработок при обмене учеными и экспертами, организациями совместного производства или предприятия и др. На сегодняшний день можно обнаружить новую модель средств массовой информации «один-многим» на новую – «многие-ко-многим», или, как еще ее называют, модель веб-общения [9]. Используя современные медиа-технологии, любой человек может выступать в качестве Интернет-СМИ, т. е. производить, распространять и хранить в открытом доступе текст, звук, изображения, мультимедиа.

Получатель – это заинтересованные группы (работники организации, управленческий персонал организации, собственники земли/капитала, государство в лице органов государственного управления, общество) в развитии своего дела. Получатель не только получает информацию, но и активно взаимодействует с коммуникатором, отправляя письмо по электронной почте или SMS, написав блог, пообщавшись в чате.

Эффект – эффективная передача трансфера технологий требует способности поглощать, разъяснять, интерпретировать и применять новые знания для развития бизнеса сельхозтоваропроизводителей, а именно повышение эффективности использования производственных ресурсов, повышение урожайности сельскохозяйственных культур, повышение продуктивности скота, экологизации производства и т.д.

На наш взгляд, модель коммуникации Лассуэла должна лечь в основу трансфера технологий, так как она сможет помочь коммуникатору в доведении информации до получателя таким образом, что она будет услышана и применена им.

В настоящее время передача информации между теми у кого она есть и кому она нужна сталкивается с определенными трудностями. Для их выявления с помощью Минсельхоза Саратовской области было проведено анкетирование среди аграриев Саратовской области. В анкете были представлены, следующие вопросы: используют ли в своей деятельности достижения науки; из каких источников получают информацию о новых разработках (семена, удобрения, технологии и т.д.); какой источник получения информации о новых достижениях науки является наиболее эффективной; используют ли в своей деятельности цифровые платформы; какой вариант научно-технического консультирования наиболее эффективный; как осуществляется обратная связь с разработчиком научно-технических разработок; какие видят пути дальнейшего развития передачи информации.

Анкетирование среди работников сельского хозяйства Саратовской области показало, что основное количество опрошенных подчеркивают, что новую информацию для своей деятельности они изыскивают из интернет-ресурсов (99%), но при этом не знают ни одной цифровой платформы (90%), из которой можно бы было получить достоверную информацию. При этом все опрошенные указали, что дальнейший путь развития информации они видят как активное использование интернет-ресурсов (99%), при этом они экономят время на посещение семинаров и выставок. Таким образом, сельхозтоваропроизводителям необходим доступ к новым технологиям посредством создания платформ по распространению новых технологий. Поэтому на сегодняшний день становится актуальным и востребованным создание научно-технологических платформ для аграриев.

Заключение.

Современный уровень развития информационно-коммуникационных технологий способствует повышению эффективности процесса трансфера технологий. Так, одним из наиболее действенных способов передачи информации в настоящее время является создание специализированных научно-технологических платформ, что позволяет перевести имеющиеся технологии в цифровой формат и обеспечить доступ потенциальным потребителям новых технологий, а разработчикам обеспечить сокращение времени передачи данных технологий. Необходимо отметить, что в рамках создаваемых платформ имеется возможность координации, консультирования, наблюдения за процессом передачи технологий, создания специализированной платформы по распространению новых технологий. Примером успешного применения данного подхода может служить создание научно-технологической платформы «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство».

Список источников

1. Трансфер технологий в сельском хозяйстве: введение в теорию и совершенствование механизма / Н.В. Уколова [и др.]. – Саратов: Амирит, 2020. – 218 с.
2. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремова. – М.: Дрофа, Русский язык, 2000.
3. Знание – однокоренные слова. – URL: <http://jna.ru/info/znanie-odnokorennnye-slova>
4. Современный экономический словарь. 2-е изд онлайн – URL: 1235.slovaronline.com
5. Латинско-русский словарь к источникам римского права. – URL: <https://896.slovaronline.com/3735-informare>
6. Информация и Знание. – URL: https://naturalworld.guru/article_informaciya-i-znanie.htm
7. Lasswell H. (1948) The Structure and Function of Communication in Society. – New York: Institute for Religious and Social Studies. – P. 37.
8. Рогов Е.И. Психология общения. – М.: КНОРУС, 2018. – 260 с.
9. Тихомирова Е.И. Теория коммуникации и новые медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 3(25). – С. 218–221

References

1. Transfer of technologies in agriculture: introduction to the theory and improvement of the mechanism / N.V. Ukolov [and others]. Saratov: Amirit, 2020; 218 p.
2. New explanatory and derivational dictionary of the Russian language / ed. T.F. Efremova. - M.: Bustard, Russian language, 2000.
3. Knowledge is a cognate word. URL: <http://jna.ru/info/znanie-odnokorennyye-slova>
4. Modern economic dictionary. 2nd ed online. URL: 1235.slovaronline.com
5. Latin-Russian dictionary to the sources of Roman law. URL: <https://896.slovaronline.com/3735-informare>
6. Information and Knowledge. URL: https://naturalworld.guru/article_informaciya-i-znanie.htm
7. Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society. – New York: Institute for Religious and Social Studies. 1948: 37.
8. Rogov E.I. Psychology of communication. - M.: KNORUS. 2018; 260 p.
9. Tikhomirova E.I. Communication theory and new media. *Sign: the problem field of media education*. 2017; 3(25): 218-221. (In Russ)

Информация об авторах

Н.В. Уколова – доктор экономических наук;

Ю.А. Шиханова - кандидат экономических наук.

Information about the authors

N.V. Ukolova - Doctor of Economic Sciences;

J.A. Shikhanova - Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 04.10.2021; одобрена после рецензирования 06.10.2021; принята к публикации 13.10.2021

The article was submitted 04.10.2021; approved after reviewing 06.10.2021; accepted for publication 13.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 68-71.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3): 68-71.

Научная статья
УДК 338.28

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ В АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Сергей Владимирович Монахов
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, monahovsv@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен механизм трансфера технологий, основные этапы развития, а также используемые модели. В статье сделан вывод о том, что пандемия COVID-19 способствует развитию информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих переход на новый уровень развития экономических систем, сокращению времени трансфера технологий, повышению эффективности его механизма. В современных условиях значительное влияние на процесс трансфера технологий оказывает деятельность крупных транснациональных компаний, возможности которых также способствует повышению эффективности трансфера технологий.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, трансфер технологий, цифровизация, аграрная экономика.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00324

Для цитирования: Монахов С.В. Особенности развития трансфера технологий в аграрной экономике // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С. 68-71.

Original article

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF TECHNOLOGY TRANSFER IN THE AGRICULTURAL ECONOMY

Sergei V. Monakhov
IAgP RAS, Saratov, Russia, monahovsv@mail.ru

Abstract. In the article, the author considers the mechanism of technology transfer, the main stages of development, as well as the models used. The article concludes that the COVID-19 pandemic contributes to the development of information and communication technologies that ensure the transition to a new level of development of economic systems, reduce the time of technology transfer, and increase the efficiency of the transfer mechanism. In modern conditions, the activities of large multinational companies have a significant impact on the technology transfer process, the capabilities of which also contribute to improving the efficiency of technology transfer.

Keywords: institutional environment, technology transfer, digitalization, agricultural economy.

Financial Support: The research was carried out with the financial support of the RFBR as part of the scientific project No. 20-010-00324

For citation: Monakhov S.V. Features of the development of technology transfer in the agricultural economy. Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3): 68-71.

Введение.

Изменения, происходящие в экономиках России и ведущих мировых держав, обусловленные развитием информационно-коммуникационных технологий, пандемией COVID-19, а также воздействием крупных транснациональных компаний на процесс передачи новых знаний и технологий, в значительной степени изменили механизм трансфера технологий.

Цифровая трансформация общества, а также современный уровень развития информационно-коммуникационных технологий значительно упрощают процесс передачи знаний и информации. Вместе с тем сложившиеся в экономической науке общепринятые теории лишь косвенно характеризуют процесс трансфера технологий или затрагивают некоторые аспекты трансфера технологий, о чем свидетельствуют научные труды таких ученых, как J. Schumpeter, Н. Pack и К. Saggi, J.H. Dunning, E. Mansfield, D. Teece, Н. Bresman, A. Inkpen, М.П. Галимова, П. Кохно, Ю. Соловьева и др. Исследование процесса трансфера технологий в современных условиях представляется актуальным.

Целью исследований являлось изучение механизма трансфера технологий и выделение особенностей его развития в современных условиях.

Методика исследований.

В основе исследований лежат основополагающие принципы классической экономической теории, теории экономического роста и развития, категории институциональной экономики, микро- и макроэкономики.

Основным методом исследования является диалектический метод, который предполагает, что все события рассматриваются в развитии и неразрывной связи между причинами этих событий и их следствиями. Методами исследования также являются монографический, экономико-статистический, абстрактно-логический и расчетно-конструктивный метод и др. Такой комплексный подход включает в себя совокупность методов научного познания, используемых как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях (концептуальное моделирование, синтез и анализ, табличная и графическая интерпретация теоретической информации и эмпирических данных). Автором также использованы системный, институциональный, эволюционный и логический подходы к изучению тенденций развития трансфера технологий.

Результаты исследований.

В современных условиях первоочередной задачей для экономики любой страны является повышение темпов экономического развития, производительности труда в различных секторах и отраслях экономики. Данный переход должен быть обеспечен в кратчайшие сроки и с минимальными затратами, что возможно на основе применения новых технологий и обеспечения максимального использования имеющихся ресурсов. В 2019 году Российская Федерация заняла 46-е место из 129 в рейтинге инновационных стран. Лидерами являются Швейцария, Швеция, США, Нидерланды, Великобритания, Финляндия, Дания, Сингапур, Германия, Израиль. Индикаторами оценки выступали 80 показателей, среди которых были следующие:

- оценка политической ситуации,
- конъюнктура развития инфраструктуры и бизнеса,
- ситуация в образовании
- и ряд других.

Трансфер технологий, с практической точки зрения, представляет собой процесс, способствующий внедрению новых технологий, ускоренному развитию хозяйствующих субъектов, отдельных отраслей и национальной экономики в целом. При этом современный уровень развития общества и мировой экономической системы также способствует ускорению трансфера технологий, совершенствованию взаимодействия между хозяйствующими субъектами, компаниями, учреждениями фундаментальной и прикладной науки, отдельными государствами.

Классическая схема трансфера технологий предполагает наличие пяти этапов [1]:

- первый этап – формулировка бизнес идеи;

- второй этап – корректировка и формирование коммерческих предложений;
- третий этап – поиск заинтересованных в использовании новых технологий;
- четвертый этап – доработка технологий для конкретного хозяйствующего субъекта;
- пятый этап – реализация технологии на конкретном предприятии.

Линейная модель трансфера технологий также состоит из пяти последовательных блоков: первый блок – фундаментальные исследования; второй блок – прикладные исследования; третий блок – экспериментальная разработка; четвертый блок – производство; пятый блок – диффузия.

В дальнейшем линейная модель трансфера технологий изменялась в соответствии с изменениями происходящими в обществе. Во временном аспекте линейная модель использовалась до середины 1960-х годов. На смену данной модели пришла Линейная модель с упором на рынок, господствующая до конца 1970-х годов. До середины 1980-х годов активно использовалась Сопряженная модель трансфера технологий. На смену Сопряженной модели трансфера технологий пришла Интерактивная модель, которая используется с середины 1980-х годов по настоящее время. Сейчас при трансфере технологий в основном используется Модель с цепными связями [2].

Последние две модели трансфера технологий во многом обусловлены деятельностью крупных транснациональных компаний и развитием информационно-коммуникационных технологий. Деятельность транснациональных компаний выходит за рамки отдельных государств и национальных экономик хоть и направлена на максимизацию прибыли. Поэтому для обеспечения эффективной деятельности они имеют собственные исследовательские структуры, апробируют разработанные технологии, внедряют их в производство и обеспечивают соответствующую поддержку используемых технологий. В результате в данных компаниях сокращается время трансфера технологий от этапа исследований до массового использования.

Особенностью современного сельского хозяйства в России является наличие большого числа мелких фермерских хозяйств, которые вносят значительный вклад в производстве сельскохозяйственной продукции и не имеют прямого доступа до новых технологий в силу ограниченности финансовых ресурсов. Ранее как вариант передачи новых знаний и технологий выступало использование опыта передовых хозяйств, что требовало незначительных затрат, связанных с организацией поездок и т.д. Пандемия COVID-19 резко изменила процесс передачи новых знаний в реальный сектор экономики в силу ограниченности прямого общения. Вместе с тем современный уровень развития информационно-коммуникационных технологий, сети Internet позволяет решить проблему скорейшего и успешного внедрения новых технологий. В данной ситуации происходит замена реального общения на виртуальное, в том числе проведение виртуальных выставок, конференций и ряда других виртуальных мероприятий.

Еще более важной особенностью настоящего времени является создание специализированных научно-технических платформ, обладающих полным функционалом ускоренного трансфера технологий, минимизации финансовых затрат на поиск, внедрение и поддержку новых технологий.

Заключение.

В последние годы механизм трансфера технологий претерпел значительные изменения. Они, в основном, были направлены на сокращение срока внедрения новых технологий и уменьшения времени поиска необходимых технологий для конечного пользователя. Современный уровень информационно-коммуникационного развития способствует повышению эффективности процесса трансфера технологий и обеспечивает максимальный экономический эффект. Значительное влияние на процесс трансфера технологий оказывает деятельность крупных транснациональных компаний, благодаря которой также сокращается время трансфера технологий.

Список источников

1. Воловиков С.А., Маринченко Т.Е. Трансфер технологий в сельском хозяйстве России// Бизнес в законе. – 2012. – № 2. – С. 313–314.
2. Соловьёва Ю.В. Механизм трансфера технологий в инновационной экономике. – М., 2016. – 164 с.

References

1. Volovikov S.A., Marinchenko T.E. Technology transfer in agriculture of Russia. *Business in law*. 2012: (2): 313-314. (In Russ)
2. Solovyova Yu.V. The mechanism of technology transfer in the innovative economy. - M., 2016. - 164 p.

Информация об авторе

С.В. Монахов – кандидат экономических наук.

Information about the authors

S. V. Monakhov – Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 21.09.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2021; принята к публикации 30.09.2021

The article was submitted 20.09.2021; approved after reviewing 24.09.2021; accepted for publication 30.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С.72-79.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3): 72-79.

Научная статья
УДК 338.439.63

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ АНАЛИЗ УСЛОВИЙ И ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ВЕКТОРА КОНЕЧНОГО ПРОДУКТА АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Елена Геннадиевна Решетникова¹, Владимир Даниилович Иосипенко²
^{1 2} Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия
^{1 2} iagpran@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обоснованию путей реализации межотраслевого подхода к регулированию вектора конечного продукта агропродовольственного комплекса в составе проектов социально-экономического развития страны и регионов. Выявлены приоритетные направления развития институтов, регулирующих сферу потребления продовольствия, дана оценка степени региональной дифференциации вектора конечного продукта, выявлено влияние пространственного фактора на развитие агропродовольственного комплекса страны. Метод «затраты–выпуск» рассмотрен как инструмент управления инновационным конкурентоспособным развитием агропродовольственного комплекса страны.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, вектор конечного продукта, пространственное измерение, уровень жизни, региональная дифференциация потребления продовольствия, метод «затраты–выпуск».

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00166.

Для цитирования: Решетникова Е.Г., Иосипенко В.Д. Межотраслевой анализ условий и факторов региональной дифференциации вектора конечного продукта агропродовольственного комплекса России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С.72-79.

Original article

INTER-SECTORAL ANALYSIS OF CONDITIONS AND FACTORS OF REGIONAL DIFFERENTIATION OF THE VECTOR OF THE FINAL PRODUCT OF THE AGRI-FOOD COMPLEX OF RUSSIA

Elena G. Reshetnikova¹, Vladimir D. Iosipenko²
^{1 2} IAgP RAS, Saratov, Russia
^{1 2} iagpran@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the substantiation of ways of implementing an inter-sectoral approach to regulating the vector of the final product of the agri-food complex as part of projects for the socio-economic development of the country and regions. The priority directions of the development of institutions regulating the sphere of food consumption are identified; the degree of regional differentiation of the vector of the final product is assessed; the influence of the spatial factor on the development of the country's agri-food complex is revealed. The input-output method

is considered as a tool for managing the innovative competitive development of the country's agri-food complex.

Key words: agri-food complex, vector of the final product, spatial dimension, standard of living, regional differentiation of food consumption, input-output method.

Financial Support: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-010-00166

For citation: Reshetnikova E. G., Iosipenko V.D. Inter-sectoral analysis of conditions and factors of regional differentiation of the vector of the final product of the agri-food complex of Russia // *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2021;(3):72-79.

Введение.

Достижение национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации предполагает увеличение численности населения страны, повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, снижение уровня продовольственной бедности населения [1]. Среди существующих форм и видов бедности продовольственная бедность является наиболее болезненной. Среднедушевое потребление основных продуктов питания в домохозяйствах, для которых характерна продовольственная бедность, ниже минимальных физиологических норм потребления, положенных в основу формирования потребительской корзины прожиточного минимума. Следует отметить, что «...разработка минимальных норм потребления продуктов питания находится в постоянной динамике» [2, с. 87]. Влияние пространственного фактора на эффективное развитие социально-экономической системы страны, уровень жизни населения, внешние экономические связи обусловлено существенными различиями в территориальном размещении производства, особенностями формирования территориально-производственных комплексов, региональных рынков и конкурентоспособных институтов, направленных на обеспечение устойчивого инновационного социально-ориентированного развития агропродовольственного комплекса России. Условием такого развития является внедрение в организационно-экономический механизм инновационных методов анализа и стратегического планирования важнейших параметров агропродовольственного комплекса.

Анализ структуры производственных затрат, личного потребления и тенденций в сфере потребления продовольствия позволяет выявить имеющиеся диспропорции и обосновать необходимые институциональные инновации в управлении сферой потребления. Так, исследование удельного веса затрат на торговлю (оптовую и розничную) в промежуточном потреблении сельского хозяйства свидетельствует о необходимости инновационного подхода к совершенствованию системы оптовых рынков в этой сфере. Рост эффективности оптового звена торговли, активизация биржевой торговли, снижение барьеров для входа на продовольственные рынки представителей малого и среднего предпринимательства необходимы для сдерживания роста торговых надбавок, снижения затрат на выпуск товаров и оказание услуг, ликвидации в ряде случаев многозвенности при движении товаров от производителя до конечного потребителя. Требуется серьезного анализа величина и динамика торговльно-транспортной наценки в отраслях агропродовольственного комплекса, смягчения разницы цен товаропроизводителей и торговых посредников. Посредническая наценка по ряду видов продукции по сравнению с ценой производителя в 2017–2018 гг. росла и в отдельных случаях составляла около 80%, что дает основание говорить о «стране перепродавцов». Использование метода «затраты–выпуск» может стать основой для осуществления институционального планирования в социальной сфере, задачей которого является обоснование системы институтов, обеспечивающих, в том числе рационализацию структуры потребления продовольствия. Результаты эффективного взаимодействия институтов разного уровня в регионах страны обеспечат получение кумулятивного эффекта.

Важной задачей государства является регулирование пространственной организации национальной социально-экономической системы, что может быть реализовано на основе осуществления эффективной региональной политики. Пространственный фактор способен

внести существенные изменения в функционирование воспроизводственного цикла, в развитие параметров социального блока. В настоящее время не вызывает сомнения, что рыночное саморегулирование не может решить все многообразие проблем развития региональных хозяйственных комплексов. Только проведение государственной региональной политики может предотвратить рост социально-экономических противоречий, поможет остановить нарастание тенденций, имеющих разрушительные последствия для развития национальной экономики. Реализация грамотной региональной политики направлена на достижение таких целей как низкий уровень бедности, смягчение дифференциации доходов, обеспечение равных возможностей для достижения высокого уровня жизни населения, проживающего на любой территории страны [3].

Цель исследования — обоснование межотраслевой программы смягчения продовольственной бедности населения с использованием результатов оценки условий и факторов региональной дифференциации вектора конечного продукта агропродовольственного комплекса.

Методика исследования. В работе были использованы методы векторной экономики для оценки региональной дифференциации конечного продукта агропродовольственного комплекса страны. Выполнен анализ условий и факторов, определяющих уровни потребления продовольствия населением регионов. Обоснованы направления смягчения региональной дифференциации уровня жизни населения, в основу которых положен межотраслевой подход к управлению формированием продовольственных цепочек в процессе создания конечного продукта региона.

Результаты исследований. Базовым условием реализации принципов социальной справедливости является наличие равных возможностей у населения регионов в достижении достойного уровня жизни. Необходимо решение назревших институциональных вопросов реализации принципа региональной солидарности, заключающегося в перераспределении финансовых средств, поступающих в виде налогов в бюджеты всех уровней. Таким образом, задачей региональной политики является преодоление социального неравенства в уровне доходов, оплате труда, условиях предпринимательской деятельности, высоте входных барьеров на рынки и др. Динамика реальных доходов населения, представляя собой один из обобщающих показателей уровня жизни, достаточно полно характеризует направление вектора социального развития в том или ином регионе (таблица 1).

Таблица 1 - Динамика реальных доходов населения в федеральных округах России в 2010–2019 гг. (в % к предыдущему году) [4, с. 232, 233]

	2010	2011	2012	2013	2014	2015 ¹⁾	2016	2017	2018	2019
РФ	105,4	101,2	105,8	104,8	99,2	96,4	95,5	99,8	101,1	101,7
Центральный	105,2	101,7	104,4	104,7	96,3	96,2	96,5	100,3	101,0	102,8
Северо-Западный	106,7	98,7	105,9	105,3	101,2	96,7	98,3	100,9	102,8	100,7
Южный	109,2	101,0	107,0	108,7	103,2	97,2	97,7	99,9	101,6	100,4
Северо-Кавказский	110,0	104,9	109,0	104,1	103,3	95,8	93,0	100,2	99,2	101,0
Приволжский	105,9	99,9	108,0	104,1	101,3	96,5	92,5	98,2	99,7	101,2
Уральский	101,3	100,7	105,0	103,8	97,7	95,3	93,9	98,8	101,4	101,6
Сибирский ²⁾	102,9	102,1	105,2	103,8	98,7	97,1	94,8	99,8	100,8	100,8
Дальневосточный ²⁾	103,5	101,5	104,9	106,2	102,6	98,0	95,2	99,7	103,2	101,9

Примечания:

¹⁾ В целях обеспечения статистической сопоставимости относительные показатели по Российской Федерации и Южному федеральному округу рассчитаны без учета данных по Республике Крым и г. Севастополю.

²⁾ Данные за 2010–2018 гг. по Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам приведены в составе субъектов Российской Федерации до вступления в силу Указа Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 632

Как видно из таблицы 1, имели место региональные особенности развития социальной сферы на протяжении последних десяти лет. В целом по Российской Федерации в 2014–2017 гг. произошло сокращение реальных доходов населения, аналогичная ситуация отмечалась и в региональном разрезе. В 2017 г. снижение реальных доходов в большей степени, чем в среднем по России, имело место в Дальневосточном, Приволжском и Уральском федеральных округах. В 2019 г. наблюдался рост реальных доходов населения во всех федеральных округах. Данная ситуация обусловила повышение доли расходов на продовольствие в потребительских расходах в 2015 г. по сравнению с 2005 г. на 0,7 п.п., 2016–2019 гг. данный показатель сократился на 2,5 п.п. (таблица 2).

Таблица 2 - Динамика доли расходов на покупку продуктов питания в потребительских расходах домашних хозяйств в федеральных округах России в 2005–2019 гг. (в % к уровню потребительских расходов) [4, с. 286, 288]

	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019
РФ	36,1	32,9	35,4	35,5	34,3	33,5	32,9
Центральный	37,3	30,6	34,5	35,1	32,8	31,6	29,8
Северо-Западный	36,2	34,0	36,2	35,2	33,6	33,5	33,1
Южный	...	37,4	37,1	37,4	37,9	38,1	39,2
Северо-Кавказский	...	39,6	43,5	44,8	42,6	41,8	41,1
Приволжский	37,4	33,7	34,9	35,6	34,2	32,9	33,6
Уральский	30,8	30,2	32,9	33,5	33,0	33,5	32,6
Сибирский	33,1	33,8	34,4	35,0	34,7	33,9	33,9
Дальневосточный	35,1	32,8	35,2	32,1	32,6	31,6	32,0

Проведенный комплексный пространственно-временной анализ сферы потребления продовольствия в региональном разрезе позволяет сделать вывод о том, что для рассматриваемого периода времени была характерна региональная дифференциация спроса на продовольствие. Можно констатировать, что в 2015–2016 гг. для всех регионов, кроме Северо-Западного и Дальневосточного округов было характерно увеличение доли расходов на продовольствие в потребительских расходах. Это говорит о снижении параметров уровня жизни населения на данном временном отрезке. Начиная с 2017 г. как в целом по России, так и в большинстве регионов, кроме Южного федерального округа имело место снижение анализируемого параметра.

В 2019 г. наименьшие показатели доли расходов на приобретение продуктов питания в потребительских расходах были характерны для Уральского и Дальневосточного федеральных округов, а наибольшие — для Северо-Кавказского и Южного федерального округов. Следует отметить, что ситуация с уровнем потребления различных видов продовольствия имеет свою специфику. Например, может быть отмечен ряд позитивных моментов, касающихся потребления мяса и мясных продуктов. С 2005 по 2019 гг. среднедушевое потребление мяса возросло в 1,4 раза. Но не следует забывать, что относительно благополучные параметры потребления мясных продуктов у некоторых социальных групп имеют место как результат ассиметрии модели потребления, когда не происходит удовлетворение в необходимом объеме других основных потребностей (таблица 3). Самые высокие показатели по среднедушевому потреблению мяса и мясопродуктов в 2019 г. были характерны для Центрального (84 кг), Южного (77 кг) и Дальневосточного (76 кг) федеральных округов.

В течение рассматриваемого периода среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов возрастало во всех территориальных составляющих нашей страны. Показатель среднедушевого потребления мяса и мясопродуктов в 2019 г. в целом по России был выше в 1,3 раза физиологической нормы прожиточного минимума для трудоспособного населения. Также этот показатель составил 104,1% от уровня рациональной нормы потребления. Однако в мясном подкомплексе есть нерешенные проблемы, есть они и на мясном продовольственном рынке. Например, происходит снижение производства говядины. В структуре спроса на мясные продукты возрастает доля мяса птицы, как более дешевого продукта.

Таблица 3 - Среднедушевое потребление мяса и мясных продуктов
в домохозяйствах федеральных округов РФ в 2005–2019 гг. (кг) [4, с. 298, 299]

	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019	В % к рациональной норме*
РФ	55,0	69,0	74,0	73,0	74,0	75,0	75,0	76,0	104,1
Центральный	59,0	76,0	82,0	81,0	81,0	83,0	83,0	84,0	115,0
Северо-Западный	54,0	69,0	75,0	74,0	75,0	76,0	76,0	76,0	104,1
Южный	55,0	72,0	75,0	73,0	74,0	75,0	75,0	77,0	105,4
Северо-Кавказский	40,0	52,0	61,0	61,0	62,0	63,0	63,0	64,0	87,6
Приволжский	54,0	66,0	71,0	69,0	71,0	72,0	73,0	73,0	100,0
Уральский	54,0	66,0	70,0	69,0	69,0	70,0	70,0	68,0	93,15
Сибирский	56,0	67,0	71,0	68,0	69,0	71,0	71,0	72,0	98,6
Дальневосточный	58,0	71,0	76,0	75,0	76,0	76,0	76,0	76,0	104,1

Примечание: * Рассчитано на основе рекомендуемой рациональной нормы потребления мясopодуlктов, равной 73 кг [5].

Важным белковым продуктом является молоко, но для его потребления характерно постоянное отставание от рекомендуемых нормативов. Молоко и молочные продукты, являются единственной продовольственной товарной группой, по потреблению продуктов которой, не достигнут уровень 1990 г. В 2016 г. среднедушевое потребление молока в России было ниже минимальной физиологической нормы на 21%, а рекомендуемой нормы потребления — на 29%. В 2019 г. оно было ниже минимальной нормы на 20%, рациональной нормы — на 28%. Минимальная норма прожиточного минимума по потреблению молока и молочных продуктов в 2019 г. не достигнута ни в одном регионе. Следует подчеркнуть, что среднедушевое потребление молока и молочных продуктов не соответствовало научно обоснованной рациональной норме потребления, было ниже ее уровня во всех федеральных округах РФ (таблица 4). Может быть отмечена относительно благоприятная ситуация по потреблению молока и молочных продуктов в таких федеральных округах как Северо-Западный (262 кг) и Приволжский (267 кг). Однако, следует подчеркнуть, что и в этих регионах наблюдается значительная дифференциация в потреблении данного ценного продукта. Например, в Северо-Западном округе коэффициент фондов по потреблению молока, характеризующий дифференциацию между полярными доходными группами, составил в 2019 г. 1,5 раза : в Санкт - Петербурге 297 кг и 194 кг в Архангельской области в год на потребителя.

Таблица 4 - Динамика потребления молока и молочных продуктов в домашних
хозяйствах федеральных округов России в 2005–2019 гг. (кг) [4, с. 298, 299]

	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019	В % к норме прожиточного минимума	В % к рациональной норме*
РФ	234,0	245,0	239,0	233,0	231,0	230,0	229,0	234,0	80,7	72,0
Центральный	223,0	229,0	224,0	217,0	213,0	206,0	203,0	219,0	75,5	67,3
Северо-Западный	246,0	270,0	274,0	267,0	265,0	263,0	261,0	262,0	90,3	80,6
Южный	209,0	231,0	223,0	217,0	216,0	216,0	218,0	218,0	75,2	67,0
Северо-Кавказский	187,0	217,0	227,0	223,0	226,0	236,0	235,0	239,0	82,4	73,5
Приволжский	279,0	283,0	274,0	268,0	266,0	266,0	266,0	267,0	92,0	82,1
Уральский	196,0	211,0	209,0	201,0	199,0	201,0	203,0	206,0	71,0	63,3
Сибирский	258,0	260,0	249,0	242,0	236,0	239,0	236,0	238,0	82,0	73,2
Дальневосточный	184,0	204,0	203,0	200,0	199,0	198,0	197,0	199,0	68,6	61,2

Примечание: * Рассчитано на основе рекомендуемой рациональной нормы потребления молока и молокопродуктов всего в пересчете на молоко, равной 325 кг [5].

Для более детального рассмотрения рынка молока и молочной продукции предпримем детализированный анализ важнейших количественных характеристик этого рынка на примере территориальных образований, входящих в федеральный округ. Рассмотрим сложившиеся

тенденции на рынке молочной продукции на примере Приволжского федерального округа (таблица 5).

Таблица 5 - Показатели производства и потребности в молочных продуктах в субъектах Приволжского федерального округа в 2019 г. (тыс. т) [4, с. 817, 818]

	Производство в регионе	Потребность в соответствии с рациональной нормой*	В % к потребности
РФ	31360,4	476934,2	65,7
Приволжский	9682,6	9518,6	101,7
Республика Башкортостан	1641,1	1312,3	125,0
Республика Марий Эл	175,6	220,7	79,5
Республика Мордовия	453,1	256,8	176,4
Республика Татарстан	1896,1	1268,4	149,4
Удмурдская республика	826,5	487,8	169,4
Чувашская республика	422,7	395,8	106,7
Пермский край	529,0	844,6	62,6
Кировская область	721,8	410,4	175,8
Нижегородская	623,4	1041,0	59,8
Оренбургская	636,8	636,0	100,1
Пензенская	344,3	424,4	81,1
Самарская	446,0	1033,1	43,1
Саратовская	746,7	787,1	94,8
Ульяновская	219,6	399,7	54,9

Примечание:* Рассчитано на основе статистических данных [4, с. 43, 44].

Анализ статистической информации, содержащейся в таблице 5, позволяет сделать вывод о различных соотношениях потребности и производства молока в регионах Приволжского федерального округа. В таких территориальных составляющих Приволжского федерального округа как Татарстан, Башкортостан, Мордовия, Кировская область производство молока значительно опережало потребность в нем. В то же время, например, в Ульяновской области производство молока составило лишь 54,9% потребности в нем. Очевидно, что статистика такого рода свидетельствует о важности активного межрегионального обмена, информационной основой регулирования и стратегического планирования которого могут стать таблицы «затраты–выпуск». Обращает на себя внимание, что в тех регионах, где производство значительно выше потребности в молочных продуктах, рассчитанной на основе рациональных норм, величина фактического потребления молока ниже этих норм, что свидетельствует о недостаточном уровне экономической доступности этого продукта в регионах.

Для улучшения ситуации в сфере потребления продовольствия необходима реализация важнейших критериев продовольственной безопасности, таких как физическая и экономическая доступность основных продуктов питания. В России пока сохраняется довольно сильное неравенство доходов и как следствие имеет место недостаточная экономическая доступность важнейших продуктов питания для многих социальных слоев общества. Уровень дифференциации доходов принято оценивать по коэффициенту Джини, значение которого может варьировать от 0% (абсолютное равенство) до 100% (абсолютное неравенство). Этот коэффициент в 2018 г. был самым низким в скандинавских странах (около 25%) и самым высоким в ЮАР (около 65%). В 1990 г. в России коэффициент Джини был немного ниже 25%, в 1999 г. — 40%, в 2007 г. — 42,2%, в 2017 г. — 41,2%. Страны, где значение коэффициента Джини примерно такое же, как в России (39–43%), сильно отличаются между собой. В их число входят не только такие богатейшие страны как Катар и США, но и страны с быстро растущим рынком, например, Китай.

Социальная политика российского правительства предполагает поддержку малообеспеченных групп населения не только за счет социальных выплат, но и за счет законодательного оформления повышения минимальной оплаты труда до уровня прожиточного минимума, пе-

рехода к концепции относительной бедности как в зарубежных странах. Эти меры положительно влияют на доходы населения и способствуют росту потребления продовольствия.

Заключение.

Институциональное планирование сферы потребления продовольствия, разработка новых институтов и совершенствование уже действующих должно быть направлено на выполнение стратегических задач, связанных с развитием сферы потребления продовольствия населением России. Мониторинг основных параметров сферы потребления продовольствия свидетельствует о значительном уровне социально-экономической и региональной дифференциации доходов населения, что наряду с ростом продовольственной инфляции является серьезным фактором, определяющим характеристики спроса и потребления продовольствия в регионах России. Необходимо согласование концептуальных положений и важнейших параметров, характеризующих доходы населения и их дифференциацию. Важно обеспечение соответствия между основными параметрами, которые разрабатываются различными ведомственными структурами, для повышения эффективности решения задачи смягчения региональной дифференциации уровня жизни населения.

Комплексный подход к решению социальных проблем обеспечения продовольственной безопасности требует углубленной оценки рисков, связанных с соблюдением социального равновесия и, в первую очередь, с сохранением значительных параметров дифференциации доходов населения, занятого в различных отраслях экономики и живущего в разных регионах страны. Достижение национальных целей требует поддержки малых форм хозяйствования и повышения качества жизни сельского населения, выделения новых приоритетных направлений развития агропродовольственного комплекса.

Смягчение региональной дифференциации конечного продукта агропродовольственного комплекса обеспечит совершенствование социального блока национальной экономической системы, согласование количественных и качественных характеристик потребления продовольствия. В условиях нестабильности мировой социально-экономической системы и возникающих многофакторных угроз обеспечения продовольственной безопасности целью функционирования агропродовольственного комплекса России становится устойчивое инновационное социально ориентированное конкурентоспособное развитие на основе эффективной институциональной системы. Внедрение в организационно-экономический механизм инновационных методов анализа и стратегического планирования важнейших параметров агропродовольственного комплекса открывает новые возможности согласования межотраслевых взаимодействий в агропродовольственном комплексе и прогнозирования важнейших параметров его функционирования, увязанных с развитием показателей социального блока на уровне страны и регионов.

На Саммите ООН по продовольственным системам в числе российских приоритетов в соответствии с новой Доктриной продовольственной безопасности заявлено полное самообеспечение страны основными видами сельскохозяйственной продукции, улучшение качества пищевой продукции, обеспечение всех социальных слоев населения полноценным и здоровым питанием [6]. Решение этих задач предполагает дальнейшее развитие международного сотрудничества по обеспечению качества и безопасности пищевых продуктов, достижению оптимального уровня потребления продовольствия.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.
2. Решетникова Е.Г. Метод межотраслевого баланса в прогнозировании развития агропромышленного комплекса // Вестник СГСЭУ. — 2008. — № 3 (22). — С. 85–88.
3. Сиптиц С.О. Моделирование показателей продовольственной безопасности регионов в связи с возможными чрезвычайными ситуациями // Обеспечение продовольственной безо-

пасности в условиях интеграции и глобализации. Серия «Научная жизнь» / Под научной ред. Э.Н. Крылатых и В.З. Мазлоева. — М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2014. — С. 19–24.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. — М., 2020. — 1242 с.

5. Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания, утв. приказом Министерства здравоохранения РФ № 614 от 19 августа 2016 г. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/#1000>.

6. Навстречу Саммиту ООН по продовольственным системам: российские приоритеты, достижения и задачи. Итоги национального диалога в Российской Федерации. - URL: <https://www.dipacademy.ru/documents/2686/Навстречу-Саммиту-ООН-по-продовольственным-системам.Российские-приоритеты-и-задачи.pdf>

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of May 7, 2018 "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024" // President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.

2. Reshetnikova E.G. The method of intersectoral balance in forecasting the development of the agro-industrial complex. *Vestnik SGSEU*. 2008;3(22):85–88. (In Russ)

3. Siptits S.O. Modeling indicators of food security in regions in connection with possible emergency situations // Ensuring food security in the context of integration and globalization. Series "Scientific life" / Under the scientific ed. ac. E.N. Krylatykh and prof. V.Z. Mazloeva. - М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2014. - С. 19–24.

4. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020: Stat. Sat. / Ros-stat. М., 2020. 1242 p.

5. Recommendations for rational norms of food consumption that meet modern requirements for a healthy diet, approved. by order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 614 of August 19, 2016. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/#1000>.

6. Towards the UN Summit on Food Systems: Russian priorities, achievements and challenges. Results of the national dialogue in the Russian Federation. URL: <https://www.dipacademy.ru/documents/2686/Навстречу-Саммиту-ООН-по-продовольственным-системам.Российские-приоритеты-и-задачи.pdf>

Информация об авторах

Е.Г. Решетникова – доктор экономических наук;

В.Д. Иосипенко – кандидат экономических наук.

Information about the authors

E.G. Reshetnikova – Doctor of Economic Sciences;

V.D. Iosipenko – Candidate of Economic Sciences.

*Статья поступила в редакцию 04.10.2021; одобрена после рецензирования 07.10.2021;
принята к публикации 13.10.2021*

The article was submitted 04.10.2021; approved after reviewing 07.10.2021; accepted for publication 13.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 80-88.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3):80-88.

Научная статья
УДК 338.439.02

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И МЕХАНИЗМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЖИВОТНОВОДЧЕСКОГО ПОДКОМПЛЕКСА

Марианна Яковлевна Васильченко
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье сформирована авторская парадигма оценки инновационного состояния животноводства на основе теорий диффузии инноваций. Важнейшими элементами теорий диффузии инноваций являются трансфер технологий и спилловер знаний. Обоснована система индикаторов инновационного профиля продукции, ресурсов и средств государственной поддержки отраслей животноводства.

Выявлено влияние действующих инструментов государственной поддержки на распространение инноваций в молочном скотоводстве по группам регионов России, специфицированных в соответствии с теорией диффузии инноваций Роджерса и имеющих существенные различия в уровне инновационности производства молока. Результаты исследования показали приоритетную роль инновационной поддержки в увеличении товарных ресурсов молока, особенно в группах регионов с высоким уровнем инновационности производства молока. Для различных групп регионов предложены соответствующие модели государственной поддержки. Для выявления воздействия инновационной поддержки молока на инновационный потенциал разработана матрица инновационности, которая может быть использована для оценки инновационного потенциала производства и переработки молока. Предложенный методический подход позволяет оценить уровень достаточности инновационных ресурсов поддержки для более полного использования производственного потенциала как производства, так и переработки молока.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, инновационный процесс, диффузия инноваций, животноводство, молочное скотоводство, механизмы поддержки, инновационная поддержка.

Для цитирования: Васильченко М.Я. Стратегические приоритеты и механизмы инновационного развития производственного потенциала животноводческого подкомплекса // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С.80-88.

Original article

STRATEGIC PRIORITIES AND MECHANISMS FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE PRODUCTION CAPACITY OF THE LIVESTOCK SUBCOMPLEX

Maryanna Ya.Vasilchenko
IAgP RAS, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article forms the author's paradigm for assessing the innovative state of animal husbandry based on the theories of innovations diffusion. The most important elements of innova-

tion diffusion theories are technology transfer and knowledge spillover. The system of indicators of the innovative profile of products, resources and means of state support for livestock industries has been substantiated.

The influence of the existing instruments of state support on innovations diffusion in dairy cattle breeding by groups of regions of Russia, specified in accordance with the theory of innovations diffusion by Rogers and having significant differences in the level of innovativeness of milk production, has been revealed. The results of the study showed the priority role of innovative support in increasing the commodity resources of milk, especially in groups of regions with a high level of innovativeness in milk production. For various groups of regions, appropriate models of state support are proposed. To identify the impact of innovative support for milk on innovative potential, an innovativeness matrix has been developed, which can be used to assess the innovative potential of milk production and processing. The proposed methodological approach makes it possible to assess the level of sufficiency of innovative support resources for a more complete use of the production potential of both milk production and processing.

Key words: *agro-industrial complex, innovation process, diffusion of innovations, animal husbandry, dairy farming, support mechanisms, innovation support.*

For citation: *Vasilchenko M. Ya. Strategic priorities and mechanisms for innovative development of the production capacity of the livestock subcomplex // Regional agrosystems: economics and sociology. 2021;(3):80-88.*

Введение.

Важнейшим направлением развития производственного потенциала агропромышленного комплекса является формирование условий для перехода на новую технологическую базу, что позволит существенно повысить конкурентоспособность его основных отраслей. Вместе с тем недостаточно изученными остаются вопросы выявления условий и факторов реализации приоритетов стратегического управления научно-техническими и инновационными процессами в агропродовольственном комплексе. Существенную научную и практическую значимость имеют исследования инновационных процессов и механизмов их реализации с целью выявления приоритетных направлений инновационного развития подкомплексов, отраслей и видов деятельности.

В условиях нехватки бюджетных средств остается довольно проблематичным вопрос эффективности государственной поддержки распространения и использования инноваций. Механизмы поддержки должны быть направлены на стимулирование процессов распространения инноваций не только в отраслях, но и продуктовых цепочках. Данное положение следует учитывать при разработке стратегий регионального развития, поскольку концентрация государственной поддержки по различным ее направлениям прослеживается не только в конкретных регионах (как показали вышеприведенные исследования автора по молочному скотоводству), но также и в крупных хозяйствах холдингового типа, причем нередко реализация проектов в животноводстве не учитывает региональные и отраслевые особенности. Подобная точка зрения получила отражение в трудах А. Трошина, И. Санду, А. Доцановой, предлагающих осуществлять инвестиционную поддержку по всей цепочке нововведений [1]. Ограниченность применения таких мер государственной поддержки как КАПЕКСы (возмещение затрат на модернизацию) и льготные кредиты подтверждаются данными Союза производителей молока за 2018–2019 гг. Так, в 2018 г. субсидии на льготное кредитование не получили 14 российских регионов (в том числе Саратовская, Волгоградская, Курганская области, Республика Татарстан). В 2019 году субсидиями на возмещение части прямых затрат на создание и модернизацию объектов молочного скотоводства не воспользовались 50 регионов, а субсидиями на поддержку племенного скота – 18 регионов. Сохраняется проблема получения государственной поддержки малыми и средними сельскохозяйственными предприятиями.

Целью исследований являлся разработка методических подходов по оценке инновационного развития производственного потенциала животноводческого подкомплекса и вы-

явление воздействия государственного регулирования на процесс распространения и использования инноваций.

Материалы и методы.

В процессе исследования были использованы следующие методы:

– монографический и абстрактно-логический: для исследования проблем инновационного развития агропромышленного комплекса и механизмов поддержки распространения инноваций. Компиляция теоретико-методологических подходов российских и зарубежных учёных послужила основой авторской парадигму оценки инновационного состояния животноводства с использованием теории диффузии инноваций, основывающейся на трансфере технологий и спилловере знаний;

– аналитический: для оценки используемых форм инновационной государственной поддержки в агропромышленном комплексе ;

– аналогий и сравнений: для сопоставления уровня инновационной поддержки в региональном разрезе;

– расчетно-конструктивный: для расчета индикаторов инновационного профиля продукции, ресурсов и средств государственной поддержки с использованием разработанных методических подходов по оценке уровня инновационности ресурсных и производственных показателей. Оценка процесса диффузии инноваций осуществлялась на основе ранее опубликованной методики автора с использованием коэффициента инновационности на основе нормирования показателей продуктивности молочного скотоводства [2]. С применением этой методики в данной работе выделены группы регионов Российской Федерации с разным уровнем инновационности молочной отрасли исследовано влияние государственной поддержки на процесс распространения инноваций.

Результаты исследования.

Данная статья обобщает результаты исследований процессов инновационного развития производственного потенциала животноводческого подкомплекса за 2017–2021 гг., которые осуществлялись на основе комплексной оценки технологических факторов с выделением инновационного профиля продукции, ресурсов и средств государственной поддержки [3]. Был сформирован оценочный инструментарий инновационного профиля животноводства и кормопроизводства и апробированы авторские методические подходы к оценке уровня инновационности производства, ресурсов и поддержки животноводства.

Инновационные факторы эффективности производственного потенциала животноводства представлены в таблице 1. Так, основным барьером для распространения инноваций выступает сложившаяся институциональная структура молочного подкомплекса с высокой долей мелкотоварного сектора и локализацией предприятий по углубленной переработке молока. Существенно сдерживают внедрение инноваций в молочном скотоводстве такие факторы как низкий уровень оплаты труда в животноводстве; недостаточность амортизационных отчислений как источника инвестирования [4].

Достижение пороговых значений ресурсоемкости во многом зависит от темпов технико-технологической модернизации, улучшения условий содержания скота и птицы, кормовой сбалансированности по энергии, белку, минеральным добавкам, витаминам [5]. Уровень инновационности представленных в таблице ресурсных компонент определялся на основе нормирования фактических показателей ресурсоемкости по отношению к пороговым. В частности, соответствие предприятий современным технологическим стандартам для промышленного свиноводства составляет (85–90 %); в остальных подотраслях этот показатель значительно ниже. По данным Росптицесоюза, примерно 65 % мяса птицы производится на птицефабриках, отвечающих современным технологическим стандартам.

Формирование конкурентоспособной отечественной племенной базы животноводства является важнейшей задачей аграрной политики. Согласно данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, наибольшая доля племенного скота в сельскохозяйственных организациях (без учета малых предприятий) была сосредоточена в молочном (38,6 %) и мясном скотоводстве (36,1 %) [6].

Таблица 1 - Матрица инновационных факторов эффективности производственного потенциала животноводческих подотраслей (2018-2019 гг.) [3].

Инновационные факторы	Молочное скотоводство	Свиноводство	Птицеводство	Мясное скотоводство
Производственные компоненты				
Соответствие показателей продуктивности инновационным параметрам, %	66	80	80	75
Удельный вес затрат на технологические инновации в отгруженных товарах, %	0,7	0,3	1,2	0,6
Удельный вес инновационных товаров в отгруженной продукции, %	1	3,1	4,7	1
Оценка уровня инновационности производственных компонент, баллы	12	10	12	13
Ресурсные компоненты				
Удельный вес племенных животных в СХО, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, %	38,6	4,0	11,2	36,1
Импорт племенных ресурсов, %	43-44	80-85	95-98	8-10
Соответствие предприятий современным технологическим стандартам, %	производство молока – 40-50; переработка молока – 50-60	85–90	65	60
Сбалансированность по комбикормам, %	50	58	92	42
Уровень инновационности затрат кормов, %	70	92	90	80
Уровень инновационности затрат труда, %	30-40	55–60	65–70	40
Уровень инновационности затрат электроэнергии, %	85–90	80	78	40
Уровень инновационности затрат топлива, %	35	77	65	35
Оценка уровня инновационности ресурсных компонент, баллы	44	49	48	43
Институциональные компоненты				
Степень достаточности инструментов поддержки инновационного развития	низкая	средняя	средняя	относительно высокая
Степень доступности инструментов инновационной поддержки (критерий оценки, баллы)	низкая	средняя	средняя	средняя
Степень охвата мерами инновационной поддержки	низкая	средняя	средняя	относительно высокая
Оценка уровня инновационности институциональных компонент, баллы	9	18	17	24

В то же время в молочном скотоводстве России сохраняется достаточно высокая доля импорта племенных ресурсов, тогда как потребности мясного скотоводства обеспечиваются преимущественно собственными племенными ресурсами. Птицеводческая подотрасль на 90% зависит от импортного племенного материала; создание отечественного кросса мясных кур позволит снизить зависимость от импорта на 25–30 %.

Процесс смены технологий наиболее активно развивается в свиноводстве, что способствует достижению наиболее быстрых темпов роста, причем производство все больше концентрируется на комплексах промышленного типа.

Институциональные компоненты отражают недостаточный уровень стимулирования и поддержки технологической модернизации, а также распространения и внедрения инноваций. В молочном животноводстве большинство хозяйств имеют ограниченный доступ к средствам поддержки; исследованиями выявлены существенные межрегиональные различия в использовании затрат на поддержку племенного крупного рогатого скота молочного направления и возмещении затрат на модернизацию объектов молочного скотоводства [7]. Для свиноводческих предприятий достаточно актуальным является увеличение лимита по льготным краткосрочным кредитам; возобновление выдачи кредитов на закупку зерна для производства комбикормов. Для птицеводства дальнейшее совершенствование механизмов под-

держки технологического развития связано с предоставлением льготных инвестиционных кредитов на реконструкцию и модернизацию птицеводческих предприятий и племенных репродукторов.

Разработанные методические подходы к оценке конкурентоспособности производственного потенциала основных подотраслей животноводства основываются на балльной системе оценки уровня инновационности ресурсных, производственных и институциональных компонент с использованием соответствующих индикаторов. Предложено проводить оценку по десятибалльной системе; значение каждого балла определяется на основе нормированного уровня инновационности ресурсных и производственных компонент, приведенного к значениям нормативных, прогнозных или целевых индикаторов. При расчете баллов по производственным компонентам с использованием статистики о затратах на технологические инновации и инновационной продукции в качестве базы используются максимальные значения по регионам России. Уровень инновационности для институциональных компонент оценивается по критериям эффективности механизмов стимулирования технологического развития и степени полноты применяемых инструментов. Полагаем, что подобная оценка позволяет охарактеризовать состояние производственного потенциала животноводства и обосновывать меры по совершенствованию механизмов стимулирования инновационного развития.

Наличие значительного технологического разрыва препятствует распространению инноваций и достижению экономического роста, поэтому необходимы меры по уменьшению технологической дифференциации [8]. Недостаточная проработанность методических вопросов выделения регионов по уровню инновационного развития агропромышленного производства предопределяет использование новых исследовательских подходов. Влияние инструментов государственной поддержки на распространение инноваций в молочном скотоводстве осуществлялось по группам регионов России, выделенных в соответствии с теорией диффузии инноваций (инноваторы, ранние последователи, раннее большинство, середняки и отстающие) [6]. Масштабность инновационной поддержки было предложено оценивать индикатором удельного веса государственной инновационной поддержки в общей сумме средств поддержки молочного скотоводства. Интенсивность инновационной поддержки определялась как отношение суммы средств инновационной поддержки в расчете на корову. Установлено, что удельный вес инновационной поддержки выше в группе регионов раннего большинства» (44,5 %) и отстающих (51,4 %); инновационная поддержка в расчете на корову выше в группе инноваторов (4,2 %) и раннего большинства (6,1 %).

В структуре господдержки молочной отрасли значительную долю занимают затраты на поддержку племенного крупного рогатого скота молочного направления. Анализ показал, что значения среднероссийского показателя вполне сопоставимы со средними данными в большинстве групп регионов. Наибольшее превышение его наблюдалось в 2018–2019 гг. в группе новаторов (26,9 %–27,3%) и позднего большинства (28,6 %–30,4 %). Доля субсидий на модернизацию выше в группе раннего большинства (24,1 %–24,5%) и отстающих (26,9 %–27,6 %). Подобная ситуация объяснима с позиций «точечного» всплеска модернизации. Например, в группе раннего большинства, состоящей из 24 регионов, в 2019 г. субсидии на модернизацию выделялись лишь 6 регионам. Наиболее высокими показателями отличаются Пермский край (42,5 %), Республика Татарстан (34,7 %), Смоленская область (67,2 %), Курская область (68,9 %). В группе отстающих субсидирование модернизации молочного скотоводства осуществлялось лишь в Республике Саха.

Для определения воздействия государственной поддержки инноваций на эффективность производства молока было осуществлено сопоставление индикатора интенсивности инновационной поддержки с темпами роста производства молока и продуктивности в сельскохозяйственных организациях за 2016–2018 гг. в регионах, сгруппированных в соответствии с классификацией теории диффузии инноваций Э.Роджерса (рисунок) [7,9].

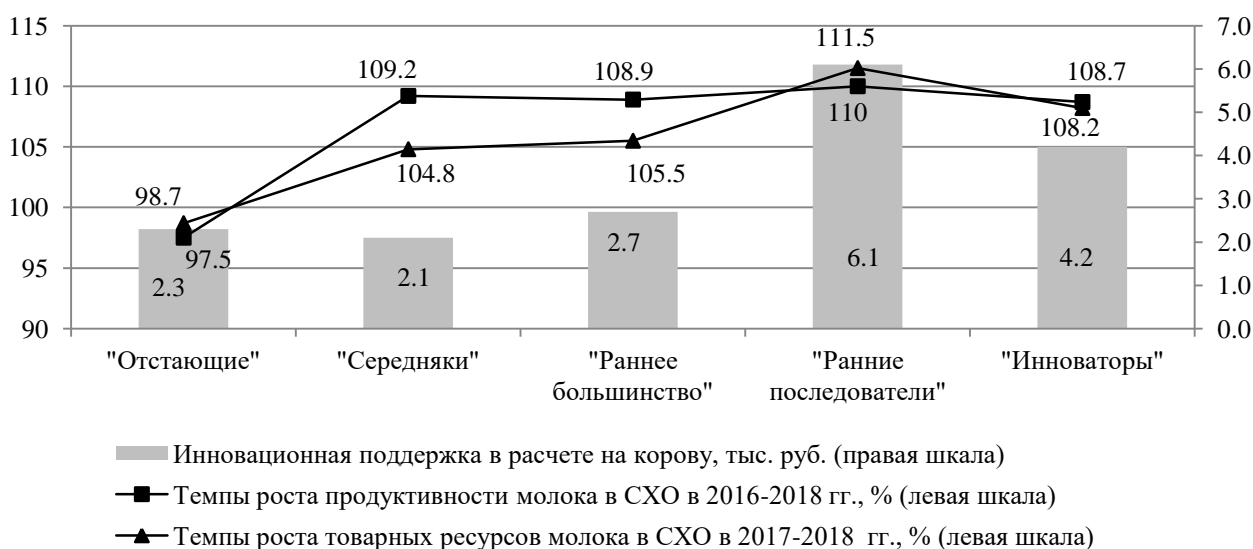

Рисунок – Воздействие государственной инновационной поддержки на эффективность производства молока в сельскохозяйственных организациях по группам регионов России

Определенная зависимость сложилась между уровнем господдержки и темпами увеличения товарных ресурсов молока. Результаты анализа показали, что инновационная поддержка в большей степени оказала воздействие на темпы роста товарных ресурсов молока. Более высокие показатели как инновационной поддержки, и темпов роста товарных ресурсов молока достигнуты в группе ранних последователей. Некоторое отставание инноваторов можно объяснить достижением определенного порога насыщения инвестиционно-инновационными ресурсами, не требующего дополнительной поддержки.

Увеличение среднегодовых надоев молока, напротив, происходило в первых четырех группах регионов независимо от уровня инновационной поддержки. Данные рисунка наглядно показывают, что по уровню и эффективности государственной поддержки молочного скотоводства субъекты Российской Федерации разделяются на две мегагруппы. Первую мегагруппу образуют регионы, которые отнесены к отстающим, середнякам и раннему большинству. Регионы этих групп получают примерно одинаковую поддержку, но рост средних удоев в них сопровождается более низкими темпами реализации продукции. Модели поддержки отрасли в этих регионах можно отнести к поддерживающей.

Вторую мегагруппу образуют ранние последователи и инноваторы, уровень их поддержки примерно в два раза выше, т.е. реализуется стимулирующая модель поддержки. При этом темпы роста реализации молока тоже выше. Таким образом, можно считать целесообразным реализацию модели стимулирующей поддержки в регионах группы ранних последователей, что будет способствовать внедрению инноваций. Для успешного развития процесса цифровизации животноводства и кормопроизводства целесообразно использовать следующие меры стимулирующей государственной поддержки:

- создание эффективных механизмов поддержки, стимулирующих распространение инноваций с учетом региональных особенностей и институциональной структуры производства. Представляется весьма актуальным предложение о дополнении механизмов разработки и трансфера инноваций, включенных в национальный проект «Наука», показателями и инструментами поддержки диффузии инноваций [10];

- стимулирование приобретения сельскохозяйственными товаропроизводителями техники и оборудования с высокой инновационной составляющей;

- усиление приоритетной роли инновационной поддержки в увеличении товарных ресурсов молока с использованием соответствующих моделей государственной поддержки.

После этапа внедрения инноваций господдержка регионам группы инноваторов может быть снижена, поскольку у них начинается этап окупаемости.

Распространение технологических знаний и внедрение инновационных технологий по отдельным видам деятельности в агропромышленном комплексе недостаточно охвачено мерами стимулирования, что подтверждает необходимость повышения инновационной активности регионов [11].

Проблема повышения эффективности инновационной деятельности обуславливает необходимость совершенствования механизмов повышения использования производственного потенциала в цепочках создания добавленной стоимости. Выдвинутая научная гипотеза предполагает, что инновационная поддержка молока воздействует на увеличение добавленной стоимости как в производстве, так и переработке. Реализация подобной гипотезы осуществлялась с использованием вышеупомянутых индикаторов инновационной поддержки молока; индикаторов инновационности производства и переработки молока [12].

Для выявления воздействия инновационной поддержки молока на инновационный потенциал нами была разработана матрица инновационности, позволяющая выделить группы регионов по инновационным ресурсам поддержки и инновационному потенциалу производства и переработки молока. Инновационный потенциал определялся как сумма ранжированных значений уровня молочной продуктивности коров, доли племенного скота и глубины переработки молока. Индикатор глубины переработки рассчитывался как доля сыров, сливочного масла и сухого молока в объеме произведенной продукции. Инновационные ресурсы поддержки отражают сумму ранжированных значений субсидий по возмещению затрат на модернизацию и поддержку племенного скота.

Таблица 2 - Матрица инновационности производства и переработки молока по регионам РФ (2018 г.)

Инновационный потенциал \ Инновационные ресурсы поддержки	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Высокий уровень	Белгородская, Вологодская, Воронежская, Ленинградская области, Пермский край,	Курская, Смоленская области	Республика Хакасия
Средний уровень	Владимирская, Ивановская, Кировская, Московская, Пензенская области	Архангельская, Брянская, Калужская, Липецкая, Омская, Рязанская, Тверская, Тульская, Ярославская области, Республики: Мордовия, Татарстан	Амурская, Новосибирская, Тюменская области
Низкий уровень	Калининградская, Псковская, Свердловская области, Удмуртская Республика	Волгоградская, Костромская, Нижегородская, Орловская, Ростовская, Самарская, Саратовская, Тамбовская, Томская области, Алтайский, Краснодарский, Красноярский, Ставропольский край, Республики: Марий-Эл, Чувашская	Астраханская, Кемеровская, Курганская, Новгородская, Новосибирская, Оренбургская, Челябинская области, Республика Коми, Приморский, Хабаровский край

Подобный методический подход дает возможность выявить степень достаточности инновационных ресурсов поддержки для повышения эффективности использования производственного потенциала в цепочках создания добавленной стоимости. Резервы роста производства молока и молочных продуктов с высоким уровнем добавленной стоимости связаны, в первую очередь, с увеличением масштабов производства, повышением качества и рентабельности продукции, совершенствованием инновационной составляющей производственного процесса.

Заключение.

Разработаны методические подходы по оценке инновационного развития производственного потенциала животноводческого подкомплекса. Обоснована система индикаторов

инновационного профиля продукции, ресурсов и средств государственной поддержки и осуществлена оценка инновационности производственной, ресурсной и институциональной компонент.

Выявлено влияние действующих инструментов государственной поддержки на распространение инноваций в молочном скотоводстве по группам регионов России, специфицированных в соответствии с теорией диффузии инноваций Роджерса и имеющих существенные различия в уровне инновационности производства молока. Результаты исследования показали приоритетную роль инновационной поддержки в увеличении товарных ресурсов молока, особенно в группах регионов с высоким уровнем инновационности производства молока, в связи с чем для различных групп регионов были предложены соответствующие модели государственной поддержки.

Для выявления воздействия инновационной поддержки молока на инновационный потенциал разработана матрица инновационности, которая может быть использована для оценки инновационного потенциала производства и переработки молока, основываясь на используемых инновационных ресурсах поддержки. Подобный методический подход позволяет оценить уровень достаточности инновационных ресурсов поддержки для более полного использования производственного потенциала как производства, так и переработки молока.

Список источников

1. Трошин А., Санду И., Дощанова А. Инновационно-инвестиционная компонента в стратегии развития региона // АПК: экономика, управление. - 2018. - № 2. - С. 29–35.
2. Vasilchenko M. The innovation process development in dairy cattle breeding in Russia // Revista ESPACIOS . 2018. Vol. 39, № 14. – URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n14/18391430.html>.
3. Васильченко М.Я. Инновационные факторы конкурентоспособности производственного потенциала основных отраслей животноводческого подкомплекса // Экономические науки. - 2021. - № 8(201). - С. 17–21.
4. Текучев И, Иванов Ю, Кормановский Л. Проблемы реализации технологических инноваций в животноводстве // АПК: экономика, управление. - 2017. - № 5. - С. 21–22.
5. Потапов А.П. Использование таблиц «затраты-выпуск» в исследованиях динамики и структуры ресурсоемкости аграрного производства // Проблемы прогнозирования. - 2019. - № 2. - С. 87–97.
6. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т./Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. Т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Российской Федерации.–URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/sinss/sx/vsxp2016/VSHP_2016_T1_k1.pdf.
7. Vasilchenko M. Methods for supporting the process of diffusion and use innovations in the agro-based industrial complex» // Periodicals of Engineering and Natural Sciences. Vol. 9, No. 3, September 2021, pp.938-957. URL:<http://pen.ius.edu.ba/index.php/pen/article/view/2316>.
8. Andergassen R; Nardini Fr; Ricottill, M. Innovation diffusion, general purpose technologies and economic growth // STRUCTURAL CHANGE AND ECONOMIC DYNAMICS. 2017; (40): 72–80.
9. Васильченко М.Я. Инструменты поддержки процесса распространения инноваций в отраслях АПК (на примере молочного скотоводства) // Региональные агросистемы: экономика и социология. - 2019. - № 3.
10. Андриющенко С.А. Национальные и региональные механизмы реализации приоритетов развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2019. - № 2. - С. 34–38.
11. Дерунова Е. А., Филатова И. Н., Дерунов В.А. Прогнозирование инновационной активности российских регионов // Инновационный Вестник Регион. - 2015. - № 4. - С. 20–26.

12. Андриященко С.А., Васильченко М.Я., Трифонова Е.Н. Экономические механизмы повышения эффективности использования производственного потенциала молочного скотоводства и перерабатывающей промышленности с учетом распространения инноваций // Экономические науки. - 2019. - № 9 (178). - С. 70–75.

References

1. Troshin A., Sandu I., Doschanova A. Innovation and investment component in the development strategy of the region. *AFC: economics, management*. 2018; (2): 29–35. (In Russ)
2. Vasilchenko M. The innovation process development in dairy cattle breeding in Russia // *Revista ESPACIOS*. 2018; 39(14). URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n14/18391430.html>.
3. Vasilchenko M.Ya. Innovative factors of competitiveness of the production potential of the main branches of the livestock subcomplex. *Economic Sciences*. 2021; 8 (201):17–21. (In Russ)
4. Tekuchev I, Ivanov Yu, Kormanovsky L. Problems of implementation of technological innovations in animal husbandry. *AFC: economics, management*. 2017;(5): 21–22. (In Russ)
5. Potapov A.P. The use of input-output tables in the study of the dynamics and structure of the resource intensity of agricultural production. *Problems of forecasting*. 2019; (2):87–97. (In Russ)
6. Results of the All-Russian Agricultural Census 2016: In 8 volumes / Federal State Service. statistics. М.: ISC "Statistics of Russia", 2018. Vol. 1: Main results of the All-Russian agricultural census of 2016 for the Russian Federation. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/siniss/sx/vsxp2016/VSHP_2016_T1_k1.pdf.
7. Vasilchenko M. Methods for supporting the process of diffusion and use innovations in the agro-based industrial complex». *Periodicals of Engineering and Natural Sciences*. 2021; 9(3): 938-957. URL:<http://pen.ius.edu.ba/index.php/pen/article/view/2316>.
8. Andergassen R; Nardini Fr; Ricottill, M. Innovation diffusion, general purpose technologies and economic growth // *STRUCTURAL CHANGE AND ECONOMIC DYNAMICS*. 2017; (40): 72–80.
9. Vasilchenko M. Ya. Tools to support the process of diffusion of innovations in the branches of the agro-industrial complex (on the example of dairy cattle breeding). *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2019; (3). (In Russ)
10. Andryushchenko S.A. National and regional mechanisms for the implementation of priorities for the development of the production potential of the agri-food complex of Russia. *International agricultural journal*. 2019; (2): P. 34–38. (In Russ)
11. Derunova E.A., Filatova I.N., Derunov V.A. Forecasting the innovative activity of Russian regions. *Region Innovation Bulletin*. 2015;(4); 20–26.
12. Andryushchenko S.A., Vasilchenko M.Ya., Trifonova E.N. Economic mechanisms for increasing the efficiency of using the production potential of dairy farming and processing industry, taking into account the spread of innovations. *Economic sciences*. 2019;9(178): 70–75. (In Russ)

Информация об авторе

М.Я. Васильченко – кандидат экономических наук

Information about the authors

M.Ya. Vasilchenko – Candidate of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 03.10.2021; одобрена после рецензирования 06.10.2021;
принята к публикации 08.10.2021

The article was submitted 03.10.2021; approved after reviewing 06.10.2021; accepted for publication 08.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 89-105.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3): 89-105.

Научная статья
УДК 332.334.4

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ОБОРОТ НЕИСПОЛЬЗУЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Юрий Павлович Бондаренко
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

***Аннотация.** Предложен методический подход к анализу возможностей ввода в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения, и прежде всего площадей неиспользуемой пашни в региональном пространстве России, для оценки дальнейшей реализации принятой правительством государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения. Проведенные расчеты по многим показателям развития сельского хозяйства отразили различные сочетания условий и предпосылок для стимулирования использования резервов неиспользуемой пашни в регионах, размеры которой подвержены огромным колебаниям, от практически полного отсутствия в значительной части регионов до концентрации половины площадей неиспользуемой пашни страны в узкой группе регионов. Сделан вывод о том, что ввод в сельскохозяйственный оборот определенной доли неиспользуемой пашни страны не приведет к соразмерному росту валовой сельхозпродукции страны ввиду крайне неравномерного распределения пахотных земель в региональном пространстве страны. А также ввиду прогрессирующего износа основных фондов сельского хозяйства и снижения уровня фондоотдачи в большинстве регионов, высоких различий между регионами в уровне производительности труда в сельском хозяйстве, сокращения уровня государственного субсидирования сельского хозяйства в подавляющем большинстве регионов и тотального снижения уровня обеспеченности машинно-тракторным парком во всех регионах. Всё вышеперечисленное в ближайшей перспективе начнет проявляться в снижении уровня интенсивности и объемов аграрного производства, если не предпринимать соответствующих мер по преодолению данных негативных тенденций развития сельского хозяйства в регионах страны.*

***Ключевые слова:** площади неиспользуемых сельхозземель, интенсивность и факторы аграрного производства, регионы России, инвестирование и субсидирование, эффективность использования основных фондов сельского хозяйства, направления и перспективы вовлечения в оборот неиспользуемой пашни.*

***Для цитирования:** Бондаренко Ю.П. Перспективы вовлечения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С. 89-105.*

Original article

PROSPECTS FOR ABSORPTION OF UNUSED LANDS IN THE REGIONAL SPACE OF RUSSIA

Yuri P. Bondarenko
IAgP RAS, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. A methodological approach to the analysis of the possibilities of absorption of unused agricultural land, and above all areas of unused arable land in the regional space of Russia, is proposed to assess the further implementation of the government's adopted government program for the effective absorption of agricultural land in circulation. The calculations for many indicators of agricultural development reflected various combinations of conditions and prerequisites for stimulating the use of reserves of unused arable land in the regions, the size of which is subject to huge fluctuations, from the almost complete absence in a significant part of the regions to the concentration of half of the area of unused arable land in the country in a narrow group of regions. It is concluded that the introduction of a certain share of the country's unused arable land into agricultural circulation will not lead to a commensurate increase in the country's gross agricultural production due to the extremely uneven distribution of arable land in the regional space of the country. And also in view of the progressive deterioration of agricultural fixed assets and a decrease in the level of capital productivity in most regions, high differences between regions in the level of labor productivity in agriculture, a reduction in the level of state subsidies for agriculture in the overwhelming majority of regions and a total decrease in the level of provision of a machine and tractor fleet in all regions. In the near future it will lead to a decrease in the level of intensity and volumes of agricultural production, if appropriate measures are not taken to overcome these negative trends in the development of agriculture in the regions of the country.

Key words: areas of unused agricultural land, intensity and factors of agricultural production, regions of Russia, investment and subsidies, the efficiency of using fixed assets in agriculture, directions and prospects for bringing unused arable land into circulation.

For citation: Bondarenko Yu.P. Prospects absorption of unused lands in the regional space of Russia. *Regional agrosystems: economics and sociology*.2020;(3):89-105.

Введение.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 года № 731 утверждена государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации [1]. Поэтому анализ резервов, факторов и эффективности вовлечения в оборот неиспользуемых сельхозземель в региональном пространстве страны является важнейшим условием для реализации данной госпрограммы, в конечном итоге рассчитанной на продолжение тенденции роста объемов аграрного производства в стране как на экстенсивной основе, так и на основе интенсификации производства.

Цель исследований.

Анализ резервов неиспользуемых сельскохозяйственных земель в регионах страны, исследование факторов и условий вовлечения их в оборот, оценка потенциальной эффективности использования вовлеченных в оборот сельхозземель как возможности увеличения производства валовой продукции сельского хозяйства путем интенсификации сельхозпроизводства и за счет экстенсивного роста аграрного производства.

Методика исследований.

В исследование были включены все регионы России, за исключением городов федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь) и автономных округов (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский), в которых практически полностью отсутствуют посевные площади. Таким образом, для исследования были выделены 78 регионов из 85 имеющихся, на которые приходилось 99,99% посевных площадей под выращивание сельскохозяйственных культур, а также 99,94% пашни и 99,56% сельскохозяйственных угодий страны. В них в среднем за 2018–2020 годы было создано 99,74% валовой продукции сельского хозяйства страны. Выделенные регионы были проранжированы по величине площади неиспользуемой пашни по усредненным значениям за 2018–2020 гг. Так как величины площади имели небольшие колебания из года в год, то использование усреднённых значений площади по регионам за три последних года позволило достаточно точно сравнивать между собой разные категории сельхозземель. В ходе исследований регионы были разделены на де-

вать экономико-статистических групп по величине площади неиспользуемой пашни с целью анализа факторов и возможностей вовлечения ее в оборот для регионов с сопоставимыми объемами площадей неиспользуемой пашни и определения направления повышения эффективности использования для роста производства аграрной продукции. Анализ используемых показателей проводился в сопоставлении изменения средних значений за 2013–2015 годы со средними значениями этих показателей за 2018–2020 годы с целью исключения небольших колебания данных показателей в каждом последующем году и повышения корректности расчетов за исследуемую динамику лет 2013–2020 годов.

Методической основой для проведения исследования послужили более ранние работы отечественных исследователей, в том числе и автора, посвященные анализу межрегиональной дифференциации различных явлений в развитии сельского хозяйства страны, а также проблемам вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения [2–24]. Информационной базой для исследования послужили статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии Российской Федерации [25–27].

Результаты исследований.

В обобщающей таблице 1 представлены состав и основные характеристики отобранных регионов, разделенных на девять групп для дальнейших исследований.

Результаты расчетов отражают тот факт, что из 78 регионов России, ведущих сельскохозяйственную деятельность, 7 регионов первой группы имеют площадь неиспользуемой пашни свыше 1,5 млн га, что является наибольшей величиной среди всех регионов страны.

Наибольшая площадь неиспользуемой пашни составляет 2,7 млн га в Волгоградской области, и в общей площади пашни ее удельный вес составляет 46,4%, то есть не используется почти ровно половина пахотных земель для выращивания сельскохозяйственных культур в регионе. В Кировской области не используется 66,6% пахотных земель, то есть путем экстенсивного вовлечения в оборот неиспользуемой пашни в данном регионе можно увеличить выпуск валовой продукции растениеводства примерно в три раза.

Наименьший удельный вес неиспользуемой пашни среди регионов первой группы в Алтайском крае, который составляет 22,6%, то есть ровно полтора миллиона неиспользуемых пахотных земель составляет чуть больше одной пятой части от общей площади пашни в регионе, таким образом, вводом в оборот неиспользуемой пашни на экстенсивной основе можно увеличить выпуск продукции растениеводства примерно на 20%.

Согласно данным, приведенным в таблице 1, в семи регионах второй группы площадь неиспользуемой пашни составляет от 1,028 млн га в Иркутской области до 1,264 млн га в Омской области, а в Смоленской области неиспользуемая пашня составляет три четверти всех пахотных земель в регионе, тогда как в Ростовской области почти 1,3 млн га неиспользуемой пашни составляет лишь пятую часть от общей площади пашни. То есть, в регионах второй группы, имеющих запас неиспользуемых земель от 1 млн до 1,3 млн га, степень вовлеченности пашни под посевы сельскохозяйственных культур имеет также большой разброс, как и в регионах первой группы с наиболее значительными площадями неиспользуемой пашни.

В третьей–девятой группах площадь неиспользуемой пашни в регионах составляет уже меньше 1 млн га, при этом она планомерно уменьшается от группы к группе: в девятой группе она составляет уже не больше 40 тыс. га, и в подавляющем большинстве в десяти регионах девятой группы используемые пахотные земли по площади в несколько раз меньше, чем неиспользуемые. Другими словами, независимо от размера неиспользуемой пашни в регионах, ее удельный вес в общей площади пашни имеет значительные колебания, когда практически вся пашня может не использоваться в регионах или наоборот – доля неиспользуемой пашни может составлять меньше одной пятой части при том, что в абсолютном выражении неиспользуемая пашня может составлять свыше 1,5 млн га.

Таблица 1 – Состав и основные характеристики выделенных региональных групп
(числовые характеристики усреднены за 2018–2020 годы)

№ регио-на	Регион	Площадь неис-пользуемой пашни (площадь пашни минус посевные площади), тыс. га	Доля посе-вой пло-щади в пло-щади паш-ни, %	Доля площади пашни в площади сельскохозяйственных угодий, %	Доля в произ-водстве валовой продук-ции сельско-го хозяй-ства страны, %	№ регио-на	Регион	Площадь неис-пользуемой пашни (площадь пашни минус посевные площади), тыс. га	Доля посе-вой пло-щади в пло-щади паш-ни, %	Доля площади пашни в площади сельскохозяйственных угодий, %	Доля в произ-водстве валовой продук-ции сельско-го хозяй-ства страны, %
1-я группа регионов: площадь неиспользуемой пашни составляет от 1501 и выше тыс. га											
1	Волгоградская область	2718	53,6	66,8	2,6	5	Красноярский край	1631	47,7	57,7	1,5
2	Саратовская область	1910	68,1	70,0	2,6	6	Новосибирская область	1531	59,4	44,9	1,6
3	Оренбургская область	1846	69,8	56,5	2,0	7	Алтайский край	1503	77,4	60,5	2,4
4	Кировская область	1651	33,4	74,7	0,8	Итого					13,5
2-я группа регионов: площадь неиспользуемой пашни составляет от 1001 до 1500 тыс. га											
1	Омская область	1264	69,6	61,8	1,7	5	Курганская область	1062	55,8	53,9	0,7
2	Ростовская область	1259	78,9	70,0	4,8	6	Смоленская область	1062	27,4	69,8	0,4
3	Пермский край	1238	37,5	69,8	0,8	7	Иркутская область	1028	40,7	62,0	1,1
4	Челябинская область	1114	63,6	60,0	2,1	Итого					11,6
3-я группа регионов: площадь неиспользуемой пашни составляет от 701 до 1000 тыс. га											
1	Тверская область	995	33,8	62,2	0,7	5	Самарская область	825	71,9	73,5	1,8
2	Нижегородская область	938	53,9	65,5	1,3	6	Республика Башкортостан	764	79,1	50,0	3,0
3	Ставропольский край	922	77,0	69,1	3,4	7	Республика Бурятия	707	14,7	26,4	0,3
4	Пензенская область	846	62,6	74,5	1,8	Итого					12,2
4-я группа регионов: площадь неиспользуемой пашни составляет от 501 до 700 тыс. га.											
1	Тульская область	672	56,8	78,9	1,4	7	Московская область	562	50,3	68,0	2,0
2	Свердловская область	657	55,3	57,2	1,5	8	Республика Калмыкия	530	36,3	13,2	0,5
3	Кемеровская область	651	57,6	58,8	0,9	9	Исковская область	521	30,1	49,3	0,7
4	Ульяновская область	608	63,3	75,1	0,8	10	Республика Крым	510	59,9	70,9	0,9
5	Калужская область	605	36,8	69,5	0,9	Итого					10,6
6	Рязанская область	564	63,1	61,1	1,2						
5-я группа регионов: площадь неиспользуемой пашни составляет от 301 до 500 тыс. га											
1	Ярославская область	497	37,3	70,3	0,6	9	Ивановская область	359	36,5	68,9	0,3
2	Республика Татарстан	485	85,8	75,2	4,3	10	Новгородская область	357	29,8	61,4	0,5
3	Вологодская область	474	42,4	56,9	0,6	11	Тамбовская область	350	83,6	78,1	2,5
4	Костромская область	472	27,9	65,9	0,3	12	Томская область	347	48,6	49,3	0,5
5	Республика Хакасия	463	32,4	35,8	0,2	13	Республика Мордовия	327	69,8	65,5	1,2
6	Удмуртская Республика	426	69,2	75,1	1,2	14	Владимирская область	309	49,0	60,9	0,5
7	Воронежская область	411	86,5	74,7	3,8	15	Курская область	301	84,5	79,7	2,7
8	Амурская область	396	75,2	58,4	0,8	Итого					20,1
6-я группа регионов: площадь неиспользуемой пашни составляет от 201 до 300 тыс. га											
1	Забайкальский край	286	40,8	6,3	0,4	7	Чувашская Республика	258	67,8	77,5	0,7
2	Орловская область	286	81,8	76,5	1,4	8	Архангельская область	235	22,2	41,6	0,2
3	Приморский край	284	62,4	45,8	0,7	9	Тюменская область	235	81,8	38,1	1,4
4	Брянская область	278	76,3	62,8	1,6	10	Белгородская область	221	86,5	77,1	4,6
5	Краснодарский край	278	93,0	84,7	6,9	11	Липецкая область	207	86,7	79,5	2,4
6	Астраханская область	269	23,5	10,8	0,9	Итого					21,3
7-я группа регионов: площадь неиспользуемой пашни составляет от 101 до 200 тыс. га											
1	Ленинградская область	196	54,9	54,4	1,6	4	Республика Тыва	142	25,7	5,0	0,1
2	Республика Марий Эл	180	61,9	61,1	0,8	5	Калининградская область	124	68,5	48,6	0,7
3	Республика Дагестан	159	69,5	15,5	2,3	Итого					5,5
8-я группа регионов: площадь неиспользуемой пашни составляет от 41 до 100 тыс. га											
1	Республика Коми	66	35,5	24,5	0,2	5	Республика Ингушетия	47	57,3	50,0	0,2
2	Республика Саха (Якутия)	58	44,8	6,4	0,5	6	Камчатский край	45	30,6	13,5	0,2
3	Чеченская Республика	54	83,7	34,1	0,5	Итого					1,6
4	Республика Карелия	53	36,0	38,7	0,1						
9-я группа регионов: площадь неиспользуемой пашни составляет от 0 до 40 тыс. га											
1	Республика Алтай	36	74,8	8,0	0,2	7	Кабардино-Балкарская Республика	17	94,3	43,0	1,0
2	Республика Сев. Осетия - Алания	30	85,0	50,2	0,6	8	Магаданская область	17	28,9	19,6	0,1
3	Карачаево-Черкесская Республика	29	82,1	24,3	0,5	9	Мурманская область	12	35,8	75,8	0,0
4	Хабаровский край	26	73,9	14,8	0,3	10	Еврейская автономная обл.	9	93,6	26,6	0,1
5	Республика Адыгея	25	90,3	72,2	0,5	Итого					3,3
6	Сахалинская область	22	56,2	28,1	0,2						

Огромный разброс имеет удельный вес общей площади пашни в структуре сельскохозяйственных угодий регионов: от 5,0% в Республике Тыва до 84,7% в Краснодарском крае. Кроме пашни, остальную часть сельхозугодий практически полностью занимают сенокосы и пастбища, имеющих общее название кормовые угодья, и лишь ее незначительная часть приходится на залежь и многолетние насаждения. Поэтому в зависимости от занимаемой доли пашни в сельскохозяйственных угодьях можно в перспективе оценивать преимущественную специализацию конкретных регионов – на растениеводстве или животноводстве. В 26 регионах страны площадь пашни меньше площади кормовых угодий, в 3 регионах они равны, и в 49 регионах площадь пашни больше площади кормовых угодий. Таким образом, почти две трети регионов по структуре сельскохозяйственных угодий имеют преимущественные предпосылки для специализации на растениеводстве, но с учетом значительной доли неиспользуемой пашни во многих регионах – данная отрасль развита не в полной мере.

Вклад выделенных региональных групп в производство валовой продукции сельского хозяйства так же имеет значительный разброс. Семь регионов первой группы, где площадь неиспользуемой пашни составляет самую большую величину – свыше 1,5 млн га, произвели 13,5% валовой сельхозпродукции страны в среднем за 2018–2020 годы, а десять регионов четвертой группы произвели 10,6%, при том что неиспользуемой пашни в среднем там в три раза меньше, чем в первой группе. Наибольший удельный вес в валовой сельхозпродукции страны в 21,3% у 11 регионов шестой группы, где площадь неиспользуемой пашни в 5 – 7 раз ниже, чем в первой группе.

В 10 регионах девятой группы, где неиспользуемая пашня практически отсутствует, вклад в производство аграрной продукции страны составлял лишь 3,3%, тогда как в пяти регионах седьмой группы, где не используется от 101 до 200 тыс. га пашни, доля в аграрном производстве страны составляла 5,5%. Видимо, связь между количеством неиспользуемой пашни в регионах и уровнем вклада этих регионов в производство валовой продукции сельского хозяйства страны отсутствует. Различные финансовые, производственные, агроклиматические факторы по выделенным девяти группам регионов характеризуются постепенным снижением размеров площади неиспользуемой пашни в регионах, что делает необходимым изучения каждой группы регионов в отдельности для анализа характерных факторов, в наибольшей степени способствующих вовлечению в оборот неиспользуемой пашни и росту объемов аграрного производства в конкретных региональных группах.

В первую группу входят 7 регионов с самым большим в стране размером неиспользуемой пашни – свыше 1,5 млн га. Общий размер неиспользуемой пашни по всем семи регионам – 12,79 млн га, что составляет 37,6% в структуре общей площади пашни. То есть гипотетически в данных регионах есть резерв как минимум на экстенсивной основе увеличить выпуск валовой продукции сельского хозяйства более чем наполовину, при том что в последнее время в данных регионах было произведено 13,5% валовой сельхозпродукции страны.

За 2013–2020 гг. объемы аграрного производства (в сопоставимых ценах) выросли во всех регионах группы от 6,3% в Алтайском крае до 23,4% в Волгоградской области, исключение составил только Красноярский край, где за этот период аграрное производство сократилось на 1,2%. Преимущественная специализация на отрасли растениеводства наблюдается только в Волгоградской и Саратовской областях, где она дает свыше 70% валовой сельхозпродукции. В Оренбургской области и Алтайском крае продукции растениеводства и животноводства производится практически поровну в стоимостном выражении, а в Кировской и Новосибирской областях, а также Красноярском крае, сельское хозяйство специализируется преимущественно на отрасли животноводства. При этом урожайность зерновых культур выросла во всех регионах от 0,5 ц/га убранных площадей в Оренбургской области до 3,7 ц/га в Новосибирской области, если сравнивать средние значения 2018–2020 гг. и 2013–2015 гг. Кроме зерна, одними из основных экспортных культур являются семена подсолнечника и соевые бобы. Урожайность подсолнечника так же выросла во всех производящих его регионах первой группы от 0,9 ц/га убранных площадей в Оренбургской области до 2,7 ц/га в Волгоградской и Саратовской областях и на 2,6 ц/га в Алтайском крае. Урожайность сои вырос-

ла в четырех регионах от 1,0 до 5,6 ц/га, а вот в Оренбургской области и Красноярском крае упала на 0,7 и 0,4 ц/га убранных площадей.

Сравнение средних значений 2018–2020 гг. с 2013–2015 гг. показывает, что в четырех регионах из семи упали объемы производства скота и птицы на убой (в убойной массе) от 0,8% в Красноярском крае до 20,3% в Алтайском крае. В трех регионах наблюдался небольшой рост: от 1,5% в Кировской области до 4,0% в Волгоградской области. Подобная ситуация сложилась с производством молока, производство которого упало в тех же четырех регионах: с 5,8% в Саратовской области до 17,0% в Оренбургской области, и только в Волгоградской, Кировской и Новосибирской областях производство молока выросло с 2,9% до 23,2%. Такая же ситуация сложилась в сфере производства яиц, исключение составляет Новосибирская область, где при росте объемов производства мясо-молочной продукции произошло снижение объемов производства яиц на 5,2%.

Снижение обеспеченности тракторами на 1 тыс. га посевных площадей произошло во всех регионах первой группы: от 0,1 ед. в Саратовской области до 1,5 ед. в Кировской области. Также упала обеспеченность зерно- и кукурузоуборочными комбайнами в расчете на 1 тыс. га посевных площадей зерновых культур: от 0,1 ед. в Саратовской области, в Красноярском и Алтайском краях до 0,9 ед. в Кировской области.

Внесение минеральных удобрений в расчете на 1 тыс. га посевных площадей всех сельскохозяйственных культур имеет значительный разброс – в 12,7 раза между минимальным значением в 24 ц (в пересчете на 100% питательных веществ) в Оренбургской области до 304 ц в Красноярском крае. Такое же соотношение имеют и объемы внесения минеральных удобрений в расчете на 1 тыс. га посевов зерновых культур, что имеет очень высокую степень корреляции с уровнем роста урожайности зерновых культур в данных регионах первой группы. Объемы внесения органических удобрений под зерновые культуры имеют уже другое соотношение между регионами: разброс объемов составляет 120,9 раза, от 24 т на 1 тыс. га посевных площадей зерновых культур в Волгоградской области до 2875 т в Кировской области, что не коррелирует со значениями показателя роста урожайности зерновых культур.

Уровень государственной поддержки сельского хозяйства снизился во всех регионах первой группы: сумма федеральных и региональных субсидий на сельское хозяйство, в пересчете на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов, за семь лет сократилась с 22% в Волгоградской области до 53% в Саратовской. Уровень инвестиций в сельское хозяйство, в пересчете на 2 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов, снизился только в Саратовской области (на 18%) и Красноярском крае (на 47%), а в остальных пяти регионах отмечается увеличение объема инвестиций от 9% в Новосибирской области до 42% в Волгоградской. Колебания в уровне производительности труда составляют 2,2 раза, то есть в среднем за 2018–2020 гг. минимальный размер произведенной валовой продукции сельского хозяйства, в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве, равнялся 833 тыс. руб. в Красноярском крае, а максимальный – 1792 тыс. руб. в Саратовской области. При этом на втором месте стоит Новосибирская область с результатом 1142 тыс. руб., а остальным регионам первой группы для того, чтобы достичь уровня региона-лидера предстоит наращивать производительность труда в сельском хозяйстве.

Колебания в уровне фондоотдачи составляют 2,4 раза, а в динамике лет средние значения за 2018–2020 гг. уменьшились по сравнению со средними значениями за 2013–2015 гг. в шести регионах из семи – от 4% в Новосибирской области до 16% в Кировской области. Только в Алтайском крае выход валовой сельхозпродукции на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов увеличился на 16%.

Коэффициент обновления основных фондов сельского хозяйства в среднем за 2018–2020 гг. составлял 9,0% (в Саратовской области) – 14,2% в Новосибирской области, причём в динамике последних семи лет коэффициент обновления снизился только в Саратовской области на 1,2 п.п. и Красноярском крае на 2,7 п.п., а в остальных регионах вырос от 1,7 п.п. в Волгоградской области до 3,9 п.п. в Алтайском крае. При этом в регионах первой группы ежегодно обновлялось в среднем 10% основных сельхозфондов, однако устаревание фондов

росло во всех регионах: от 1,2 п.п. в Оренбургской области до 11,2 п.п. в Алтайском крае. Общий износ фондов в этих регионах составил, соответственно, 45,9% и 53,4%. Исключение составила только Волгоградская область, где общий износ основных сельхозфондов уменьшился на 4,2 п.п., составив в среднем за 2018–2020 гг. 35,8%.

Подобная ситуация и по удельному весу полностью изношенных основных сельхозфондов: только в Волгоградской области произошло сокращение этого показателя на 1,6 п.п., а в остальных регионах он вырос от 1,3 п.п. в Красноярском крае до 7,5 п.п. в Алтайском крае, составив в среднем за 2018–2020 годы 10,6% и 16,0%. С уверенностью можно предположить, что имея самую большую площадь неиспользуемой пашни, превышающей 1,5 млн га в каждом регионе, осуществление ввода этой пашни в сельхозоборот только на экстенсивной основе сможет увеличить объем валовой продукции сельского хозяйства в два раза в Волгоградской и Кировской областях и Красноярском крае, а в остальных – увеличить примерно наполовину.

Небольшой рост урожайности зерновых культур и семян подсолнечника во всех регионах в динамике последних лет сопряжен с падением производства мясо-молочной продукции и яиц в четырех регионах из семи и небольшим ростом в остальных трех. Это во многом связано с падением уровня обеспеченности тракторами и комбайнами, огромной разницей в объемах вносимых минеральных и органических удобрений, сокращением почти наполовину государственной финансовой поддержки сельского хозяйства и высоким ростом изношенности основных фондов сельского хозяйства. Отсутствие решения этих проблем будет существенно тормозить интенсификацию аграрного производства на вводимой в оборот неиспользуемой пашне даже несмотря на существенное увеличение эффекта масштаба производства.

Во вторую группу входят семь регионов, площадь неиспользуемой пашни которых составляет от 1 до 1,5 млн га, при этом только в Омской и Ростовской областях она занимает менее 30% от общей площади пашни, а в Пермском крае, Смоленской и Иркутской областях – две трети, то есть за счет простого экстенсивного ввода в оборот неиспользуемой пашни в этих трех регионах можно увеличить производство продукции растениеводства в три раза. Во всех регионах второй группы в динамике последних семи лет произошел рост урожайности зерновых культур, а также подсолнечника и сои в тех регионах, где эти культуры выращивались. Снижение производства скота и птицы в убойной массе произошло в трех регионах из семи: от 4% в Курганской области до 10% в Пермском крае; в оставшихся четырех регионах рост производства колебался от 3% в Иркутской области до 43% в Смоленской области. Производство молока упало в пяти регионах, в остальных двух присутствовал незначительный рост. Производство яиц, наоборот, упало только в Ростовской и Курганской областях, а в остальных был рост, который составил от 2% в Смоленской области до 29% в Пермском крае. Но общий уровень аграрного производства за 2013–2020 годы вырос только в трех регионах: от 2% в Смоленской области до 37% в Ростовской области; в остальных четырех регионах за семилетнюю динамику имел место спад физического объема аграрной продукции (в сопоставимых ценах) от 3% в Иркутской области до 7% в Омской области.

Обеспеченность тракторами в расчете на 1 тыс. га посевных площадей снизилась во всех регионах от 0,5 ед. в Омской области до 1,8 ед. в Смоленской области, при этом общий уровень обеспеченности тракторами имел значительные диспропорции между регионами второй группы: от 2,4 трактора на 1 тыс. га посевных площадей в среднем за 2018–2020 годы в Курганской области до 5,6 трактора в Пермском крае. В отношении обеспеченности зерно- и кукурузоуборочными комбайнами ситуация такая же, как и с тракторами, то есть произошло снижение по всем регионам в динамике последних семи лет, а общий уровень обеспеченности характеризовался колебаниями в 2,3 раза.

Объемы внесения минеральных удобрений под посевы зерновых культур варьировались от 61 ц на 1 тыс. га посевных площадей зерновых культур в Омской области до 815 ц в Ростовской области, что влияло как на величину роста урожайности зерновых культур, так и на общую величину урожайности зерновых культур. Например, в Ростовской и Смоленской областях были самые высокие объемы вносимых минеральных удобрений (815 и 503 ц), са-

мый высокий рост урожайности зерновых культур среди регионов второй группы (на 6,4 и 4,4 ц/га убранных площадей, самая высокая общая урожайность зерновых культур (33,5 и 24,4 ц/га). Подобная ситуация характерна для всех регионов второй группы, что позволяет сделать вывод о необходимости повышения объемов вносимых минеральных удобрений, как минимум, в отстающих регионах. Разница в объемах вносимых органических удобрений между регионами еще больше: от 62 т на 1 тыс. га посевных площадей зерновых культур в Курганской области и до 2933 т в Пермском крае, однако в них не прослеживается прямой зависимости между объемами внесения органических удобрений и уровнем роста урожайности зерновых культур, что говорит о низкой значимости повышения объемов внесения органических удобрений на рост урожайности.

Государственная финансовая поддержка сельского хозяйства, в пересчете на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов, за последние семь лет снизилась от 15% в Смоленской области до 58% в Челябинской области, при этом средневзвешенный уровень снижения поддержки по всем регионам второй группы составил 47%. При этом уровень инвестирования в сельское хозяйство, также в пересчете на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов, сократился только в четырех регионах: от 3% в Пермском крае до 56% в Челябинской области; а в трех регионах он вырос от 66% в Курганской области до 162% в Смоленской области. Из регионов второй группы наибольшее сокращение финансовых показателей поддержки сельского хозяйства произошло в Челябинской области – более чем в два раза, поэтому необходимо повышение финансового стимулирования сельского хозяйства в данном регионе, иначе в ближайшей перспективе можно ожидать значительное снижение объемов и интенсивности аграрного производства.

Производительность труда в сельском хозяйстве среди регионов второй группы имеет самую низкую дифференциацию по сравнению с остальными группами регионов, то есть минимальное значение в 896 тыс. руб. валовой сельхозпродукции на одного занятого в сельском хозяйстве в Иркутской области отличается от максимального в 1384 тыс. руб. в Курганской области в 1,54 раза, что говорит о равномерном среднем уровне эффективности работников, занятых в сельскохозяйственном производстве. Однако колебания уровня фондоотдачи между регионами второй группы составляет уже 2,92 раза, то есть в расчете на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов было произведено валовой продукции сельского хозяйства от 561 руб. в Смоленской области до 1637 руб. в Курганской области в среднем за 2018–2020 гг. При этом по сравнению со средними значениями 2013–2015 гг. уровень фондоотдачи снизился в четырех регионах: от 4% в Челябинской области до 8% в Иркутской области; и повысился в трех – от 5% в Смоленской области до 22% в Ростовской области. Количество обновляемых основных сельхозфондов варьировало от 6,5% в Челябинской области до 12,6% в Иркутской области, при этом в динамике исследуемых лет именно в Челябинской области произошло самое большое сокращение количества обновляемых основных сельхозфондов на 6,9 п.п., или более чем в два раза. Количество обновляемых фондов сократилось в трех регионах от 1,3 до 2,2 п.п., но также в трех регионах и выросло – от 1,9 п.п. в Ростовской области до 5,4 п.п. в Смоленской области. Степень износа сельхозфондов в регионах второй группы достаточно однородная и составляет в среднем 46%, но при этом за последние семь лет она выросла во всех регионах – от 0,8 п.п. в Курганской области до 7,4 п.п. в Смоленской. Такая же ситуация и с количеством полностью изношенных фондов, что свидетельствует о тенденции неотвратимого устаревания основных фондов сельского хозяйства в последние годы во всех регионах, без изменения которой объемы сельхозпроизводства будут снижаться, несмотря на ввод в сельхозоборот неиспользуемой пашни.

В третью группу входят также семь регионов, площадь неиспользуемой пашни в них составляет от 701 до 1000 тыс. га, а объемы аграрного производства за последние семь лет выросли во всех регионах: от 8% в Нижегородской области до 43% в Пензенской области; исключение составила Республика Бурятия, где объемы сельхозпроизводства сократились на 10%. Урожайность зерновых культур сократилась только в Тверской области и Ставропольском крае, урожайность подсолнечника и сои выросла во всех производящих их регионах.

Объемы производства скота и птицы в убойной массе сократились в 2018–2020 гг. по сравнению с 2013–2015 гг. только в Самарской области и Республике Бурятия из семи регионов группы.

Производство молока сократилось в четырех регионах, в трех регионах рост был крайне незначительным, в интервале 1–3%. При этом производство яиц сократилось только в Пензенской и Самарской областях, а в Тверской области оно выросло на 60%. Сокращение обеспеченности тракторами и комбайнами в расчете на 1 тыс. га посевных площадей прослеживается во всех регионах и третьей группы. Разброс по внесению минеральных удобрений составляет 14,5 раз, а по органическим – 15,8 раз. Государственное субсидирование сельского хозяйства сократилось во всех регионах в среднем на 46%, а инвестирование в сельское хозяйство – в среднем на 11%, кроме Тверской области, где объемы инвестиций в расчете на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов выросли на 36% за последние семь лет.

Количественные показатели производительности труда в сельском хозяйстве различаются между регионами в 2,8 раза, а уровень фондоотдачи в сельском хозяйстве различается в 2,0 раза, при этом объемы фондоотдачи сократились в пяти регионах (до 27% в Республике Бурятия) и выросли в двух регионах – в Тверской и Пензенской областях. Во всех регионах третьей группы произошло снижение коэффициента обновления основных сельхозфондов, максимальное снижение в 7,7 п.п. имело место в Республике Башкортостан, при этом общий износ и полный износ основных фондов сельского хозяйства увеличился во всех регионах. Таким образом, обладая большими площадями неиспользуемой пашни, регионы третьей группы имеют достаточно близкие показатели развития сельского хозяйства, за исключением Республики Бурятия, в которой более низкие показатели интенсивности аграрного производства по сравнению с другими регионами в группе. Для данных регионов необходимо в первую очередь восстановление финансовой поддержки государства на уровне хотя бы семилетней давности и увеличение инвестиций в сельское хозяйство с целью, как минимум, сохранения уже сложившихся невысоких темпов роста аграрного производства, в том числе и для поддержания минимального уровня интенсификации аграрного производства на планируемой в будущем к вводу в сельхозоборот неиспользуемой пашне.

В четвертую группу входят десять регионов, в которых площадь неиспользуемой пашни составляет от 501 до 700 тыс. га, причём в четырех регионах площадь неиспользуемой пашни сопоставима с посевными площадями, в трех регионах – в два раза меньше посевных площадей, и в трех регионах – в два раза больше посевных площадей. То есть путем простого экстенсивного ввода в сельхозоборот неиспользуемой пашни можно будет увеличить выпуск валовой продукции сельского хозяйства, соответственно, в два раза, в полтора раза, и в три раза, нельзя не учитывать и того, что в настоящее время регионы четвертой группы производят 10,6% валовой сельхозпродукции страны.

Все регионы данной группы характеризуются ростом аграрного производства за 2013–2020 гг., на их фоне особенно выделяются Тульская, Калужская, Рязанская и Псковская области с ростом 63, 58, 34 и 144% соответственно, на эти области приходилось 4,1% производства валовой сельхозпродукции страны. Урожайность зерновых культур выросла во всех регионах, также выросли и объемы производства скота и птицы в убойной массе во всех регионах кроме Ульяновской области, где произошёл спад на 8%. В четырех регионах за семь лет в производстве молока произошел спад до 26% в Республике Калмыкия; в пяти регионах рост производства был незначительным, и только в Калужской области рост производства молока составил 48%. Подобная ситуация и с производством яиц: только в Тульской, Калужской и Псковской областях был рост производства от 29% до 65%. Обеспеченность тракторами и комбайнами катастрофически снижалась. Объемы внесения минеральных удобрений были достаточно равномерны между регионами, что отражалось на росте урожайности зерновых культур во всех регионах.

Уровень государственного субсидирования сельского хозяйства в семи регионах сократился от 43% в Кемеровской области до 74% в Московской области, и на 9% в остальных

трех регионах, что в дальнейшем может привести к ослаблению роста аграрного производства в регионах четвертой группы. Инвестиции в сельское хозяйство, в расчете на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов, упали в шести регионах в среднем на 53%, в двух регионах был незначительный рост, и только в Тульской и Калужской областях рост инвестирования в сельское хозяйство составил в среднем 93%. Производительность труда в сельском хозяйстве имела значительные колебания между регионами, различаясь в 5 раз между крайними значениями, что отражает необходимость подтягивания отстающих регионов до уровня регионов-лидеров с целью повышения темпов интенсификации аграрного производства.

Эффективность использования основных фондов сельского хозяйства, или фондоотдача снизилась в семи регионах в среднем на 17%, в двух регионах она увеличилась незначительно, и только в Псковской области рост фондоотдачи составил 50%. Количество обновляемых основных фондов сельского хозяйства имело значительную дифференциацию между регионами: в среднем за 2018–2020 гг. коэффициент обновления составлял от 6,1% в Ульяновской области до 20,0% в Псковской области, что не преминуло отразиться в двух разных тенденциях: тенденции на обновление сельхозфондов в четырех регионах и тенденции продолжения увеличения износа и устаревания основных сельхозфондов в шести регионах. Самое значительное устаревание фондов было характерно для Ульяновской области, за семь лет – на 7,9%.

В пятую группу входят 15 регионов, где площадь неиспользуемой пашни составляет от 301 до 500 тыс. га. При этом в восьми регионах она превышает площадь посевов под сельскохозяйственными культурами, а из них в четырех – превышает в два раза. Но вот в остальных семи регионах площадь неиспользуемой пашни составляет от 13,5% до 30,8% в общей площади пашни, что позволяет говорить о невысоком потенциале роста производства валовой сельхозпродукции за счет ввода в сельхозоборот неиспользуемой пашни.

В динамике 2013–2020 гг. 13 регионов характеризовались ростом физического объема валовой сельхозпродукции от 1% во Владимирской области до 55% в Амурской области. В Костромской, Ивановской областях и Республике Хакасия спад аграрного производства составил 17, 7 и 22% соответственно, на эти три региона в среднем за 2018–2020 годы приходилось 0,8% производства валовой сельхозпродукции страны. Из 15 регионов пятой группы 11 имеют преимущественную специализацию на отрасли животноводство, но при этом площади естественных сенокосов и пастбищ в них меньше общей площади пашни в два–четыре раза за исключением Республики Хакасия, где сенокосы и пастбища занимают в два раза больше общей площади. Поэтому рост производства продукции животноводства в 10 регионах будет возможен преимущественно за счет ввода в оборот неиспользуемой пашни под посевы кормовых культур.

Уровень государственных субсидий на сельское хозяйство в расчете на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов сократился во всех регионах, из них в семи регионах более чем в два раза. Инвестирование сельского хозяйства сократилось в восьми регионах в среднем на 23%, в семи регионах выросло на 27%. Уровень фондоотдачи в сельском хозяйстве сократился в двенадцати регионах: от 4% в Республике Мордовия до 32% в Воронежской области; а вырос только в Республике Татарстан, Ивановской и Новгородской областях. Количество обновляемых основных фондов увеличилось только в девяти регионах, при этом разброс значений коэффициента обновления составляет от 4,8% в Новгородской области до 17,2% в Курской области. При этом в 12 регионах темпы износа и устаревания основных сельхозфондов превышают темпы обновления сельхозфондов, что при сохранении такой тенденции в ближайшем будущем скажется на снижении интенсивности аграрного производства.

В 11 регионах шестой группы площадь неиспользуемой пашни составляет от 201 до 300 тыс. га: только в Астраханской и Архангельской областях она в три с лишним раза превышает посевные площади, а в Забайкальском крае – в полтора раза, во всех остальных восьми регионах составляет от половины до одной шестой части от посевных площадей, что предопределяет интенсификацию производства вводимой в оборот неиспользуемой пашни, а

не только ее экстенсивное использование. Восемь регионов из одиннадцати характеризуются устойчивым ростом аграрного производства за 2013–2020 гг. Только в Забайкальском и Приморском краях, а также в Архангельской области сельское хозяйство имел место спад производства, при этом урожайность зерновых культур и сои выросла во всех регионах, а производство мясной и молочной продукции выросло в девяти регионах.

В регионах данной группы обеспеченность тракторами и комбайнами в расчете на 1 тыс. га посевных площадей в 2018–2020 гг. по сравнению с 2013–2015 гг. тракторами увеличилась, в том числе на 0,6 ед. в Брянской области. Также увеличилась обеспеченность зерно- и кукурузоуборочными комбайнами в Краснодарском крае, Белгородской и Липецкой областях на 0,2, 0,2 и 0,1 ед. соответственно.

Разброс значений по объемам внесения минеральных удобрений в расчете на 1 тыс. га посевных площадей под все сельскохозяйственные культуры составлял 4,8 раза, что в условиях необходимой ориентации на интенсификацию аграрного производства в регионах с ограниченным количеством неиспользуемой пашни потребует выравнивания отстающих регионов до уровня регионов-лидеров по объемам внесения удобрений на единицу посевной площади.

Во всех регионах группы сократилось бюджетное субсидирование сельского хозяйства: с 12% в Приморском крае до 65% в Белгородской области (в пересчете на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов), при этом общий размер субсидирования между регионами группы в среднем за 2018–2020 годы колебался от 9 руб. в Тюменской области до 67 руб. в Брянской. Инвестиции в сельское хозяйство выросли в восьми регионах за исключением Брянской и Белгородской областей, а также Чувашской Республики. Производительность труда в сельском хозяйстве варьировала от 437 тыс. руб. валовой сельхозпродукции на одного занятого в сельском хозяйстве в Архангельской области до 2798 тыс. руб. в Белгородской области. Фондоотдача сократилась в семи регионах из одиннадцати, при этом разброс общей величины фондоотдачи в среднем за 2018–2020 гг. составил от 277 руб. валовой сельхозпродукции на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов в Архангельской области до 1209 руб. в Краснодарском крае. Тенденция повышения износа и устаревания основных фондов сельского хозяйства присуща семи регионам, и только в четырех регионах наблюдаются небольшие темпы снижения износа и повышения коэффициента обновления основных фондов сельского хозяйства.

В пяти регионах седьмой группы площадь неиспользуемой пашни составляет уже от 101 до 200 тыс. га, в этих регионах производится 5,5% валовой сельхозпродукции страны. Во всех регионах наблюдается преимущественная специализация на производстве продукции животноводства, при этом только в Республике Дагестан и Тыва площадь естественных сенокосов и пастбищ составляет 84,5% и 95% в структуре сельхозугодий, а в остальных трех регионах для увеличения кормовой базы животноводства необходимо вводить в оборот неиспользуемую пашню под посевы кормовых культур. Объемы производства валовой сельхозпродукции выросли во всех регионах: от 3% в Ленинградской области до 46% в Калининградской области. Урожайность зерновых культур выросла также во всех регионах, от 1 ц/га убранных площадей в Республике Дагестан до 8,2 ц/га в Калининградской области. Подсолнечник и соя в этих регионах почти не производятся. Объемы производства мяса, молока и яиц выросли во всех регионах за исключением Республики Марий Эл, в которой зафиксировано небольшое снижение производства молока.

Обеспеченность тракторами и комбайнами неуклонно снижалась во всех регионах, а объемы внесения минеральных удобрений в Калининградской области в среднем в четыре раза превышали данный показатель в остальных четырех регионах. Для данной области был характерен один из самых высоких уровней урожайности зерновых культур в стране – 48,5 ц/га убранных площадей в среднем за 2018–2020 гг., что в два раза выше, чем в остальных регионах седьмой группы.

Государственные субсидии в сельское хозяйство сокращались во всех регионах: от 16% в Республике Дагестан до 68% в Калининградской области, а уровень инвестирования в

сельское хозяйство сократился в трех регионах: от 20% до 88%. При этом уровень инвестирования в Республике Дагестан и Калининградской области вырос на 19% и 30%. Производительность труда в сельское хозяйство колебалась от 529 тыс. руб. на одного сельхозработника в Республике Дагестан до 1746 тыс. руб. в Республике Марий Эл. Значения показателя фондоотдачи имели однородный уровень между регионами. При этом надо отметить, что в регионах седьмой группы выход валовой продукции сельского хозяйства в расчете на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов имел колебания между крайними значениями не более чем в 1,4 раза. Во всех регионах наблюдалось превышение темпов износа основных сельхозфондов над темпами их обновления, поэтому интенсификация аграрного производства в этих регионах будет сопряжена с необходимостью увеличения темпов обновления и модернизации машинно-тракторного парка. Исключение составляет Республика Дагестан, в которой общий уровень износа сельхозфондов незначительно сократился в 2018–2020 гг. по сравнению со средним значением за 2013–2015 гг.

В шести регионах восьмой группы площадь неиспользуемой пашни составляет от 41 до 100 тыс. га, в этих регионах производится 1,6% валовой сельхозпродукции страны. Однако даже при таких мизерных резервах неиспользуемой пашни она в два раза превышает используемые посевные площади в четырех регионах. Только в Чеченской Республике и Республике Ингушетия доля неиспользуемой пашни составляет небольшую величину в общей структуре пашни, что практически не оставляет возможностей для экстенсивного роста аграрного производства при вводе в сельхозоборот неиспользуемой пашни.

Объемы производства зерна, подсолнечника и сои в восьмой группе незначительные, и производятся они только в половине регионов. Преимущественная специализация сельского хозяйства – животноводство. В четырех регионах из шести объемы производства мясомолочной продукции увеличились, а в Республиках Саха (Якутия) и Карелия они упали. Объемы внесения минеральных удобрений в регионах шестой группы – самые низкие среди всех девяти групп, принимающих участие в исследовании. Государственные субсидии на сельское хозяйство сократились в трех регионах, а в остальных трех увеличились от 8% в Республике Ингушетия до 41% в Республике Саха (Якутия).

Производительность труда в регионах восьмой группы – самая низкая среди всех региональных групп, а уровень фондоотдачи в сельском хозяйстве сократился в среднем на 28% в динамике последних лет. В Республиках Саха (Якутия), Карелия и Ингушетия темпы износа основных фондов сельского хозяйства преобладают над темпами их обновления. В Республике Коми, Чеченской Республике и Камчатском крае произошло небольшое обновление – на 2,4% в динамике 2013–2020 гг.

В десяти регионах девятой группы площадь неиспользуемой пашни практически отсутствует. В общей структуре пашни она занимает незначительную долю кроме Магаданской и Мурманской областей, в которых посевные площади под сельскохозяйственные культуры не превышают 7 тыс. га. Пять регионов характеризовались небольшим ростом объемов аграрного производства в 2013–2020 гг., в остальных пяти регионах сельское хозяйство находится в депрессивном состоянии, не имея ни земельных, ни финансовых ресурсов для расширения и интенсификации производства; в этих пяти регионах производилось 1,1% валовой продукции сельского хозяйства страны.

Анализ девяти выделенных региональных групп по величине резервов неиспользуемой пашни показал, что состав регионов в каждой группе достаточно разнородный по показателям развития сельского хозяйства, однако можно выделить некоторые общие рекомендации для каждой группы, которые потенциально будут способствовать вводу в оборот неиспользуемой пашни с целью увеличения объемов аграрного производства. Данные рекомендации представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Приоритетные направления поддержки сельского хозяйства с целью стимулирования ввода в сельскохозяйственный оборот площадей неиспользуемой пашни в регионах

Номера групп регионов, размеры площади неиспользуемой пашни в каждом регионе групп, количество регионов	Доля региональных групп (в среднем за 2018–2020 гг.):		Приоритетные меры и направления возможной поддержки сельского хозяйства для стимулирования ввода в оборот неиспользуемой пашни в регионах
	в площади неиспользуемой пашни РФ, %	в продукции сельского хозяйства РФ, %	
1-я группа – от 1501 и выше тыс. га 7 регионов	29,8	13,5	Преломление тенденции спада и стагнации производства мясо-молочной и яичной продукции во всех регионах, в условиях последующего возрастания потребности в кормах – увеличение посевов кормовых культур за счет неиспользуемой пашни. Увеличение производства зерна и подсолнечника на экспорт за счёт, как минимум, экстенсивного вовлечения в оборот самых больших резервов неиспользуемой пашни в стране
2-я группа – от 1001 до 1500 тыс. га 7 регионов	18,7	11,6	Изменение тенденции обвального снижения производства молока с последующим увеличением посевов кормовых культур за счёт неиспользуемой пашни для увеличения кормовой базы. Использование данных регионов для роста производства зерна на экспорт за счет экстенсивного ввода в оборот неиспользуемой пашни ввиду весьма больших ее резервов и относительно благоприятного климата для зерновых культур
3-я группа – от 701 до 1000 тыс. га 7 регионов	14,0	12,2	Преломление тенденции непрерывного роста изношенности и устаревания основных фондов сельского хозяйства, влияющей на снижение интенсивности аграрного производства. Использование данных регионов для роста производства зерна и подсолнечника на экспорт за счет экстенсивного ввода в оборот неиспользуемой пашни
4-я группа – от 501 до 700 тыс. га 10 регионов	13,7	10,6	Поддержание сложившейся тенденции роста объемов аграрного производства во всех регионах за счет улучшения финансовой поддержки от государства, что впоследствии для продолжения роста аграрного производства потребует ввода в оборот дополнительных сельхозземель, резервы которых имеются в достаточном количестве
5-я группа – от 301 до 500 тыс. га 15 регионов	13,9	20,1	Изменение тенденций обвального снижения показателей фондоотдачи в сельском хозяйстве и сокращения количества обновляемых основных фондов во всех регионах, что в перспективе увеличит интенсивность производства и повысит привлекательность освоения неиспользуемой пашни, резервы которой весьма значительны
6-я группа – от 201 до 300 тыс. га 11 регионов	6,6	21,3	В данной группе производится четверть всего зерна страны, все регионы характеризуются высоким ростом урожайности зерновых культур, поэтому необходимо повышение привлекательности зернового производства для стимулирования ввода в оборот неиспользуемой пашни. За счет полного вовлечения резервов неиспользуемой пашни хотя бы на экстенсивной основе можно будет увеличить объемы производства зерна на 45%
7-я группа – от 101 до 200 тыс. га 5 регионов	1,9	5,5	В условиях преимущественной специализации на отрасли животноводство и высоких показателей роста производства мясо-молочной продукции и яиц весьма ограниченные резервы неиспользуемой пашни в перспективе будут использованы под посевы кормовых культур с целью увеличения кормовой базы
8-я группа – от 41 до 100 тыс. га 6 регионов	0,8	1,6	Резервы неиспользуемой пашни очень малы, поэтому они будут использованы в ближайшей перспективе для поддержания объемов аграрного производства, особенно в условиях роста цен на продовольствие
9-я группа – от 0 до 40 тыс. га 10 регионов	0,4	3,3	Неиспользуемая пашня практически отсутствует, что исключает возможности роста аграрного производства на экстенсивной основе

Заключение.

В качестве общих выводов по апробации предложенной в данной статье методики необходимо отметить, что объективный анализ перспектив вовлечения в сельскохозяйственный оборот неиспользуемой пашни можно получить только при изучении тенденций, факторов и резервов роста и развития сельского хозяйства в региональном пространстве страны. Ровно половина неиспользуемой пашни страны, или 21 млн га расположена в 14 из 78 сельскохозяйственных регионов, что создает практически неограниченные возможности для роста объемов аграрного производства в этих 14 регионах. При условии ввода в сельхозоборот всего количества неиспользуемой пашни на экстенсивной основе, то есть в условиях использования при уже сложившемся уровне интенсивности аграрного производства, можно увеличить выпуск валовой продукции сельского хозяйства на 65%, при этом на данный момент в этих регионах производится 26% валовой сельхозпродукции страны. В этих регионах целесообразно развивать производство всех основных видов сельскохозяйственной продукции и формировать экспортный потенциал сельского хозяйства путем увеличения производства главных экспортных культур – зерна и подсолнечника. А также необходимо преломить тен-

денцию спада и стагнации производства мясо-молочной продукции, и впоследствии увеличить кормовую базу за счет увеличения посевов кормовых культур.

В других 16 регионах площадь неиспользуемой пашни практически отсутствует, что отсекает возможности роста аграрного производства в этих регионах на экстенсивной основе. Ровно в половине из этих регионов сельское хозяйство находится в депрессивном состоянии, так как в последние годы произошел спад объемов аграрного производства. Если не преломлять данную тенденцию, то в дальнейшем больше используемой пашни будет переходить в категорию неиспользуемой пашни в малоземельных регионах.

В половине этих регионов наблюдается небольшой рост объемов аграрного производства, но он сопряжен со значительным преобладанием темпов износа и устаревания основных сельхозфондов над темпами их обновления. Отсутствие мер по снижению общего износа сельхозфондов может в ближайшей перспективе обернуться снижением устоявшегося уровня интенсивности аграрного производства, что в итоге изменит тенденцию роста объемов аграрного производства на спад.

В других 16 регионах площадь неиспользуемой пашни составляет от 101 до 300 тыс. га, что можно отнести к категории достаточно ограниченных земельных резервов, которые не смогут покрыть все потребности по увеличению производства всех основных видов сельхозпродукции как для решения проблем продовольственной безопасности страны, так и расширения экспортного агропотенциала. Поэтому для регионов этого типа были предложены рекомендации по расширению сложившегося объема производства в рамках отдельных видов сельхозпродукции.

В оставшихся 32 регионах площадь неиспользуемой пашни составляет от 301 тыс. до 1 млн га, что позволяет увеличивать объемы аграрного производства по многим направлениям, связанным как с расширением производства разных видов сельхозпродукции, так и с простым поддержанием сложившихся темпов роста аграрного производства. Для этого впоследствии будет необходимо вовлекать в сельхозоборот площади неиспользуемой пашни и на экстенсивной основе, и на основе интенсификации аграрного производства после решения проблем, обусловленных снижением объемов государственного субсидирования и прогрессирующим износом основных фондов сельского хозяйства.

Список источников

1. Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 года. № 731 // СПС Гарант.

2. Андрущенко С.А., Кутенков Р.П., Бондаренко Ю.П. Эффективность использования основных фондов как фактор повышения конкурентоспособности региональных АПК // Экономика сельского хозяйства России. – 2021. – № 5. – С. 8–13.

3. Сидоркина М.А. Проблема неиспользуемых сельскохозяйственных земель России: причина и решение // Наука. Общество. Государство. – 2021. – Т. 9. – № 1(33). – С. 131–138.

4. Бондаренко Ю.П. Оценка государственного субсидирования сельского хозяйства России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2020. – № 8. – С. 55–61.

5. Андрущенко С.А. Тенденции конкурентоспособного развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Островские чтения. – 2020. – № 1. – С. 73–77.

6. Бондаренко Ю.П. Оценка направлений повышения эффективности использования основных фондов сельского хозяйства в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2020. – № 3. – С. 81–90.

7. Speziлова Н.В., Кожуховская Ю.А. Обоснование перспективных направлений развития сельского хозяйства в регионах России с использованием математико-статистических методов // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 5(118). – С. 1298–1303.
8. Исмиханов З.Н. Идентифицируемые регрессионные модели взаимосвязи показателей развития сельского хозяйства в регионах // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18. – № 7(478). – С. 1357–1373.
9. Хлыстун В.Н., Мурашева А.А., Столяров В.М. Концептуальные подходы к разработке и реализации программы вовлечения в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2020. – № 5. – С. 2–11.
10. Хабаров Д.А., Лагодный Е.Н. Экономическая целесообразность вовлечения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения // Московский экономический журнал. – 2020. – № 11. – С. 7.
11. Бондаренко Ю.П. Влияние инвестиций на обновление и эффективность использования основных фондов в сельском хозяйстве России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2019. – № 3. – С. 43–49.
12. Бондаренко Ю.П. Ресурсные факторы и ограничения инновационного развития агропродовольственного комплекса в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3. – С. 93–106.
13. Андрищенко С.А. Обоснование механизма управления инновационным развитием производственного потенциала агропродовольственного комплекса на основе сочетания национальных и региональных приоритетов // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 4. – С. 87–94.
14. Оборин М.С. Социально-экономические проблемы развития сельского хозяйства в российских регионах // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Сельскохозяйственные науки. Экономические науки. – 2019. – Т. 5. – № 3(19). – С. 349–358.
15. Карпова О.И., Савкин В.И. Неиспользуемые земли сельскохозяйственного назначения: влияние на производственный и экспортный потенциал АПК России // Вестник аграрной науки. – 2019. – № 6(81). – С. 96–103.
16. Крылов В.С., Баюнов В.А., Михеев Е.Ю. Как вернуть в хозяйственный оборот неиспользуемые земли сельскохозяйственного назначения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2019. – № 11. – С. 77–82.
17. Хаметов Т.И., Ширчкова А.О. Опыт регионов Российской Федерации по введению неиспользуемых земель в сельскохозяйственный оборот // Образование и наука в современном мире. Инновации. – 2019. – № 3(22). – С. 112–116.
18. Бондаренко Ю.П. Оценка необходимости обновления основных фондов в сельском хозяйстве России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2018. – № 9. – С. 24–30.
19. Андрищенко С.А., Бондаренко Ю.П. Оценка перспективных направлений инновационного развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2018. – № 5. – С. 3.
20. Бондаренко Ю.П. Многоукладность аграрного сектора экономики России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2016. – № 5. – С. 52–58.
21. Пахомова Н.В., Рихтер К., Малышков Г.Б., Бондаренко Ю.П. Организационно-институциональные условия формирования спроса на инновации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2015. – № 2. – С. 4–33.
22. Дьяченко И.Л., Брюханова Г.А., Покровский С.А. Потенциальные возможности неиспользуемых земель и кормовых угодий в обеспечении продовольственной безопасности России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2015. – № 6. – С. 21–24.

23. Бондаренко Ю.П. Факторы межрегиональной дифференциации в оценке потенциала экономического роста сельского хозяйства России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2010. – № 1. – С. 5.

24. Бондаренко Ю.П. Фермерский сектор регионов в решении проблемы продовольственной безопасности России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2009. – № 8. – С. 59–62.

25. Статистическая информация Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. – URL: <http://www.gks.ru/>

26. Статистическая информация Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <http://mcs.ru/>

27. Статистическая информация Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии Российской Федерации. – URL: <https://rosreestr.gov.ru/site/>

References

1. The state program of effective involvement in the turnover of agricultural lands and the development of the reclamation complex of the Russian Federation. Approved by the decree of the Government of the Russian Federation dated May 14, 2021. No. 731 // SPS Garant.

2. Andryushchenko S.A., Kutenkov R.P., Bondarenko Yu.P. Efficiency of the use of fixed assets as a factor of increasing the competitiveness of regional agro-industrial complex. *Economics of agriculture of Russia*. 2021; (5); 8-13. (In Russ).

3. Sidorkina M.A. The problem of unused agricultural lands in Russia: the reason and the solution. *Nauka. Society. State*. 2021; 1(33); 131-138. (In Russ).

4. Bondarenko Yu.P. Assessment of state subsidization of agriculture in Russia. *The economy of agricultural and processing enterprises*. 2020; (8); 55-61. (In Russ).

5. Andryushchenko S.A. Trends in the competitive development of the production potential of the agro-food complex of Russia. *Ostrovsky readings*. 2020; (1); 73-77. (In Russ).

6. Bondarenko Yu.P. Assessment of directions for improving the efficiency of the use of fixed assets of agriculture in the regional space of Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2020; (3); 81-90. (In Russ).

7. Speshilova N.V., Kozhukhovskaya Yu.A. Substantiation of promising directions of agricultural development in the regions of Russia using mathematical and statistical methods. *Economics and entrepreneurship*. 2020; 5(118); 1298-1303. (In Russ).

8. Ismikhonov Z.N. Identifiable regression models of the relationship of indicators of agricultural development in the regions. *Regional economy: theory and practice*. 2020; 7(478); 1357-1373. (In Russ).

9. Khlystun V.N., Murasheva A.A., Stolyarov V.M. Conceptual approaches to the development and implementation of the program of involvement in the turnover of unused agricultural land. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2020; (5); 2-11. (In Russ).

10. Khabarov D.A., Lagodny E.N. Economic feasibility of involving unused agricultural land in the turnover. *Moscow Economic Journal*. 2020; (11); 7. (In Russ).

11. Bondarenko Yu.P. The impact of investments on the renewal and efficiency of the use of fixed assets in agriculture in Russia. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2019; (3); 43-49. (In Russ).

12. Bondarenko Yu.P. Resource factors and limitations of innovative development of the agro-food complex in the regional space of Russia. *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2019; (3); 93-106. (In Russ).

13. Andryushchenko S.A. Substantiation of the mechanism of management of innovative development of the production potential of the agro-food complex on the basis of a combination of national and regional priorities. *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2019; (4); 87-94. (In Russ).

14. Oborin M.S. Socio-economic problems of agricultural development in Russian regions. *Bulletin of the Mari State University. Series: Agricultural sciences. Economic sciences.* 2019; 3(19); 349-358. (In Russ).
15. Karpova O.I., Savkin V.I. Unused agricultural lands: impact on the production and export potential of the agro-industrial complex of Russia. *Bulletin of Agrarian Science.* 2019; 6(81); 96-103. (In Russ).
16. Krylov V.S., Bayunov V.A., Mikheev E.Yu. How to return unused agricultural lands to economic circulation. *Economics of agricultural and processing enterprises.* 2019; (11); 77-82. (In Russ).
17. Khametov T.I., Shirchkova A.O. The experience of the regions of the Russian Federation on the introduction of unused lands into agricultural circulation. *Education and Science in the modern world. Innovation.* 2019; № 3(22); 112-116. (In Russ).
18. Bondarenko Yu.P. Assessment of the need to update fixed assets in agriculture in Russia. *The economy of agricultural and processing enterprises.* 2018; (9); 24-30. (In Russ).
19. Andryushchenko S.A., Bondarenko Yu.P. Assessment of promising directions of innovative development of the production potential of the agro-food complex. *Regional agricultural systems: economics and sociology.* 2018; (5); 3. (In Russ).
20. Bondarenko Yu.P. Diversity of the agricultural sector of the Russian economy. *Economy of agricultural and processing enterprises.* 2016; (5); 52-58. (In Russ).
21. Pakhomova N.V., Richter K., Malyshev G.B., Bondarenko Yu.P. Organizational and institutional conditions for the formation of demand for innovations. *Bulletin of St. Petersburg University. Economy.* 2015; (2); 4-33. (In Russ).
22. Dyachenko I.L., Bryukhanova G.A., Pokrovsky S.A. Potential opportunities of unused lands and forage lands in ensuring food security of Russia. *Economics of agricultural and processing enterprises.* 2015; (6); 21-24. (In Russ).
23. Bondarenko Yu.P. Factors of interregional differentiation in assessing the potential of economic growth of agriculture in Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology.* 2010; (1); 5. (In Russ).
24. Bondarenko Yu.P. The farming sector of the regions in solving the problem of food security in Russia. *Economics of agricultural and processing enterprises.* 2009; (8); 59-62. (In Russ).
25. Statistical information of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. URL: <http://www.gks.ru/>
26. Statistical information of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation. URL: <http://mcx.ru/>
27. Statistical information of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography of the Russian Federation. URL: <https://rosreestr.gov.ru/site/>

Информация об авторе

Ю.П. Бондаренко – кандидат экономических наук

Information about the authors

Yu.P. Bondarenko – Candidate of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 29.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021;
принята к публикации 08.10.2021

The article was submitted 29.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 08.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 106-112.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3): 106-112.

Научная статья
УДК 338.439.6

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕ ПЛОДОВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Валентина Владимировна Липницкая¹, Андрей Александрович Бурачевский²
^{1 2}Белорусский государственный аграрный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь
¹ ryazaneva@yandex.ru ² burachevskiy.andrey@mail.ru

Аннотация. *Негативное влияние на состояние мирового продовольственного рынка оказывает затянувшаяся неопределенность из-за проблем, созданных COVID-19, который снижает продовольственную безопасность многих стран. Такая отрасль как плодоводство, в виду высокой трудозатратности, в большей степени подвержена шокам, вызванным пандемией. Поэтому в сложившихся условиях своевременное выявление рисков и угроз продовольственной независимости Республики Беларусь позволит реализовать конкурентные преимущества и обозначить новые точки роста агропромышленного производства республики, в том числе, за счет увеличения собственного производства плодов и ягод. В статье представлено комплексное исследование современных аспектов обеспечения внутреннего рынка Беларуси фруктами, в частности, белорусскими яблоками, раскрыты причины низкой доли отечественных свежих фруктов на белорусском потребительском рынке.*

Ключевые слова: *Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года, индикаторы экономической доступности продовольствия, емкость внутреннего рынка, качество питания, экономическая доступность продовольствия, плодоводство, валовой сбор.*

Для цитирования: *Липницкая В.В., Бурачевский А.А. Тенденции и перспективные направления развития плодоводства в Республике Беларусь // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С.106-112.*

Original article

TRENDS AND PROSPECTIVE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF FRUIT GROWING IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Valentine V. Lipnitskaya¹, Andrey A. Burachevskiy²
^{1 2} BSATU, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. *The global food market is negatively affected by lingering uncertainty due to the problems created by COVID-19, which is reducing food security in many countries. It is known that an industry such as horticulture, due to its high labor intensity, is more susceptible to pandemic-induced shocks. Therefore, in the current circumstances, the timely identification of risks and threats to food independence of the Republic of Belarus will help realize competitive advantages and identify new points of growth of the Republic's agro-industrial production, in particular, by increasing domestic production of fruits and berries. The article presents a comprehensive study of modern aspects of the provision of the domestic market of Belarus with fruit, in particular, Belarusian apples, and reveals the reasons for the low share of domestic fresh fruit in the Belarusian consumer market.*

Keywords: *The doctrine of national food security of the Republic of Belarus until 2030, indicators of economic availability of food, the capacity of the domestic market, food quality, economic availability of food, fruit growing.*

For citation: *Lipnitskaya V.V., Buracheuski A.A. Trends and prospective directions of development of fruit growing in the Republic of Belarus. Regional agrosystems: economics and sociology.2020;(3):106-112.*

Введение.

Тенденции развития мирового рынка свидетельствуют о том, что в долгосрочной перспективе дефицит продовольственных ресурсов сохранится, конъюнктура останется нестабильной, а торговля продолжит развиваться под влиянием не только естественной конкуренции, но и политических факторов. Республика Беларусь как субъект мировой продовольственной системы, должна учитывать глобальные тенденции продовольственной безопасности и питания.

В этих условиях Беларусь выходит на новый уровень решения задач продовольственной безопасности. В республике разработана и реализуется Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года, в которой определена стратегия устойчивого обеспечения населения продовольствием до 2030 года.

Стратегической целью национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года является повышение уровня обеспеченности населения и доступность качественного продовольствия для полноценного питания и здорового образа жизни на основе устойчивого развития конкурентоспособного аграрного производства, а также создания социально-экономических условий для поддержания потребления основных продуктов питания на рациональном уровне [1].

В ближайшее десятилетие требуется обеспечить высокое качество питания для населения, востребованность белорусской продукции на внешних рынках, интеграцию в мировой продовольственный рынок.

В настоящее время населением Беларуси достигнуты нормы потребления в количественном отношении по всем продуктам питания, за исключением плодов, однако рацион остается несбалансированным по качеству [2]. Поэтому насыщение внутреннего рынка качественной плодовой продукцией отечественного производства позволит осуществить переход к безопасному питанию для всех социальных групп населения Беларуси.

Цель исследований заключается в выявлении и анализе тенденций развития плодового производства в Беларуси, а также определении и обосновании основных направлений его дальнейшего развития с целью максимизации степени удовлетворения внутреннего рынка качественной продукцией отечественного производства.

Методика исследований. В ходе исследования использовались абстрактно-логический, статистический и монографический методы.

Результаты исследований.

Для оценки состояния национальной продовольственной безопасности используются индикаторы и их пороговые значения, отклонение от которых свидетельствует о снижении уровня защищенности национальных интересов и ситуации, требующей принятия соответствующих мер по регулированию экономики.

Одним из индикаторов экономической доступности сельскохозяйственной продукции и продовольствия является доля продажи продовольственных товаров отечественного производства организациями торговли на внутреннем рынке в общем объеме продаж. Для продовольственной безопасности республики его величина должна составлять не менее 85%.

Поэтому среди главных критериев достижения цели по развитию национальной продовольственной безопасности до 2030 года, установленных Доктриной, является снижение доли продовольственных товаров импортного производства в объеме продаж организаций торговли на внутреннем рынке до 14% к 2030 году, а доли отечественных свежих фруктов на потребительском рынке до 30%.

Однако по результатам ежегодного мониторинга продовольственной безопасности доля реализации организациями торговли товаров отечественного производства по отдельным группам, определяющих продовольственную независимость государства для обеспечения продовольственной безопасности, по итогам 2020 года была недостаточной. Так, по итогам 2020 года доля импортных продовольственных товаров в продаже организациями торговли в Беларуси составила 22,9%, а доля завезенных из других стран фруктов – 92,8%, фруктовых и овощных соков – 39,1% [3].

Таким образом, доля фруктов и ягод отечественного производства составляла в торговой сети республики только 7,2%, а яблок – 26,4%.

По данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия, производство плодов в 2020 г. выросло в сравнении с 2015 г. на 43,3%. Это позволило существенно сократить размер импортных закупок яблок с 491,7 тыс. т в 2016 г. до 130 тыс. т в 2020 г., или на 73,6%.

Тем не менее, по информации Министерства антимонопольного регулирования и торговли, уровень собственной обеспеченности яблоками в 2020 г. составил 48% [4]. Но при этом до прилавков доходит только пятая часть отечественного элитного урожая, а в отдельные годы и того меньше – только шестая.

В процессе анализа было установлено, что высокий уровень импорта плодов (яблоко, груша) обусловлен действием ряда факторов (причин), одной из которых является снижение площади садов. Это вызвано, во-первых, раскорчевкой и выведением из оборота садов с низким и очень низким бонитетом (около 70% яблонь и 55% груш плодоносят более 20 лет) для последующей закладки новых, во-вторых, уменьшением количества домашних хозяйств в сельской местности, на долю посадок которых приходится 55,2% от общей их площади.

В настоящее время площадь насаждений в плодоносящем возрасте оценивается в 28,4 тыс. га. Кроме того, стоит отметить, что в республике ведется планомерная и целенаправленная работа по посадке молодых садов. За 2016–2020 гг. в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах посажено 4,4 тыс. га плодово-ягодных культур, в том числе с государственной поддержкой на основании конкурсного отбора – 2 тыс. га (80% от планируемого объема). Следовательно, за счет вступления в плодоношение молодых садов объемы производства плодовой продукции в среднесрочной перспективе, т.е. в ближайшие 3–5 лет вырастут примерно на 42–46 тыс. т.

В 2020 г. в Беларуси было собрано 792,4 тыс. т фруктов и ягод, что на 24% больше, чем в 2014 г. При этом производство семечковых культур возросло только на 11% и составило 590,8 тыс. т. Основным производителем фруктовых и ягодных культур в республике являются домохозяйства, которые в 2020 г. произвели 608,8 тыс. т данной продукции, что составляет 76,8% ее валового сбора. Производство плодов и ягод в крестьянских (фермерских) хозяйствах увеличилось с 19,6 тыс. т в 2014 г. до 95,3 тыс. т в 2020 г., в том числе семечковых культур соответственно с 18,3 тыс. т до 90,4 тыс. т, или почти в 5 раз [5]. Это позволило существенно сократить размер импортных закупок яблок: с 491,7 тыс. т в 2016 г. до 130 тыс. т в 2020 г., или на 73,6 %.

В территориальном аспекте наиболее эффективно развивается плодоводство в Брестской, Гродненской и Минской областях, где производится порядка 80% продукции от общего объема производства в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах республики.

Анализ параметров собственного производства плодов и ягод показал, что в настоящее время их производство соответствует критическому уровню продовольственной безопасности, а для достижения оптимистического уровня необходимо довести валовой сбор плодов и ягод до 1100 тыс. т.

Другим фактором, вызывающим необходимости импортных закупок яблок за рубежом, является нестабильность урожайности и сильное влияние на результаты производства погоды. Стоит отметить, что реализация мероприятий по обеспечению развития плодоводства, намеченных в Государственной программе развития аграрного бизнеса на 2016–2020 гг., позволила повысить урожайность плодов и ягод в среднем по стране в 2020 г. по сравнению с

2014 г. в 1,4 раза до 97,4 ц/га, в том числе семечковых культур до 106,1 ц/га. В то же время, в ряде стран, расположенных севернее широт Беларуси, урожайность плодов ощутимо выше. Так, например, по итогам 2019 г. в Швеции она составила 122,2 ц/га, в Канаде – 121,7 ц/га [4].

Таким образом, полный отказ от импортных яблок, даже в долгосрочной перспективе, в данных условиях рыночной экономики невозможен. Импортная продукция позволяет обеспечивать широкий потребительский ассортимент. Исследования показали, что даже крупнейшие страны – экспортеры яблок, закупают эту продукцию для внутреннего рынка. Так, Китай продал на внешние рынки в 2018 году 1 609,5 тыс. т яблок и закупил за рубежом 71,9 тыс. т [6], США реализовали на внешние рынки 1 061,2 тыс. т и закупили для внутреннего рынка 209,8 тыс. т.

Известно, что получение высоких и стабильных урожаев плодов предполагает необходимость четкого выполнения всех агротехнических мероприятий по выращиванию и уходу за плодовыми растениями. Эти процессы сопровождаются высокими затратами труда и капитала. В условиях, с одной стороны, дефицита собственных оборотных средств, с другой – преимущественной специализации на животноводческой продукции, сельскохозяйственные организации снижают уровень агротехники, не обеспечивают надлежащий уход за почвой, кронами деревьев и т.д. Это также характерно и для личных подсобных хозяйств населения и садоводческих товариществ [7]. Так, в 2020 г. урожайность фруктов и ягод в сельскохозяйственных организациях составляла только 39,4 ц/га, в то время как в домохозяйствах – 115,1 ц/га, а в крестьянских (фермерских) хозяйствах 159,0 ц/га. Данный факт свидетельствует о наличии существенных резервов роста технологической эффективности производства за счет, в первую очередь, максимально полного соблюдения технологий выращивания.

Однако анализ характера сложившейся системы взаимоотношений производителей плодов с заготовителями и торговыми сетями позволил сделать вывод о том, что продавать выращенный урожай плодов стало для населения экономически невыгодно.

В республике система заготовки выращенной сельхозпродукции представлена большим количеством предприятий различной ведомственной подчиненности и форм собственности. Однако основной объем плодов у населения и значительную его часть у субъектов хозяйствования закупают организации системы Белкоопсоюза, которые самостоятельно устанавливают цены закупки фруктов и ягод. Так, в зависимости от конъюнктуры, в 2020 г. цена за 1 кг яблок (опад) в системе Белкоопсоюза колебалась в диапазоне от 0,07–0,1 руб. за 1 кг до 0,1–0,16 руб. за 1 кг. 1 кг товарного (съемного) яблока стоил 0,5–1,7 руб./кг. При этом не все районные потребительские общества занимались закупкой данного вида продукции.

Очевидно, что в таких условиях ни предприятия пищевой промышленности, ни частные заготовители большей цены производителям не предложили. В отдельных случаях закупочные цены на яблоки падали до 4 коп./кг. Для населения, когда 1 полипропиленовый мешок стоит 80 коп., такие низкие цены делают сбор и продажу плодов экономически невыгодными, абсолютно нецелесообразными. Не надо объяснять, что и для сельскохозяйственных предприятий и крестьянских (фермерских) хозяйств эти деньги не могут покрыть затраты на заработную плату сотрудникам, сбор, доставку, хранение, налоги, удобрения и т.д.

Диапазон цен на представленные на прилавках импортные (польские, нидерландские) плоды составлял от 1,6 руб./кг до 5,9 руб./кг. Полагаем, что представление на полках отечественных съемных товарных яблок, закупленных белорусских производителей по 0,8–1,3 руб./кг определенно способствовало бы усилению ценовой конкуренции.

Отметим также, что примерно 8% заготовленных Белкоопсоюзом яблок и груш реализуется через торговую сеть, на рынках и ярмарках, а около 92% идет на переработку, т.е. для дальнейшего производства плодово-ягодных вин, а реже концентратов яблочного сока.

Между ритейлерскими сетями и производителями плодов и другой сельхозпродукции сложились ненормальные отношения, суть которых заключена в том, что торговые предприятия, пользуясь ограниченностью каналов сбыта продукции, слабым развитием мощностей по хранению, первичной переработке плодовой продукции, т.е. уязвимостью отечественных

организаций, диктуют субъектам аграрного производства невыгодные для них условия работы (поставка, цены, система оплаты, упаковка и т.д.). Ритейлеры проявляют себя как негибкие и не ищущие точек соприкосновения позиций партнеры, пользуются возможностью удовлетворения спроса потребителей с помощью импортной продукции. Во многом именно поэтому продукции мелкотоварных производителей попасть на прилавки крупных сетей сложно [8, 9].

При этом поведение сельхозтоваропроизводителей также зачастую не позволяет рассматривать их как надежных партнеров на долгосрочную перспективу. Нарушение оговоренных условий поставки, сомнительное качество и внешний вид, однообразный ассортимент – неполный перечень претензий к производителям плодов. Данные обстоятельства и обуславливают приоритетный выбор торговыми предприятиями импортной продукции и слабую заинтересованность в белорусских яблоках и грушах.

Еще одной причиной низкой заинтересованности предприятий торговли в реализации отечественной плодовой продукции является сложившаяся система государственного регулирования рынка плодов, в том числе ограничение торговой надбавки. Принятие Постановления Министерства антимонопольного регулирования и торговли от 29.06.2021 г. № 48 «О регулировании цен на социально значимые товары», устанавливающего максимальный размер торговой надбавки на яблоки в размере 25%, существенно затрудняет выполнение ценами своих функций (контрольной, измерительной, стимулирующей и др.) [10].

Заключение.

Таким образом, решение задачи повышение степени удовлетворения внутренней потребности страны в яблоках и грушах за счет собственного производства в краткосрочном временном интервале не представляется возможным.

В среднесрочном периоде, по нашему мнению, факторами, которые могут оказать существенное влияние на объем предложения отечественной продукции на рынке, являются следующие:

- упрощение процедуры реализации излишков выращенных плодов для населения, в том числе посредством локальных электронных площадок;
- улучшение ситуации с доступом К(Ф)Х к дополнительным земельным ресурсам посредством предоставления им в пользование пустующих участков в «умирающих» деревнях. Примечательно то, что эта земля, на которой несколько лет не велось производство, может быть сертифицирована для выращивания экологической продукции;
- увеличение объема закладки яблок и груш в государственные стабилизационные фонды. Это поспособствует росту объема заготовок организациями системы Белкоопсоюза, а у населения, растет заинтересованность к повышению степени сохранности урожая;
- привлечение части трудовых ресурсов, используемой с низкой степенью интенсивности, например, безработных, должников по исполнительным листам, пенсионеров, студентов и учащихся учреждений образования к сбору плодов в наиболее урожайные годы (например, в заброшенных садах).

Все вышеизложенное позволяет констатировать, что для максимального удовлетворения внутреннего спроса в плодово-ягодной продукции следует сориентироваться на проведение мероприятий, направленных на получение эффекта в относительно долгосрочной перспективе, т.е. в ближайшие пять лет. К таким мероприятиям были отнесены:

- трансформация системы ценообразования посредством введения в хозяйственную практику института минимальной гарантированной цены для производителей плодов;
- увеличение емкости внутреннего рынка за счет расширения госзаказа на яблоки и груши для включения их в большем количестве в рацион питания в школах, детских садах, армии, больницах, санаториях, домах престарелых и др.;
- создание ассоциаций производителей плодов, членами которых могут быть как представители К(Ф)Х, так и сельхозорганизации. Задачами функционирования таких объединений станут ведение от имени членов ассоциации переговоров с торговыми сетями и другими

контрагентами, отстаивание их интересов, а также контроль за соблюдением достигнутых договоренностей всеми представителями объединения;

– популяризация здорового питания и принципов ЗОЖ, а также совместное параллельное развитие плодородства с другими видами деятельности: не только с логистикой и промышленной переработкой, но и пчеловодством, и агротуризмом [7, 9, 11];

– привлечение инвестиций в целях повышения уровня механизации отрасли, проведения планомерной замены старых плодовых насаждений и закладки садов высококачественным, оздоровленным посадочным материалом на основе садооборота.

Список источников

1. Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962. – URL: www.pravo.by

2. Принципиальные направления совершенствования механизма обеспечения продовольственной безопасности Республики Беларусь / А.В. Пилипук, Г.В. Гусаков, П.В. Расторгув [и др.] // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя аграрных навук. – 2021. – № 2. – С. 135–150.

3. Рекомендации по обеспечению соблюдения положений Доктрины национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь. – URL: www.pravo.by.

4. Беларусь обеспечена собственными яблоками почти на 50%. – URL: <https://www.belta.by/economics/view/belarus-obespechena-sobstvennymi-jablokami-pochti-na-50-412396-2020/>

5. Статистическая информация / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – URL: www.belstat.gov.by

6. Запасы яблока в Китае рекордно высокие, а цены – наоборот. - URL: <https://eastfruit.com/novosti/zapasy-yabloka-v-kitae-rekordno-vysokie-a-tseny-naoborot/>

7. Гануш Г.И. Социально-экономические предпосылки и методологические принципы создания органических агропроизводств // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя аграрных навук. – 2014. – №1. – С. 31–36.

8. Грибоедова И.А. Диверсификация агропродовольственного комплекса Республики Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2014. – 357 с.

9. Лыч Г.М. Аграрная экономика: проблемы и пути их решения: авторское кредо. – Минск: Право и экономика, 2016. – 216 с.

10. МАРТ выявил нарушения при формировании оптовым поставщиком цен на яблоки. – URL: <https://www.belta.by/economics/view/mart-vyjavil-narusheniya-pri-formirovanii-optovym-postavschnikom-tsen-na-jabloki/>

11. Бурачевский А.А. Формирование и направления развития городского сельского хозяйства в городе Минске в рамках концепции «устойчивого города» // Долгосрочные тенденции развития агропродовольственного комплекса России в условиях новых глобальных вызовов: сборник материалов Всероссийской научной конференции «Островские чтения». – Саратов: ИАГП РАН, 2020. – С. 154–156.

References

1. The doctrine of national food security of the Republic of Belarus until 2030: the Resolution of Council of Ministers of the Republic of Belarus of December 15, 2017 No. 962. URL: www.pravo.by

2. Basic directions of improvement of the mechanism of ensuring food security of the Republic of Belarus / A. V. Pilipuk, G. V. Gusakov, P. V. Rastorguev [et al.]. *Bulletin of national Academy of Belarus*. 2021; (2): 135-150.

3. Recommendations for ensuring compliance with the provisions of the Doctrine of National Food Security of the Republic of Belarus. URL: www.pravo.by .
4. Belarus is provided with its own apples by almost 50%. URL: <https://www.belta.by/economics/view/belarus-obespechena-sobstvennymi-jablokami-pochti-na-50-412396-2020/>
5. Statistical information / National stat. com. Rep. Belarus. - Minsk, 2021. URL: www.belstat.gov.by
6. Apple stocks in China are record high, and prices are the opposite. URL: <https://east-fruit.com/novosti/zapasy-yabloka-v-kitae-rekordno-vysokie-a-tseny-naoborot/>
7. Ganush G.I. Socio-economic prerequisites and methodological principles of the creation of organic agricultural production. *Vesci National Academy of Sciences of Belarus*. 2014; (1): 31-36.
8. Griboyedova I.A. Diversification of the agro-food complex of the Republic of Belarus. - Minsk: Law and Economics, 2014. - 357 p.
9. Lych G.M. Agrarian economy: problems and ways to solve them: the author's credo. - Minsk: Law and Economics, 2016. - 216 p.
10. MARCH revealed violations in the formation of wholesale supplier prices for apples. URL: <https://www.belta.by/economics/view/mart-vyjavil-narusheniya-pri-formirovanii-optovym-postavschikom-tsen-na-jabloki/>
11. Burachevsky A.A. Formation and directions of development of urban rural economy in the city of Minsk within the framework of the concept of "sustainable city". *Long-term trends in the development of the agro-food complex of Russia in the context of new global challenges*. 2020: 154-156.

Информация об авторах

В.В. Липницкая – кандидат экономических наук, профессор;

А.А. Бурачевский – кандидат экономических наук.

Information about the authors

V.V.Lipnitskaya - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

A.A. Burachevski - Candidate of Economic sciences.

*Статья поступила в редакцию 24.09.2021; одобрена после рецензирования 27.09.2021;
принята к публикации 04.10.2021*

The article was submitted 24.09.2021; approved after reviewing 27.09.2021; accepted for publication 04.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 113-123.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3): 113-123.

Научная статья
УДК 332.1: 338.421.7

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ И ПАНДЕМИИ

Сергей Николаевич Семенов¹, Мария Ярославовна Ржевская²
^{1,2} Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены результаты исследования методологических аспектов совершенствования программно-целевого и проблемно-ориентированного управления устойчивым и конкурентоспособным развитием социо-природно-экономического пространства агропромышленного комплекса и сельских территорий в условиях обострения социально-экономического кризиса и пандемии COVID-19. Обоснованы основные направления и методы регулирования и стратегического планирования потенциала качества социо-природно-экономического пространства агропромышленного комплекса и сельских территорий. Особое внимание уделено вопросам совершенствования целеполагания. Представлены результаты исследования влияния асимметрии территориальных прав и справедливости на рост качества жизни сельского населения. В свете диалога Саммита ООН по продовольственным системам рассмотрены концептуальные основы обеспечения безопасности и устойчивого развития агропромышленного комплекса и сельских территорий.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социо-природно-экономическое пространство агропромышленного комплекса и сельских территорий, программно-целевое и проблемно-ориентированное управление, качество жизни, агропромышленная политика, интегративная система «город–село», пандемия.

Для цитирования: Семенов С.Н., Ржевская М.Я. Методические вопросы совершенствования управления устойчивым пространственным развитием агропромышленного комплекса и сельских территорий в условиях обострения кризисных явлений и пандемии // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С. 113-123.

Original article

METHODOLOGICAL ISSUES OF IMPROVING THE MANAGEMENT OF SUSTAINABLE SPATIAL DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX AND RURAL TERRITORIES IN THE CONDITIONS OF EXACERBATION CRISIS AND PANDEMIC

Sergey N. Semenov¹, Maria Ya. Rzhevskaya²
^{1,2} IAgP RAS, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article discusses the results of a study of the methodological aspects of improving program-targeted and problem-oriented management of sustainable and competitive development of the socio-natural-economic space of the agro-industrial complex and rural areas in the

context of an exacerbation of the socio-economic crisis and the COVID-19 pandemic. The main directions and methods of regulation and strategic planning of the quality potential of the socio-natural-economic space of the agro-industrial complex and rural areas have been substantiated. Particular attention is paid to the issues of improving goal-setting. The results of the study of the influence of the asymmetry of territorial rights and justice on the growth of the quality of life of the rural population are presented. After the dialogue of the UN Summit on Food Systems, the conceptual foundations of ensuring security and sustainable development of the agro-industrial complex and rural areas were considered.

Key words: *sustainable development, socio-natural and economic space of the agro-industrial complex and rural areas, program-targeted and problem-oriented management, life quality, agro-industrial policy, integrative system “city-village”, pandemic.*

For citation: *Semenov S.N., Rzhetskaya M.Ya. Methodological issues of improving the management of sustainable spatial development of the agro-industrial complex and rural territories in the conditions of exacerbation crisis and pandemic // Regional agrosystems: economics and sociology. 2021;(3):113-123.*

Введение.

Глубокий экономический кризис, охвативший в настоящее время практически все страны мира, требует поиска новых методов макроэкономической стабилизации, устойчивости развития, создает значительные ограничения в применении традиционных методов управления. Так, по оценкам МВФ, общее снижение мирового ВВП в 2020 г. составляло 3,3%, а в развитых странах — 4,7%, что значительно превышает показатели кризисного 2009 г. Другая особенность — полная неопределенность относительно продолжительности и глубины спада. На смену первой волне пандемии COVID-19 пришла вторая, а за ней третья, и никто не может гарантировать, что на этом все закончится.

Важнейшая черта кризисной ситуации 2020 г. — удар по экономике не только со стороны предложения, но и спроса. Режим самоизоляции привел к существенному спаду совокупного предложения, поскольку основную массу товаров и услуг нельзя производить удаленно... Эффективность традиционных методов стимулирования совокупного спроса оказалась под вопросом, что требует новых подходов к стабилизационной политике [1, с. 5].

Член-корреспондент РАН Дементьев В.Е. справедливо считает, что: «В настоящее время экономической теории надо готовиться к ряду вызовов. Во-первых, после пандемии COVID-19 экономика уже не вернется к прежнему состоянию. Во-вторых, с очередной промышленной революцией нас ожидают не только обновление технологической базы экономики, но и существенные изменения в социально-экономической сфере. Так, японская стратегия “Общество 5.0” (“Society 5.0” или “Super Smart Society”) предусматривает переход каждого человека к новому качеству жизни при широком использовании цифровых технологий» [2, с. 3]. Таким образом, применительно к пространственному развитию необходимо активнее использовать идеи бережливого производства и «умных» предприятий.

Методология исследования экологических проблем устойчивого развития социоприродно-экономического пространства агропромышленного комплекса и сельских территорий (УР СПЭП АПК и СТ) определяется постоянным углублением опасной дисгармонии между сельским социумом и природой, вызванной непрерывным ростом антропогенного воздействия, прежде всего, со стороны агропромышленного производства. Особо значимое и многостороннее негативное влияние экологических факторов сказывается на качестве жизни сельского населения, что обуславливает распространение воздействия управления экологическими проблемами за пределы чисто экологических аспектов. В связи с этим серьезнейшей проблемой сельских территорий является дефицит питьевой воды. Так, Генеральная Ассамблея ООН приняла Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., одной из 17 основополагающих целей которой выступило обеспечение рационального использования водных ресурсов на глобальном, региональном (бассейновом) и локальном (производственном) уровнях, включая вопросы экологического управления, обращения со сточными во-

дами и управления экосистемными ресурсами на уровне промышленных производств в рамках водохозяйственных комплексов [3].

Новые социально-экономические условия и задачи устойчивого и конкурентного развития сельских территорий России актуализировали проблему поиска ресурсов повышения качества жизни и укрепления социальной удовлетворенности сельского населения.

Качество жизни и, прежде всего, качество трудовой жизни сельского населения, его социальная удовлетворенность, характеризующая субъективное отношение сельского населения к социально-экономической действительности российского села и в значительной мере формирующая его социально-экономическое и экологическое поведение, необходимо рассматривать в качестве важнейшего резерва и ресурса обеспечения национальной безопасности страны. Как справедливо отмечается в Стратегии национальной безопасности РФ, национальными интересами и стратегическими национальными приоритетами РФ на современном этапе являются: «Сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан... Устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе... сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование» [4, с. 8].

Цель исследования — рассмотреть методологические и методические проблемы совершенствования управления устойчивым пространственным развитием агропромышленного комплекса и сельских территорий в контексте реализации антикризисных мер и пандемии COVID-19.

Задачи исследования: обобщить теоретико-методологические представления об управлении и регулировании процессов устойчивого развития в направлении обеспечения необходимого качества жизни сельского населения.

Методология исследования носит комплексный, междисциплинарный и межотраслевой характер. Она включает общенаучные и специализированные методы экономической социологии, экономики пространственного развития, экономической теории качества и концептуальных положений экологии устойчивого развития.

Результаты исследования.

Программно-целевое и проблемно-ориентированное управление в системе устойчивого развития социо-природно-экономического пространства агропромышленного комплекса и сельских территорий

Программно-целевое управление (ПЦУ) заключается в комплексном системном проблемно-ориентированном подходе к достижению поставленных целей устойчивого развития СПЭП АПК и СТ на основе специальных (целевых) программ и проектов, предусматривающих устойчивое функционирование организационно-управленческого механизма горизонтальной координации и мониторинга реализации программ. ПЦУ обеспечивает большую гибкость, динамизм и адаптируемость управления для достижения целей устойчивого развития.

В настоящее время в агропромышленной политике в области устойчивого развития основополагающей является идея о гармонии, с помощью которой делаются попытки ликвидации расхождений между политикой интегрированного устойчивого развития и интересами концепции экономического роста, сопровождаемой регрессом в качестве жизни сельского населения и ростом социальной отсталости. Поэтому главная задача научных исследований в современных условиях состоит в раскрытии на примере СПЭП АПК и СТ страны и регионов «конфликтов целей» и конфликтов «цель—средства» в практической агропромышленной политике, в том числе и в политике устойчивого развития. В материалах научной группы, подготовленных к рассмотрению на Саммите ООН по продовольственным системам (2021 г.), предлагается совершенствовать систему интересов в процессе преобразования (трансформации) продовольственных систем в целях устойчивого развития, «объединения местных инте-

ресов» и «глобальных факторов изменений» для «повышения устойчивости продовольственной безопасности». Отмечается также, что наступающий голод все в большей степени концентрируется в зонах конфликтов, а также в естественной хрупкой окружающей среде. За последние два десятилетия доля детей с задержкой роста в странах, охваченных конфликтами, выросла с 46 до 75% (ФАО 2017).

Совершенствование целеполагания в системе управления устойчивым развитием социо-природно-экономического пространства агропромышленного комплекса и сельских территорий

Целеполагание следует рассматривать в качестве важнейшего, решающего и необходимого элемента в системе управления устойчивым развитием СПЭП АПК и СТ. При этом учитываются «цели-идеалы», «цели-результаты» и характерные особенности процесса управления устойчивым развитием — целеустремленность, целесообразность и целенаправленность. Управление устойчивым развитием АПК и СТ должно осуществляться в направлении достижения установленных целей и задач в соответствии с принципами и установками, необходимыми для их реализации, выявляя и используя имеющиеся резервы для решения планируемых задач.

В этой связи особо важное значение приобретает анализ и оценка целеполагания, как процесса осознания целей-сценариев, обоснования их необходимости и правомерности для населения сельских территорий и прогнозирования положительных результатов от их осуществления на практике.

Рассматривая содержание и структуру управления процессами устойчивого развития СПЭП АПК и СТ в свете определения роли и места в нем категории целеполагания, представляется необходимым выделить в нем следующие основные функции: диагностика ситуации; определение и редукция целей, сценариев и задач развития (построение дерева целей); определение основных факторов их достижения; отбор ресурсов и резервов их реализации; определение методов достижения поставленных целей и задач; ресурсно-резервное и инвестиционное обеспечение; формирование структурной организации реализации; проектирование, моделирование и программно-целевое планирование; системный контроль, учет и мониторинг; прогнозирование управленческих результатов и территориальный агромаркетинг.

Проблема целеполагания в управлении устойчивым развитием СПЭП АПК и СТ должна основываться на научном решении вопроса диалектики теории резервов развития и практической действительности села.

Резервы развития в управленческой практике следует рассматривать не только в качестве совокупности необходимых и достаточных предпосылок, обеспечивающих создание той или иной действительности, но и как проявление исторической необходимости. В свою очередь, действительность всегда является воплощением резервов развития в реальное состояние. Таким образом, резервы устойчивого развития СПЭП АПК и СТ следует рассматривать как существование будущего села в его настоящем, будущей действительности. Однако, поскольку резервы устойчивого развития реально существуют в виде тех или иных тенденций или трендов, характерных свойств будущего, то они всегда менее ценны действительности, обладающей многообразием целостности.

Вместе с тем, существование резервов устойчивого развития СПЭП АПК и СТ определяет процессы целеполагания в осознании проблем села, его пространственных аспектов на основе теории будущетворения. «Будущетворение - есть сконцентрированное будущее в настоящем, то есть творение будущего» [5, с. 3].

Особую важность при этом приобретает практическая реализация идей научного наследия академика Вернадского В.И., предложившего социоприродную и социокосмическую форму развития человечества в его единстве с биосферой и системой Земли, как планетарного организма, а также учения о ноосфере, как сфере разума, мировоззренческой основе для будущего устойчивого развития России и человечества [6, с. 79].

В соответствии с теорией Вернадского, систему управления устойчивым развитием СПЭП АПК и СТ можно рассматривать как сложную систему, имеющую цели-сценарии своего развития [6, с. 71], находящиеся вне данной системы. Цель-сценарий в синергетике называют аттрактором (от англ. *attract* — притягивать). Поэтому устойчивое развитие СПЭП АПК и СТ должно обладать целями-сценариями своей эволюции.

Существенное место в теории управления устойчивым развитием СПЭП АПК и СТ занимает проблема обеспечения процессов достижения определенных целей-сценариев необходимыми ресурсами требуемого качества и качества в их оптимальном соотношении. При этом целесообразно активнее применять теорию массового обслуживания, разрабатывающую количественные методы оптимального определения и размещения ресурсов, а также имитационное моделирование и теорию игр.

В последнее время значительно повысилась роль Форсайт-процессов в формировании стратегии устойчивого развития АПК и СТ, определению разных сценариев будущего сельских поселений. По своей сути, Форсайт основывается на философии, предполагающей взаимозависимость между обществом и технологическим развитием. Форсайт позволяет рационально расходовать бюджет, определять и развивать самые перспективные области исследований и разработок, которые в будущем принесут наибольший эффект [7, с. 6, 7].

Асимметрия территориальных прав и справедливости в выравнивании качества жизни сельского населения и устойчивого развития социо-природно-экономического пространства агропромышленного комплекса и сельских территорий

Чрезмерная асимметрия территориальных прав и справедливости приобретает особую остроту в числе проблем управления устойчивым развитием СПЭП АПК и СТ. В этой связи следует согласиться с выводом Капицына В.М. о том, что: «В России управленческие проблемы разного уровня и локализации в конечном счете сводятся к качеству жизни людей в разных регионах, выработке стратегий повышения, а также выравнивания этого качества... Понимание проблемы территориальных прав и территориальной справедливости в России как никогда актуально» [8, с. 218].

По нашему мнению, важное теоретическое и практическое значение имеет вывод Капицына В.М. о том, что «территориальные права в силу их серьезного влияния на реализацию, охрану и защиту других жизнесферных, повседневных (онтологических) прав, на характер и сбалансированность субъективности занимают важное место при конструировании социальной, в том числе территориальной справедливости... Балансируя интересы разных уровней, их комбинации и коллизии, территории сохраняют локальность и одновременно преодолевают ее, создавая этнические, региональные, национально-государственные, международные особенности с системами неравенств и механизмами их нейтрализации, приближаясь к тем или иным стандартам территориальной справедливости» [8, с. 225].

Однако автор анализируемой работы, к сожалению, не увязывает свое исследование территориальной справедливости с проблемами качества жизни и концептуальными положениями устойчивого развития территориального пространства.

Согласно «Краткому словарю по социологии», «социальная справедливость — обобщенная нравственная оценка общественных отношений, один из основных общечеловеческих социальных идеалов, конкретное содержание которого менялось на протяжении истории и отличается в различных социальных системах... Реализация принципа социальной справедливости означает, что в обществе осуществляется справедливое распространение деятельности (труда), социальных благ... уровня и качества жизни... Для справедливого распределения социальных благ необходимо последовательное... обеспечение всем минимального социально-гарантированного уровня и качества жизни» [9, с. 280, 281].

На наш взгляд территориальная справедливость в системе управления устойчивым развитием СПЭП АПК и СТ должна иметь онтологическую привязку к сельским территориям,

сохранению исторической преемственности и автохтонности (самобытности) территориальных и социокультурных прав сельского населения, обеспечению высоких стандартов его качества жизни, а также увязку с самоорганизующимся СПЭП АПК и СТ.

Асимметрия территориальных прав и справедливости в условиях реализации концепции устойчивого развития СПЭП АПК и СТ представляет значительные рассогласования в онтологических показателях сельских поселений, расселения, развития сельской инфраструктуры.

Можно выделить следующие резервы снижения асимметрии территориальных прав и справедливости:

- снижение антропогенного влияния на туристско-инвестиционную привлекательность СТ;
- снижение негативного антропогенного влияния на экологию СПЭП АПК и СТ;
- упорядочение в распределении социальных благ, снижение резервов в развитости социальных услуг, инвестиций и масштабов безработицы на душу сельского населения;
- сокращение уровня обеспечения транспортными коммуникациями сельских поселений;
- усиление контроля и оптимизация миграционных процессов в СТ;
- унификация правовых режимов и стандартов с учетом разработки механизмов управления государственными и муниципальными социальными услугами;
- ускорение формирования системы федерального мониторинга социо-природно-экономического (СПЭ) УР СТ и муниципальных образований;
- создание механизма бюджетного выравнивания и смягчения диспропорций в уровне качества жизни к устойчивости развития СТ;
- увеличение в отдаленных, депрессивных, слабо развитых районах СТ особых экономических зон с льготами для инвесторов и предпринимателей, работающих в сфере АПК и УР СТ;
- более широкое использование в практике управления имиджевых моделей УР СПЭП АПК и СТ с использованием методов территориального маркетинга, обеспечивающего решение таких задач, как:
  - привлечение инвестиций путем улучшения репутации и тиражирования позитивного опыта;
  - сплочение населения сел и малых городов, укрепление местного патриотизм, целевых установок и моделей поведения в связи с УР АПК и СТ;
  - дополнение парадигмы экономического роста парадигмой УР СПЭП АПК и СТ в условиях пандемии COVID-19, демографического и экономического спада, урбанизации и агломерации предполагающего приоритетность индикаторов качества жизни сельского населения как показателе УР СТ.

Основные направления и методы регулирования устойчивого развития социо-природно-экономического пространства агропромышленного комплекса и сельских территорий

Разработку и совершенствование механизмов устойчивого развития СПЭП АПК и СТ следует отнести к числу важнейших проблем функционирования и развития всего общества. От применения той или иной концепции управления использованием резервов устойчивого и конкурентоспособного развития СПЭП АПК и СТ зависит не только эффективность всего агропромышленного производства, но и устойчивость всего народнохозяйственного комплекса и общества.

Система управления резервами устойчивого развития СПЭП АПК и СТ требует современной инфраструктуры, состоящей из совокупности взаимосвязанных элементов (политических, социальных, экологических, правовых, экономических, психологических и др.). Интегрированное и согласованное их функционирование приобретает особое значение в усло-

виях реализации концепции устойчивого развития сельских территорий. Существенные различия в уровнях устойчивого развития СПЭП АПК и СТ регионов, резко обострившиеся в последние годы, создают серьезные социальные конфликты и вызывают необходимость проведения новой агропромышленной политики, способной выравнять региональные различия и диспропорции в территориальном развитии, сокращать разрыв между передовыми и отстающими регионами в сфере обеспечения необходимого качества жизни сельского населения.

Известно, что руководство страны неоднократно отмечало необходимость обеспечения качества жизни населения РФ. Так, Президент РФ, выступая на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021», подчеркнул, что глобализация и внутренний рост последних десятилетий вызвали мощный подъем экономики в развивающихся странах, позволили более чем миллиарду человек выйти из бедности, а в России, по оценкам Всемирного банка, число людей с низкими доходами сократилось с 64 млн чел. в 1990 г. до порядка 5 млн в настоящее время [10].

В Доктрине продовольственной безопасности РФ «повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения» рассматривается как «необходимое условие реализации национального проекта» в рамках обеспечения продовольственной и национальной безопасности РФ [11]. Однако в разделе Доктрины (п. 14) в области устойчивого развития сельских территорий категория «качество жизни» отсутствует. При этом обозначены лишь отдельные направления, такие как: «социальное обустройство сельских территорий», «уровень безработицы и уровень реальных доходов сельского населения» и «диверсификация занятости». По нашему мнению, указанные направления не имеют количественного измерения и не отражают содержания качества жизни, а также сути концепции устойчивого развития.

Согласно определению, предложенному ФАО, устойчивость — это способность предотвращать бедствия и кризисы, а также предвидеть, преодолевать, принимать меры или восстанавливаться после них своевременно, эффективно и устойчиво (UN ФАО 2020). Концепция устойчивого развития фокусируется на «способности избегать бедности и вырваться из нее перед лицом непредвиденных внешних шоков и факторов стресса (Barrett and Constanas 2014).

В этой связи особое значение приобретает стратегия пространственного управления. Так, в государствах Европейского Союза большое значение придается стратегическому пространственному управлению: принята специальная Хартия Европейского планирования (The Charter of European Planning), в которой говорится, что «пространственное... территориальное планирование обладает потенциалом координации политики, основано на принципах гармоничного, сбалансированного, эффективного, устойчивого развития» [12, pp. 22, 23].

В этой связи следует согласиться с Жуковым Н.И. и Корневой Н.А., полагающим, что «В стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года... следовало бы сформировать направления развития сельских территорий в системе стратегического управления аграрным развитием... Чтобы эффективно воздействовать на развитие сельских территорий... требуется восстановить государственное управление на уровне административного района... Стратегическое управление со стороны МСХ РФ должно быть многофункциональным. Для этого напрашивается переход этой структуры к новой парадигме управления АПК на федеральном уровне — модели комплексного управления инновационной направленности» [13, с. 21].

Определяющее значение в повышении эффективности управления устойчивым развитием приобретает научно обоснованная агропромышленная политика и стратегия развития АПК и СТ. Известно, что Правительство РФ приняло Стратегию развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов на период до 2030 г. Однако, как справедливо утверждают Ушачев И.Г., Серков А.Ф., Чекалин В.С. и Харина М.В., данная Стратегия, «несмотря на достаточно широкий круг намеченных для решения проблем, как в сфере производства, так и социального развития сельских территорий, по установленным в ней показателям»

телям не позволяет за предстоящее десятилетие в полной мере выйти на уровень производства, необходимый для достижения как заявленных целей развития, так и обозначенных в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации. В связи с этим представляется целесообразным, прежде всего, уточнить принципы формирования долгосрочной аграрной политики и ее основных приоритетов, исходя из оценки современного состояния, перспективных возможностей и потребностей в объемах отечественного производства, его ресурсного обеспечения.

Важнейшим является принцип комплексности аграрной политики, предполагающий рассматривать агропромышленный комплекс и сельские территории как единую сложную, обладающую экономическим, социальным и экологическими измерениями, и требующую сбалансированного подхода к ее структурному развитию» [15, с. 14].

В успешном решении концептуальных положений стратегии устойчивого развития сельских территорий приоритетное значение имеет агропромышленная интеграция, предполагающая преодоление противоречий между обществом и природой на основе биотехнических и безотходных производств и формирование СПЭ интегративной проблемно-ориентированной системы «город–село», оптимизацию процессов расселения.

В связи с этим, можно согласиться с Костяевым А.И., Кузнецовой А.Р. и Никоновым А.Г. считающими, что: «Повышение устойчивости системы расселения путем социально-экономического развития городов и сельских территорий является одним из направлений решения задач по сокращению уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации и снижения социально-экономических различий внутри регионов. При этом социально-экономическое развитие сельских территорий предлагается осуществлять с учетом “плотности” населения, различного характера освоения и использования этих территорий, природных условий, удаления от крупных городов... полноценное развитие сельских территорий, в том числе страхование рисков от реализации стратегии пространственного развития (СПР) можно обеспечить на основе эндогенной парадигмы с применением элементов нео-эндогенности при формировании соответствующей институциональной среды. Широкое использование ресурсов территорий (в том числе человеческого и социального капиталов), web-сетей при включении сельских территорий в единую систему расселения “город–село” позволит нейтрализовать обозначенные выше риски от реализации СПР и даст новый стимул сельскому развитию» [16, с. 22].

Заключение.

Проведенный анализ позволил определить основные задачи агропромышленной политики. Так, на федеральном уровне они могут заключаться в следующем:

- формирование четкой позиции по отношению к концепции и стратегии устойчивого развития сельских территорий в Российской Федерации;
- разграничение полномочий в области политики устойчивого развития сельских территорий между федеральными, региональными и местными уровнями управления;
- содействие формированию и развитию инновационных, конкурентоспособных и экспортоориентированных агропромышленных территориальных комплексов;
- разработка методологического и методического сопровождения реализации концепции и стратегии УР АПК и СТ.

Задачами агропромышленной политики на муниципальном уровне являются:

- отслеживание инициатив в области реализации стратегии УР АПК и СТ и информирование о них региональных органов управления;
- активное участие в развитии территориальной инфраструктуры;
- экономическое стимулирование и инвестирование стратегии УР АПК и СТ, а также инновационных инициатив в этой сфере;
- мониторинг индикаторов и системы показателей реализации стратегии УР АПК и СТ в регионе.

Реализация концепции УР АПК и СТ во многом зависит от степени различий в потенциале СПЭП СТ, их конкурентоспособности, сбалансированности регионального воспроиз-

водства, уровня агропромышленной интеграции, эффективности социально-экономического функционирования и развития производительных сил [17].

Значительное внимание в рамках решения проблемы конкурентоспособности села следует уделять проблеме сельской системы расселения, успешное решение которой заключается в повышении социальных качеств поселенческой среды, создании необходимых градостроительных предпосылок развития производительных сил села, сохранении, воспроизводстве и улучшении сельской экосистемы. От этого зависит эффективность агропромышленного производства и обеспечение продовольственной безопасности.

Российская Федерация в 2020 г. объявила о запуске национального Диалога и Целей в области устойчивого развития (ЦУР) до 2030 г. В 2021 г. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш объявил о проведении Саммита по продовольственным системам, работающим по пяти направлениям.

1. Обеспечение для всех людей доступа к безопасным и питательным продуктам.
2. Переход к устойчивым моделям поведения.
3. Укрепление положительного влияния на природу.
4. Содействие равномерному распределению ресурсов и доходов.
5. Повышение устойчивости продовольственных систем в условиях неблагоприятных и кризисных ситуаций.

В этой связи заслуживают внимания материалы, подготовленные Научной группой Саммита, в которых отмечается, что Концепция устойчивости «была разработана для решения сложных социально-экологических систем и их способности адаптироваться, оставаясь в пределах критических пороговых значений... В контексте продовольственных систем устойчивость внесла свой вклад в основу адаптивного управления ресурсами в агропромышленном производстве и сельском развитии».

Список источников

1. Холопов А.В. Макроэкономическая политика на перепутье // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2021. — Т. 65, № 7 — С. 5–15.
2. Дементьев В.Е. К прогнозированию перспектив эволюции проблематики экономической теории в период после пандемии COVID-19 // *Российский экономический журнал*. — 2021. — № 3. — С. 3–14.
3. Генеральная Ассамблея ООН. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. — URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400.
5. Субетто А.И. Будущетворение // *Будущетворение (грядущее образование)* / И.И. Колесник, А.И. Субетто, В.Б. Самсонов и др.; под ред. И.И. Колесник. — Саратов: Издательский центр «Наука», 2008.
6. Научное наследие В.И. Вернадского — мировоззренческая основа будущего развития России и человечества: Материалы «круглого стола» на тему: «Значение научных трудов великого русского ученого В.И. Вернадского для будущего развития России и человечества», 11 марта 2013 года / Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации, Центральный ком. Коммунистической партии Российской Федерации; [ред.-сост.: Бояринцев В.И., Никитина В.Н., Тарасова В.П.]. — М.: [б. и.], 2013. — 79 с.
7. Кинэн М. Форсайт приходит в Россию // *Форсайт*. — 2007. — Т. 1, № 1. — С. 6, 7.
8. Капицын В.М. Асимметрия территориальных прав как проблема территориальной справедливости // *Проблемы государственной политики регионального развития России: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 4 апреля 2008 г.)*. — М.: Научный эксперт, 2008. — 1080 с. — С. 218–234.
9. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. — М.:

Политиздат, 1988. — 479 с.

10. Путин В.В. Выступление на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021», организованного Всемирным экономическим форумом. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64938>.

11. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106>.

12. The Charter of European Planning. The Vision for Cities and Regions — Territories of Europe in the 21st Century. — Barcelona, 2013. — pp. 22, 23.

13. Жуков Н.И., Корнева Н.А. Макроэкономические аспекты стратегии управления сельским пространственным развитием в России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2020. — № 10. — С. 16–22.

14. Островский В.Б. Актуальные проблемы агропромышленной интеграции и социальное развитие села: Сборник неопубликованных рукописей / Под ред. С.Н. Семенова, В.Д. Хлопова, В.Д. Зубкова. — Саратов: ИСЭП АПК АН СССР, 1991. — 190 с.

15. Ушачев И.Г., Серков А.Ф., Чекалин В.С., Харина М.В. Долгосрочная аграрная политика России: вызовы и стратегические приоритеты // АПК: экономика, управление. — 2021. — № 1. — С. 3–17.

16. Костяев А.И., Кузнецова А.Р., Никонов А.Г. Сельские территории в системе расселения «город–село»: в контексте стратегии пространственного развития // Международный сельскохозяйственный журнал. — 2020. — Т. 63, № 4 (376). — С. 19–23.

17. Семенов С.Н., Ляпин А.В. Концепция управления потенциалом устойчивого развития и конкурентоспособности сельских регионов на инновационно-инвестиционной основе. — Саратов: ИАГП РАН, 2006. — 67 с.

References

1. Kholopov A.V. Macroeconomic policy at a crossroads. *World Economy and International Relations*. 2021; 65(7): 5-15. (In Russ)

2. Demytyev V.E. Predicting the prospects for the evolution of the problems of economic torii in the period after the COVID-19 pandemic. *Russian Economic Journal*. 2021; (3):3–14. (In Russ)

3. UN General Assembly. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>.

4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation (2021).

5. Subetto A.I. Future creation // Future creation (future education). - Saratov: Publishing Center "Science", 2008.

6. Scientific heritage of V.I. Vernadsky - the ideological basis of the future development of Russia and mankind: Materials of the "round table" on the topic: "The value of the scientific works of the great Russian scientist V.I. Vernadsky for the future development of Russia and humanity". 2013: 79 (In Russ)

7. Keenan M. Foresight comes to Russia. *Foresight*. 2007;1(1):6, 7. (In Russ)

8. Kapitsyn V.M. Asymmetry of territorial rights as a problem of territorial justice. *Problems of state policy of regional development of Russia: materials of the All-Russian scientific conference*. 2008: 218-234. (In Russ)

9. Brief Dictionary of Sociology / Under total. ed. D.M. Gvishiani, N.I. Lapin. - M. : Politizdat. 1988: 479.

10. Putin V.V. Speech at the session of the Davos Agenda 2021 online forum organized by the World Economic Forum. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64938>.

11. On the approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106>.

12. The Charter of European Planning. The Vision for Cities and Regions - Territories of Europe in the 21st Century. – Barcelona. 2013:22, 23.
13. Zhukov N.I., Korneva N.A. Macroeconomic aspects of the strategy for managing rural spatial development in Russia. *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2020;(10):16–22. (In Russ)
14. Ostrovsky V. B. Actual problems of agro-industrial integration and social development of the village: Collection of unpublished manuscripts / Ed. S.N. Semenova, V.D. Khlopova, V.D. Zubkov. - Saratov: ISEP Agroindustrial Complex of the Academy of Sciences of the USSR. 1991: 190.
15. Ushachev I.G., Serkov A.F., Chekalin V.S., Kharina M.V. Long-term agrarian policy of Russia: challenges and strategic priorities. *AFC: economics, management*. 2021; (1):3–17. (In Russ)
16. Kostyaev A.I., Kuznetsova A.R., Nikonov A.G. Rural territories in the urban-rural distribution system: in the context of the spatial development strategy. *International Agricultural Journal*. 2020; 4 (376):19–23. (In Russ)
17. Semenov S.N., Lyapin A.V. The concept of managing the potential for sustainable development and competitiveness of rural regions on an innovative and investment basis. - Saratov: IAgP RAN. 2006: 67.

Информация об авторах

С.Н. Семенов – доктор экономических наук;

М.Я. Ржевская – старший лаборант.

Information about the author

S.N. Semenov – Doctor of Sociological Sciences;

M.Ya. Rzhevskaya - research assistant.

*Статья поступила в редакцию 06.10.2021; одобрена после рецензирования 12.10.2021;
принята к публикации 15.10.2021*

The article was submitted 06.10.2021; approved after reviewing 12.10.2021; accepted for publication 15.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 124-132.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3): 124-132.

Научная статья
УДК 332.1 : 338.436.33

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕСУРСА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АПК РОССИИ

Вера Николаевна Рубцова
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является разработка теоретико-методологических основ формирования сельского здравоохранения. Обобщены теоретические положения о структурной сложности, разнообразии, специфичности проблем социально - экономического развития села и необходимости применения нестандартных подходов для их разрешения. Разработан авторский подход, позволяющий доказать, что сокращение сетей медицинских организаций, низкая ресурсная обеспеченность сельского здравоохранения, несоответствие структуры сетей медицинских организаций и их расположения особенностям сельского расселения России являются основными причинами снижения доступности медицинской помощи на селе. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по изменению организации сельского здравоохранения в условиях пандемии с целью повышения социального благополучия сельского населения.

Ключевые слова: организация, сельское здравоохранение, ресурс, конкурентоспособность АПК, сельское население.

Для цитирования: Рубцова В.Н. Теоретико-методологические основы формирования системы сельского здравоохранения как социально-экономического ресурса обеспечения конкурентоспособности АПК России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С.124-132.

Original article

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF FORMATION OF THE RURAL HEALTH CARE AS A SOCIAL AND ECONOMIC RESOURCE TO ENSURE THE COMPETITIVENESS OF THE RUSSIAN AIC INDUSTRY

Vera N. Rubtsova
IAgP RAS, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to develop theoretical and methodological foundations for the formation of rural health care. The theoretical provisions on the structural complexity, diversity, specificity of the problems of social and economic development of the rural area and the need to use non-standard approaches to resolve them are generalized. The author's approach has been developed, which makes it possible to prove that the reduction in the networks of medical organizations, the low resource provision of rural health care, the inconsistency of the structure of the networks of medical organizations and their location with the peculiarities of the rural

settlement of Russia are the main reasons for the decrease in the availability of medical care in the village. The practical significance of the study lies in the development of recommendations for changing the organization of rural health care in the context of a pandemic in order to improve the social well-being of the rural population.

Key words: *organization, rural health care, resource, competitiveness of the agro-industrial complex, rural population.*

For citation: *Rubtsova V. N. Theoretical and methodological basis of formation of the rural health care as a social and economic resource to ensure the competitiveness of the Russian AIC industry // Regional agrosystems: economics and sociology. 2021;(3):124-132.*

Введение.

В современных условиях сельское здравоохранение рассматривается как важнейший социально-экономический ресурс обеспечения высокой конкурентоспособности АПК в системе глобальной аграрной экономики. Повышение качества и доступности медицинских услуг на селе является одним из основных условий обеспечения развития человеческого капитала сельских территорий. Экономическая значимость системы сельского здравоохранения выражается в снижении существенных экономических потерь крупных предприятий аграрной экономики в случаях, связанных с временной или постоянной утратой трудоспособности высококвалифицированного персонала. Социальная значимость функционирования сельского здравоохранения заключается в обеспечении высокого уровня и качества жизни сельского населения.

В теоретических исследованиях давно доказаны разнообразие, сложность и нестандартность проблем развития сельских территорий, требующие для своего разрешения нетривиальных подходов. Они служат основой для разработки программ развития сельских территорий США (RURAL 3.0: People Centred Rural Policy) [1]. Dollery B. E., Robotti L. в рамках новой экономической теории научно обосновали идею о необходимости развития прикладных аспектов теоретических постулатов, имеющих выходы на практику [2]. O'Sullivan B., Leader J. на примере сельского здравоохранения США, Канады, Австралии доказывают слабость сельской медицины, проявившуюся в несостоятельности ее противодействия коронавирусной инфекции [3]. Большинство авторов сходятся во мнении о необходимости изменений в организации здравоохранения в условиях пандемии с целью оптимизации его функционирования после прохождения пика инфекции. Bogen S. указывает на необходимость разветвления и укрепления организаций первичного звена сельского здравоохранения [4]. Взаимосвязь между социально-экономическим развитием сельских территорий и состоянием здоровья их населения, обоснованную посредством количественных методов, выявляют и научно обосновывают Marcuta A., Simonescu A. [5]. Анализ актуальных проблем развития сельской системы здравоохранения и разработке механизмов их разрешения посвящены работы отечественных исследователей [6, 7, 8]. Изменения должны содействовать формированию сельского здравоохранения в качестве полноценного ресурса, обеспечивающего не только высокую конкурентоспособность АПК России, но и основу социального благополучия сельского населения.

Детализированное изучение закономерностей распространения коронавирусной инфекции в сельских административных районах Саратовской области, включающее аналитический показатель заболевших на 100 000 населения сельских административных районов, проведено в 2020 году коллективами противочумного института «Микроб» Роспотребнадзора и Управления Роспотребнадзора по Саратовской области [9]. В публикациях Г. Э. Улумбековой разработаны и обоснованы принципы полноценной организации системы здравоохранения после периода прохождения пика инфекции [10]. Информация о тенденциях изменения показателей численности медицинских организаций сельского здравоохранения, их ресурсной обеспеченности, техническом состоянии зданий, в которых размещены организации сельского здравоохранения, содержится в статистических материалах Министерства здравоохранения за 2014, 2016, 2017 годы [11].

Вместе с тем, работы, посвященные разработке теоретических основ выработки практических мер по изменению организации сельского здравоохранения для противодействия коронавирусной инфекции и последующего развития системы сельского здравоохранения, малочисленны. Поэтому изучение факторов и возможностей реорганизации системы сельского здравоохранения, как полноценного социально-экономического ресурса повышения конкурентоспособности АПК России и социального благополучия сельского населения, является актуальным и своевременным.

Цель, задачи и методология исследования

Цель исследования состоит в разработке теоретико-методологических основ формирования сельского здравоохранения в качестве социально-экономического ресурса, обеспечивающего повышение конкурентоспособности АПК России в глобальном экономическом пространстве и составляющего основы социального благополучия сельского населения России. К основным задачам исследования относятся: 1) изучение и оценка вызовов и рисков охраны здоровья в современном АПК России; 2) обоснование социальных вызовов и ограничений обеспечения устойчивого развития системы здравоохранения в социальном пространстве АПК и сельских территорий; 3) разработка теоретико-методологических основ формирования механизмов повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства в неоднородных сельских территориях; 4) теоретическое обоснование необходимых изменений в системе сельского здравоохранения с учетом особенностей сельского расселения России.

В работе применялся логический подход, позволивший разработать основные цели и задачи предпринятого исследования. На основе применения междисциплинарного диалектического подхода было установлено и научно доказано наличие ограничений и обострившихся противоречий, препятствующих функционированию сельского здравоохранения в качестве полноценного социально-экономического ресурса повышения конкурентоспособности АПК России. В рамках системного междисциплинарного подхода были выявлены и научно обоснованы приоритетные направления и механизмы разрешения обострившихся противоречий, препятствующих развитию сельского здравоохранения. Реализация цели и задач предпринятого исследования осуществлена на базе теорий экономического роста и устойчивого общественного развития, обосновывающих активное участие человека в решении социально-экономических задач на всех уровнях управления. В исследовании использовались научные идеи о неординарности проблем развития сельских территорий, требующих оригинальных подходов для их разрешения, о приоритетности для научной разработки теорий, имеющих выход на практические рекомендации, научно обоснованные в рамках новой экономической теории. Новизной исследования является разработанный авторский подход к анализу особенностей функционирования сельского здравоохранения как специфической подсистемы национального здравоохранения, нуждающейся для полноценного развития в собственных органах управления, нормативно-правовой базе, устойчивой системе финансирования, обеспечивающих дифференцированные потребности развития системы сельского здравоохранения в зависимости от особенностей и динамики современного сельского расселения.

Результаты исследования.

В 2017 году был разработан и предложен инновационный подход к формированию системы охраны здоровья в селе, соответствующий вызовам и учитывающий риски утраты здоровья трудоспособного сельского населения, содержащиеся в сферах сельской жизнедеятельности.

Ориентация государственной аграрной политики, поощряющей организацию в сельской местности многообразия хозяйственных форм аграрного производства с различными уровнями механизации процессов и квалификации персонала, актуализирует проблему охраны здоровья трудоспособного сельского населения. Охрана здоровья населения представляет собой систему мер, осуществляемых органами власти на всех территориальных уровнях в целях профилактики заболеваний, сохранения здоровья населения, предоставления ему медицинской помощи. В данном исследовании предлагается более широкий подход к сущности

охраны здоровья сельского населения, основанный на особенностях сельской жизнедеятельности. Ее характеризуют тяжелые и вредные условия труда в сельском хозяйстве, отсутствие коммунальных удобств в бытовой сфере, низкое качество питьевой воды, слабая доступность качественной медицинской помощи. Из-за присоединения санитарно-эпидемиологических станций к районным органам управления снизилось качество санитарно-эпидемиологического надзора в сельских поселениях. Эти особенности сельской жизнедеятельности содержат повышенные риски утраты здоровья сельского населения по сравнению с городским населением в трудовой, бытовой и природной сферах.

Специфическая структура заболеваний в селе, как следствие перечисленных рисков, определяет особенности вызовов к системе сельского здравоохранения. Риски для здоровья сельского населения связаны также с наличием вредных привычек и отсутствием навыков здорового образа жизни у большинства населения. Поэтому система охраны здоровья сельского населения, наряду с восстановлением здоровья сельского населения посредством медицинских услуг, должна содействовать формированию навыков его самосохранения через реализацию здорового образа жизни и минимизацию рисков потери здоровья, содержащихся в профессиональной деятельности, быту, ведении личного подсобного хозяйства.

Повышение конкурентоспособности системы сельского здравоохранения и функционирование ее в качестве социально-экономического ресурса роста благополучия сельского населения представляется возможным при наличии следующих условий:

- проведения постоянного системного мониторинга социально-экономического развития сельских территорий, прогнозирование долгосрочного развития агропромышленного производства с учетом рисков потерь здоровья, содержащихся в трудовой, бытовой сфере жизнедеятельности;

- активного использования инструмента государственного стратегического управления обеспечением высокой конкурентоспособности системы охраны здоровья сельских территорий России в виде разработки и применения схем долгосрочного развития и размещения производительных сил АПК, взаимосвязанных с генеральными схемами расселения, территориальными схемами формирования и размещения лечебно-профилактических учреждений;

- интеграции стратегического подхода в процессе осуществления управления конкурентоспособностью системы сельского здравоохранения на всех территориальных уровнях, реализуемого в национальных проектах, региональных стратегиях, муниципальных программах охраны здоровья населения.

Количественные показатели вызовов системе здравоохранения концентрируются в структуре социально-значимых заболеваний сельского населения. Установлено, что эти заболевания являются прямым следствием низкого уровня развития социального пространства сельской местности и АПК, а вызовы к сельскому здравоохранению не получают полноценного ответа. К их числу относятся показатели смертности сельского населения в трудоспособном возрасте, смертность сельского населения от самоубийств. Среди них выделяется группа показателей, значение которых представляет значительную социальную угрозу существованию села в настоящее время и ставят под удар его будущее (например, показатель младенческой смертности на селе). Особенно опасным представляется то, что детская и материнская смертность тесно взаимосвязана не только с недостаточным медицинским патронажем здоровья матери и ребенка из-за недоступности специализированной медицинской помощи для населения некоторых населенных пунктов, но и с образом жизни матерей, далеким от требований здорового образа жизни.

В противоречие с обострившимися запросами сельского населения к медицине вступает значительное сокращение сети медицинских организаций, расположенных в сельской местности. Если в 2011 году их насчитывалось 2 514, в 2016 году число медицинских организаций сократилось до 1 145 единиц [11]. Аналогичные тенденции наблюдаются в отрицательной динамике показателей всех подсистем сельской социальной инфраструктуры. К основным ограничениям, мешающим сельским лечебно-профилактическим учреждениям полноценно отвечать на вызовы, связанные с охраной здоровья сельского населения, отнесено функционирование сельского здравоохранения в ведомственных рамках национальной сис-

темы здравоохранения, не учитывающих особенностей сельского расселения и неоднородности социально-экономического развития сельских территорий России. Для преодоления указанных ограничений целесообразно использовать следующие механизмы, содействующие минимизации факторов, содержащих риски утраты здоровья сельского населения:

- формирование механизмов обратной связи, обеспечивающих оперативную информацию об обострившихся проблемах в территориальных системах сельского здравоохранения, мешающих полноценно отвечать на новые запросы населения неоднородных сельских территорий;

- включение в национальные проекты, региональные стратегии, муниципальные программы мер поддержки территориальных сетей сельского здравоохранения отдельными блоками;

- разработка и использование в системе поддержки сельского здравоохранения методологической базы, содержащей основные нормативные показатели (средние по РФ), и пороговые региональные индикаторы (средние по сельской местности региона показатели здоровья сельского населения и конкурентоспособности системы здравоохранения), при не достижении которых должна вступать в действие государственная поддержка сети сельского здравоохранения;

- организация в системе государственной региональной поддержки сельской медицины механизмов, позволяющих оперативно изменять структуру долей государственного и регионального участия в зависимости от финансового статуса территории, социально-инфраструктурной обеспеченности и показателей конкурентоспособности территориальной системы здравоохранения.

Организационно-экономический механизм повышения конкурентоспособности системы здравоохранения сельской местности рассматривается как набор правил, зафиксированных юридически посредством строго определенных процедур, согласно которым должно осуществляться целенаправленное воздействие на функционирование организационных и экономических отношений в процессе повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности. Механизм повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности имеет сложную структуру. Организационный механизм охватывает правила, определяющие действия менеджмента по выявлению приоритетов в сфере повышения эффективности здравоохранительного пространства, разработку и реализацию стратегий по достижению приоритетных целей и задач в этой сфере. В организационные отношения должны быть включены и взаимоотношения, в рамках которых осуществляются прямые и обратные связи в сфере повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства села на всех территориальных уровнях.

Сущность организационно-экономических механизмов и инструментов, обеспечивающих повышение конкурентоспособности здравоохранения села, должна реализовываться в следующем:

- в минимизации содержащихся в трудовой, бытовой, социально-инфраструктурной сфере социального пространства негативных факторов, отрицательно влияющих на состояние здоровья сельского населения с одновременным повышением конкурентоспособности медицинских организаций;

- вовлечении сельского населения в реализацию здравоохранительной политики на всех территориальных уровнях;

- в формировании механизмов обратной связи, позволяющих выявлять и научно обосновывать приоритеты государственной здравоохранительной политики на всех территориальных уровнях. К их числу могут быть отнесены нормативно-правовые акты ресурсного обеспечения всех видов медицинских организаций в селе, имеющие обязательный для исполнения характер.

Инструменты, обеспечивающие повышение конкурентоспособности системы здравоохранения села, рассматриваются как организационные и экономические меры, зафиксированные в официальной документации, позволяющие эффективно реализовывать здравоохранительную политику на всех уровнях управления, сокращая последствия воздействия нега-

тивных факторов риска для здоровья сельского населения. Организационные инструменты включают программы государственного и регионального обеспечения бесплатных медицинских услуг; национальные проекты в сфере здравоохранения, национальные и региональные стратегии. К экономическим инструментам относятся: государственное, страховое, частное финансирование национальной системы охраны здоровья, законодательные акты, обеспечивающие охрану труда, природоохранные законодательные и подзаконные акты.

Особую значимость приобретает необходимость изменений в системах здравоохранения с учетом особенностей сельского расселения. В результате исследования выявлено несоответствие единообразной структуры первичного звена сельского здравоохранения, количественно зафиксированного на всех территориальных уровнях, особенностям, структурной сложности и разнонаправленным трендам развития системы современного сельского расселения. К особенностям сельского расселения России отнесены: низкая плотность населения в сельской местности по сравнению с городом, значительные расстояния между сельскими муниципальными районами, поселениями, населенными пунктами; недостаточная обеспеченность дорожной сетью с твердым покрытием. Современная система сельского расселения в России по показателю людности включает 9 групп сельских поселений – от крупнейших поселений до мелких. Сельские поселения с численностью населения до ста человек статистически не учитываются. Выявлены разнонаправленные тренды изменения людности групп сельских поселений. Они состоят в том, что крупные поселения растут, средние «размываются», то есть их население возрастает за счет переселения из более мелких поселений с одновременным процессом переселения в крупные поселения или города. Мелкие сельские поселения чаще всего исчезают. Основная закономерность изменения сетей сельского здравоохранения – это многолетнее сокращение первичного звена сельского здравоохранения, продолжающееся в настоящее время. Число ЦРБ, участковых больниц и ФАПов продолжает уменьшаться даже при росте населения в поселках и малых городах. Данное рассогласование может быть охарактеризовано как углубляющееся противоречие, препятствующее функционированию сельского здравоохранения как полноценного социально-экономического ресурса, обеспечивающего повышение конкурентоспособности АПК России и социального благополучия сельского населения.

В качестве практических рекомендаций по размещению сетей медицинских организаций в соответствии с особенностями, структурой и динамикой современного сельского расселения можно отнести необходимость разработки правил выбора форм медицинского обслуживания, соответствующих типу сельских поселений и населенных пунктов, различающихся наборами определенных признаков. В качестве индикаторов, определяющих типы населенных пунктов, можно выбрать людность, расстояние от центров расселения, наличие дорог с твердым покрытием, демографический статус, показатель миграции. Приоритетной является разработка научно обоснованных схем пространственной организации медицинских организаций, позволяющих осуществлять целенаправленную медицинскую помощь населению малых, удаленных от центров расселения, лишенных надежной дорожной сети сельских поселений. Особенности сельского расселения, сложная структура и разнонаправленные тренды развития сельских поселений позволяют рассматривать сети сельских медицинских организаций как относительно самостоятельную систему, требующую для полноценного функционирования разработку и применение определенных инструментов.

Пандемия и особенности ее распространения в сельских территориях России привело к необходимости теоретического обоснования необходимых практических изменений в организации сельского здравоохранения для эффективного противодействия коронавирусной инфекции. Требуется активные и целенаправленные меры пресечения механизмов распространения коронавирусной инфекции в сельской местности России в связи с недостаточной эффективностью стандартных мер борьбы с пандемией на селе.

Отдельные исследователи отмечают, что на сельских территориях из-за сложной структуры расселения могут действовать иные по сравнению с крупными городами закономерности заражения и распространения новой коронавирусной инфекцией. Наличие специфиче-

ских закономерностей требует специальных мер пресечения и существенных изменений в организации систем сельского здравоохранения, способных их эффективно осуществлять.

Реализация методологической части исследования была проведена на материале расчетов числа заболевших COVID-19 на 100 000 населения, проведенных сотрудниками института противочумного института «Микроб» и Управления Роспотребнадзора по Саратовской области в сельских административных районах Саратовской области в 2020 году [9].

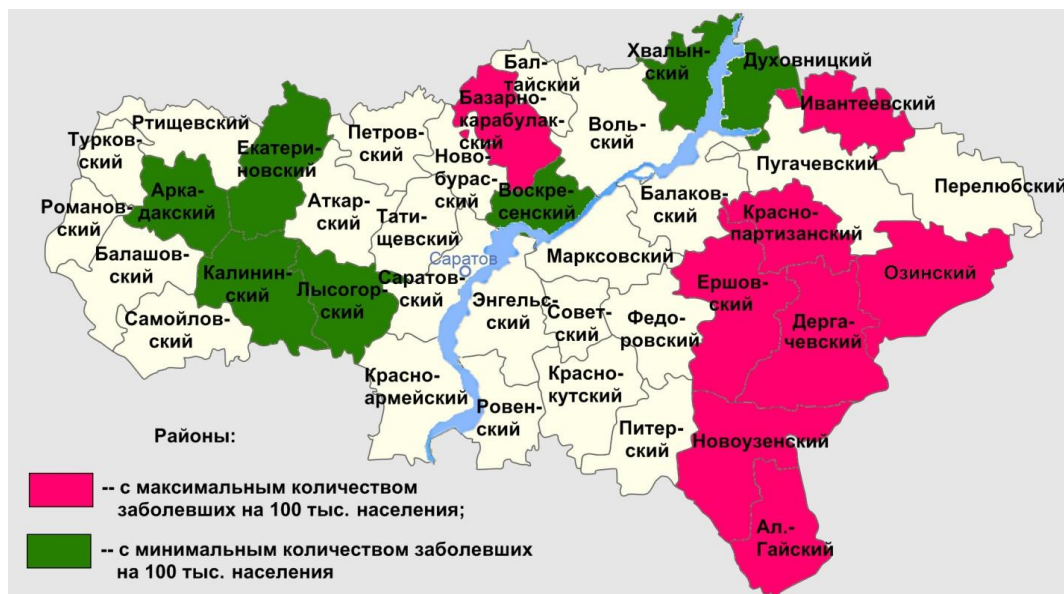

Рисунок 2 - Сельские административные районы Саратовской области с максимальными и минимальными показателями заболевших COVID-19 на 100 000 населения

Примечание: карта разработана автором на основании расчетов НИИ «Микроб» Роспотребнадзора и Управления Роспотребнадзора по Саратовской области [9].

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы:

- показатели числа заболевших новой коронавирусной инфекцией на 100 000 чел. в сельских административных районах не связаны с плотностью населения сельских административных районов, с расстоянием от центра расселения, то есть не подчиняются закономерностям, действующим в крупнейших городах;

- максимальные показатели заболеваемости новой коронавирусной инфекцией на 100 тыс чел. связаны с фактором их приграничного расположения. Показатель заболевших новой коронавирусной инфекцией на 100 тыс населения в группе сельских административных районов с минимальным показателем заболевших COVID-19 зависит от благоприятных природно-климатических условий, так как остальные факторы в той и другой группе существенно не различаются.

Для внесения изменений в организацию системы сельского здравоохранения в период пандемии необходимы следующие меры:

- выявление групп сельских территорий, сельских административных районов с максимальными показателями заболевших COVID-19, определение и пресечение закономерных факторов, влияющих на заражение и распространение пандемии в этих районах;

- материальное и кадровое укрепление врачами эпидемиологами-инфекционистами первичных звеньев территориальных систем здравоохранения в этих группах районов;

- увеличение числа резервных больничных коек в ЦРБ и участковых больницах для инфекционных больных по сравнению с благополучными районами;

- подготовка к формированию при необходимости инфекционных центров в районных центрах групп сельских административных районов, имеющих максимальные показатели заболевших COVID на 100 тыс чел.;

- обоснование необходимости и определение финансовых источников для проведения активной политики, обеспечивающей снижение показателей заболевших на 100 тыс чел. и рисков распространения новой коронавирусной инфекции на другие территории;

- проведение статистически закреплённых мониторингов, позволяющих в сопоставимых показателях отслеживать результаты мер по снижению показателей и рисков распространения новой коронавирусной инфекции в сельских территориях России.

Данные меры позволят приостановить распространения коронавирусной инфекции в сельской местности и создадут предпосылки для восстановления функционирования системы сельского здравоохранения после прохождения пика коронавирусной инфекции с целью содействия повышению социального благополучия жителей села. В дальнейшем необходима планомерная работа по стратегическому управлению и организации системы сельского здравоохранения для его эффективного функционирования в качестве основного фактора повышения конкурентоспособности АПК и сельских территорий России.

Список источников

1. RURAL 3.0: People Centred Rural Policy. OECD 2019. – URL: <https://www.oecd.org/rural/rural-development-conference/documents/Rural-3.0-Policy-Highlights.pdf>
2. Dollery, B. E., Robotti, L. (ed.) The Theory and Practice of Local Government Reform. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2008.
3. O'Sullivan B., Leader J., Couch D., Purnell J. Rural Pandemic Preparedness: The Risk, Resilience and Response Required of Primary Healthcare//Risk Management and Healthcare Policy. Volume 13. P. 1187–1194. Published online 2020 Aug 17. – URL: <https://www.dovepress.com/rural-pandemic-preparedness-the-risk-resilience-and-response-required--peer-reviewed-fulltext-article-RMHP>
4. Boren S., Journalist's Resource, Rural health care and COVID-19: A research roundup, June 10, 2020. - URL: <https://journalistsresource.org/studies/government/health-care/rural-health-care-covid-19-research/>
5. Marcuta, A., Simionescu, A., Tindeche, C. & Marcuta, L. (2018). Relationship between sustainable development and public health. Case study Romania. Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development, vol. 18, issue 3, pp. 251-260.
6. Торопушина Е.Е. Приоритеты политики в сфере охраны здоровья северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. - №1(19).- С.90-99.
7. Баянова Н.А., Давыдова Ю.Д. Особенности расселения населения как фактор совершенствования организации медицины //Современные проблемы науки и образования. - 2017. - №2 - URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=26213>
8. Гусева Н.К., Дютова М.В., Соколов В.А., Соколова И.А.Современные проблемы организации медицинской помощи сельскому населению // Медицинский альманах. – 2015. - №3(38). - С.11-15.
9. Иванова А. В., Поспелов М. В., Зимирова А. А. и др. Характеристика эпидемического процесса COVID-19 в Саратовской области. ФКУЗ Российский НИИ противочумный институт «Микроб» Роспотребнадзора, Управление Роспотребнадзора по Саратовской области. – URL: <https://doi.org/10.21055/preprints-3111894>
10. Улумбекова Г. Э. Предложения по реформе здравоохранения РФ после завершения пика пандемии COVID-19 // Журнал для непрерывного медицинского образования ОРГ-ЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. – 2020. - Том 6. - № 2
11. Сельское здравоохранение в России в 2017 году (статистические материалы). Министерство здравоохранения Российской Федерации. Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Минздрава России. –URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/zdrav17.pdf

12. Рубцова В.Н. Сопоставление структур первичного звена сельского здравоохранения с особенностями сельского расселения // Научное обозрение: теория и практика. - 2020. - Т. 10. - Вып. 4. - С. 712–724.

References

1. RURAL 3.0: People Centred Rural Policy. OECD 2019. URL: <https://www.oecd.org/rural/rural-development-conference/documents/Rural-3.0-Policy-Highlights.pdf>
2. Dollery, B. E., Robotti, L. (ed.) The Theory and Practice of Local Government Reform. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2008
3. O'Sullivan B., Leader J., Couch D., Purnell J. Rural Pandemic Preparedness: The Risk, Resilience and Response Required of Primary Healthcare//Risk Management and Healthcare Policy. Volume 13. P. 1187–1194. Published online 2020 Aug 17. URL: <https://www.dovepress.com/rural-pandemic-preparedness-the-risk-resilience-and-response-required--peer-reviewed-fulltext-article-RMHP>
4. Boren S., Journalist's Resource, Rural health care and COVID-19: A research roundup, June 10, 2020. URL: <https://journalistsresource.org/studies/government/health-care/rural-health-care-covid-19-research/>
5. Marcuta, A., Simionescu, A., Tindeche, C. & Marcuta, L. (2018). Relationship between sustainable development and public health. Case study Romania. Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development, vol. 18, issue 3, pp. 251-260
6. Toropushina E.E. Policy priorities in the field of health protection of the northern region. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2012; 1(19): 90-99. (In Russ)
7. Bayanova N.A., Davydova Yu.D. Features of population settlement as a factor of improving the organization of medicine. *Modern problems of science and education*. 2017; (2). URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=26213> (In Russ)
8. Guseva N.K., Dyutova M.V., Sokolov V.A., Sokolova I.A. Modern problems of organization of medical care to rural population. *Medical almanac*. 2015; 3(38): 11-15. (In Russ)
9. Ivanova A.V., Pospelov M. V., Zimirova A. A. and others. Characteristics of the COVID-19 epidemic process in the Saratov region. Federal Institution of Higher Education of the Russian Research Institute of Anti-Plague Institute "Microbe" of Rospotrebnadzor, Department of Rospotrebnadzor in the Saratov region. URL: <https://doi.org/10.21055/preprints-3111894>
10. Ulumbekova G. E. Proposals for the healthcare reform of the Russian Federation after the end of the peak of the pandemic COMID-19. *Journal for continuing medical education ORG-ZDRAV: news, opinions, training*. Bulletin of the VSHOUZ. 2020; 6(2). (In Russ)
11. Rural healthcare in Russia in 2017 (statistical materials). Ministry of Health of the Russian Federation. Department of Monitoring, Analysis and Strategic Development of Healthcare of the Federal State Budgetary Institution "Central Research Institute of Organization and Informatization of Healthcare" of the Ministry of Health of the Russian Federation. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/zdrav17.pdf
12. Rubtsova V.N. Comparison of the structures of the primary level of rural healthcare with the features of rural settlement. Scientific review: theory and practice. 2020; 10(4): 712-724. (In Russ)

Информация об авторе

В.Н. Рубцова – доктор экономических наук.

Information about the author

V.N. Rubtsova – Doctor of Sociological Sciences

Статья поступила в редакцию 29.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 08.10.2021

The article was submitted 29.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 08.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 133-141.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3):133-141.

Научная статья
УДК 314.622

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПАНДЕМИИ COVID-19 ДЛЯ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Анна Александровна Вяльшина
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ методологических подходов к социологическому исследованию эффектов пандемии COVID-19 на семьи с детьми. Представлен обзор результатов проведенных исследований о влиянии пандемии на различные сферы жизнедеятельности домохозяйства. Проанализирован инструментарий исследований, сгруппированный в трех основных направлениях: оценка психического состояния и восприятия детей, факторов риска домохозяйств и анализ психосоциального состояния родителей. Полученные результаты исследования позволяют разработать достоверный и надежный инструментарий для анализа последствий пандемии для семей с детьми.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; семьи с детьми; инструментарий исследования; методология исследования последствий пандемии COVID-19.

Для цитирования: Вяльшина А.А. Методологические подходы к изучению социально-экономических последствий пандемии Covid-19 для семей с детьми // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С.133-141.

Original article

METHODOLOGICAL APPROACHES TO STUDYING SOCIO-ECONOMIC IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC FOR FAMILIES WITH CHILDREN

Anna A. Vyalshina
IAgP RAS, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. An analysis of methodological approaches to sociological research of the effects of the COVID-19 pandemic on families with children is presented. An overview of the results of studies on the impact of the pandemic on various spheres of household life is given. The research instruments are analyzed. These instruments are grouped in three main directions: assessment of the mental state and perception of children, risk factors of households and analysis of the psychosocial state of parents. The results of the study allow one to develop reliable research tools for analyzing the consequences of the pandemic for families with children.

Key words: COVID-19 pandemic; families with children; research tools; methodology for studying the consequences of the COVID-19 pandemic.

For citation: Vyalshina A.A. Methodological approaches to studying socio-economic impact of the Covid-19 pandemic for families with children. Regional agrosystems: economics and sociology.2020;(3):133-141.

Введение.

Разразившаяся пандемия COVID-19 вынудила многие страны ввести ограничения, связанные с закрытием или ограничением деятельности большинства организаций и учреждений, таких как школы, магазины, кафе и рестораны. Одной из серьезно пострадавших в этой ситуации групп стали семьи с детьми. Родители должны были заботиться о своих детях без помощи няней или бабушек/дедушек, взять на себя роль педагогов в домашнем обучении и сбалансировать эти заботы с требованиями оплачиваемой занятости (в основном дистанционной) и ведения домашнего хозяйства. Не удивительно, что результатом стал рост родительского стресса, изменение материального положения семей, ухудшение взаимоотношений в семье, рост беспокойства и тревоги у детей. Пандемия и связанные с ней ограничения оказали негативное воздействие на детей как напрямую (через изменения в их повседневной жизни), так и косвенно (например, из-за усиления стресса их родителей).

Эксперты утверждают о наличии потенциально серьезных негативных последствий пандемии COVID-19 для детей [1, 2]. Появляется всё больше и больше эмпирических доказательств из разных стран о неблагоприятных эффектах пандемии для семей с детьми. На примере Германии были обнаружены отрицательные эффекты введенных ограничений на качество жизни и психическое состояние детей [3], исследования на материалах Китая показали усиление симптомов депрессии и тревоги у детей [4], предварительные результаты исследования проведенного в США сообщили, что около 14% опрошенных родителей сообщили об ухудшении поведенческого здоровья их детей [5]. В нашей стране проведены исследования, анализирующие воздействие пандемии на социальную сферу, экономику и систему государственного управления в Российской Федерации [6], на социально-экономическое положение домохозяйств [7, 8], на восприятие пандемии различными группами населения [9], психологическое состояние населения [10, 11, 12], на семьи с детьми [13, 14]. Однако большинство из них используют данные официальной статистики или специфические методики, адаптированные под исследования влияния пандемии на собственные предметы исследования (например, как психологи). Результаты социологических исследований особенностей восприятия пандемии, изменения установок, предпочтений, намерений и моделей поведения в изменившихся условиях – единичны. Во многом это обусловлено, с одной стороны, отсутствием достоверного и эффективного инструментария для подобных исследований, с другой – недостаточностью ресурсов и неразвитостью системы сбора информации в условиях социальных ограничений. Поэтому разработка аналитического инструментария для изучения эффектов пандемии для семей с детьми является важным этапом в исследовании возможностей их адаптации в ситуациях социально-экономической нестабильности.

Целью работы является обзор инструментария эмпирических исследований, проведенных для выявления эффектов пандемии на семьи с детьми. Задачами исследования являются следующие: 1) обзор инструментария для исследования эмоционального состояния и особенностей восприятия детей в ситуации пандемии; 2) анализ факторов риска пандемии для домохозяйства (индекс риска COVID-19; индекс семейного риска; экономические трудности, качество партнерских отношений); 3) оценка психоэмоционального состояния родителей и детско-родительских отношений в текущих условиях. Ключевой гипотезой исследования является предположение о том, что определенный набор исходных характеристик взрослых членов домохозяйства, его состав и сложившиеся внутрисемейные отношения определяют адаптационные возможности родителей по преодолению непредвиденных трудностей (последствий пандемии COVID-19), обуславливая то или иное психоэмоциональное состояние, которое, в свою очередь, отражается на детях через изменение детско-родительских отношений.

Методика исследований.

Для исследования была осуществлена процедура поиска статей с ключевыми словами «влияние пандемии COVID-19», «эффекты пандемии на детей», «семьи с детьми и пандемия». После проведения предварительного обзора были отобраны социологические исследования, имеющие расширенное описание используемой методологии. Затем был сформирован

общий перечень вопросов для анализа эффектов пандемии на различные сферы жизнедеятельности семей с детьми. Далее осуществлялось объединение вопросов в группы по двум критериям – частоте применения в исследованиях и выявленной значимости влияния. В результате все вопросы были объединены в три группы: влияние пандемии на восприятие и психоэмоциональное состояние детей; влияние на психосоциальное состояние родителей и факторы риска для домохозяйства.

Результаты исследований.

В теоретических исследованиях уже выявлены традиционные факторы благополучия детей (например, доход, структура семьи, благополучие родителей и родительский стресс). Доход семьи, обуславливающий тот или иной социально-экономический статус домохозяйства, является главным предиктором благополучия детей [15]. Экономические ресурсы оказывают как прямое влияние на благополучие детей, так и косвенное – через благополучие родителей и объясняют значительную часть наблюдаемого неблагоприятного эффекта монородительской семьи в отношении благополучия ребенка. Также структура семьи является доказанным показателем благополучия детей. Структура семьи позволяет прогнозировать эмоциональные и поведенческие проблемы детей даже при контроле экономических ресурсов. Проживание в расширенной семье и/или наличие нескольких детей является, с одной стороны, фактором повышенной иждивенческой нагрузки, с другой – позволяет обеспечить ресурсы помощи в воспитании детей (например, со стороны совместно проживающих бабушек/дедушек, или старших детей). Другими важными предикторами благополучия ребенка являются субъективная удовлетворенность жизнью родителей. Она часто имеет положительную корреляцию с благополучием детей даже после того, как дети покидают дом. Поэтому родительский стресс напрямую связан с рядом негативных последствий для ребенка, таких как эмоциональные и поведенческие проблемы [16]. Интересной в этой связи является недавно разработанная концептуальная модель, объясняющая, как пандемия COVID-19 может повлиять на приспособление и благополучие детей [17]. Эта модель основана на общеизвестных и популярных среди исследователей концепциях теории семейных систем, биоэкологической модели, модели семейного стресса и теории систем развития. Предложенная концептуальная основа предполагает, что пандемия COVID-19 будет влиять на развитие и благополучие детей каскадным образом. Социальные потрясения, вызванные пандемией, проникнут в семейные процессы через все подсистемы и всех членов домохозяйства, оказывая пагубное воздействие на благополучие родителей. В свою очередь, приспособление детей будет нарушено, учитывая, в какой степени благополучие детей зависит от здоровья и благополучия семьи. Авторы предполагают, что будут усилены процессы дифференциации, когда одни семьи будут подвергаться повышенному риску ухудшения возможностей и результатов, а другие будут в состоянии поддерживать адаптивное функционирование и/или развиваться, тем самым демонстрируя устойчивость в период социально-экономической нестабильности. Другие авторы предлагают анализировать эффекты пандемии для семей с детьми через концепцию устойчивости. Они считают, что в раннем детстве «устойчивость», или способность оправиться от неблагоприятных жизненных событий – это динамичный, экологически и культурно обусловленный процесс, в котором участвуют как дети, так и взрослые [18]. Устойчивость – это индивидуальная способность, но она сильно зависит от ближайшего окружения детей: родителей, братьев и сестер, сверстников, педагогов и других взрослых, которые играют решающую роль в этом динамическом взаимодействии. Однако дом (семья) как основа стабильности в настоящее время подвергается драматическим и беспрецедентным потрясениям в условиях пандемии.

Эмоциональное состояние, качество жизни и поведение детей в период пандемии

Чаще всего исследователи предлагают оценивать эмоциональное состояние и качество жизни детей на основе ответов родителей. Один из пунктов анализа эмоционального состояния детей во время пандемии оценивает степень напряженности у детей в этот период: «В какой степени ваш ребенок испытывает стресс, раздражение или одиночество в связи с те-

кущей ситуацией?». Шкала ответов варьируется от 1-го («совсем не испытывает») до 4-го («в значительной степени испытывает»). Причины стресса, раздражения или печали могут различаться в зависимости от возраста ребенка. Причинами напряженности у детей могут быть следующие: 1). Ребенок не имеет возможности регулярно встречаться с друзьями или с другими членами семьи (например, с бабушкой и дедушкой). 2). Ребенок не может заниматься хобби/спортом или покинуть квартиру, когда ему захочется (как раньше). 3). Увеличивается число конфликтов в семье по поводу использования средств связи, с братьями или сестрами, с родителями по поводу учебы, выполнения других обязанностей, соблюдения распорядка дня. 4). Растет беспокойство о том, что другие люди могут заболеть. 5). Ребенку часто скучает. 6). Родители становятся более раздражительными чем обычно, а иногда слишком остро реагируют на всё, что связано с семьей. 7). Дети постоянно находятся дома в окружении одного или обоих родителей.

Для ответа на вопросы об изменении качества жизни детей родителям рекомендуется оценить по 7-балльной шкале, насколько больше или меньше у их ребенка стало положительных эмоций, насколько лучше/хуже настроение, больше или меньше времени для себя и для общения с родителями в течение периода полной изоляции по сравнению с ситуацией до пандемии. Шкала ответов варьировалась от 1-го («явно меньше») до 7-го («явно больше»), при этом 4-я средняя категория означала «нет разницы». Пунктами были: наслаждался жизнью (1), был в хорошем настроении (2), развлекался (3), грустил (4), чувствовал себя настолько плохо, что не хотел ничего делать (5), чувствовал себя одиноким (6), был доволен (7); имел время для себя (8), занимался тем, что хотел делать в свое свободное время (9), чувствовал, что у родителей было время для него (10), чувствовал, что родители справедливо относятся к нему (11), и мог поговорить с родителями, когда этого хотел (12). Еще один блок вопросов нацелен на анализ того, насколько ребенок скучает по учебному заведению и друзьям, как часто он спрашивает о возобновлении работы детского сада или школы, играет ли он с детьми из других семей (друзьями, соседскими детьми).

Для более глубокого анализа влияния пандемии на благополучие детей некоторые исследователи предлагают использовать оценку распространенности проблемного поведения ребенка. Для этого исследуются эмоциональные симптомы, проблемы с поведением, гиперактивность/невнимательность. Каждая из этих шкал состоит из 4–5 пунктов и оценивается по трехбалльной шкале (0 – «не верно», 1 – «в некоторой степени верно», 2 – «безусловно верно»). Предлагаются следующие варианты вопросов: проблемы с эмоциями («Часто жалуется на головные боли», «Много тревожится», «Часто недоволен», «Нервничает или дерзит», «Часто боится»), проблемы с поведением («Часто вспыльчив», «В целом послушен», «Часто ссорится», «Часто обманывают», «Берет чужие вещи без спроса») и гиперактивность («Беспокойный, сверхактивный», «Постоянно ерзает», «Легко отвлекается», «Рассматривает задачи от начала до конца»). Предполагается, что чем выше суммарный балл поведенческих реакций, тем больше пандемия отразилась на благополучии детей.

Факторы риска пандемии для домохозяйства

Анализ экономических последствий пандемии для домохозяйства осуществляется через блок вопросов, касающихся текущих изменений занятости и доходов по сравнению с предыдущим периодом. В зависимости от целей исследования в него могут входить вопросы о том, изменилась ли ситуация с занятостью у работающих членов семьи, если изменилась, то насколько сильно (временная потеря работы, сокращение количества рабочего времени, отправка в неоплачиваемый отпуск, увольнение). Если в семье были безработные, то насколько изменились их стратегии поиска работы, оценка реальных возможностей и субъективных ощущений успешности этого поиска. Обязателен блок вопросов относительно изменения текущего материального положения семьи (изменился ли доход и если да, то насколько – незначительно, существенно, полная потеря дохода), степени ухудшения доступности основных товаров и услуг (стала хуже или осталась без изменения), а также выявление статей расходов, по которым домохозяйство вынуждено экономить из-за нехватки доходов (на еде, на

товарах первой необходимости, на коммунальных платежах, на взносах по кредитам и т.д.). Отдельным разделом исследования является анализ экономических трудностей в качестве последствий пандемии [19]. Респондентам предлагается указать, были ли за последние 6 месяцев ситуации, когда их семье не хватало денег на следующие предметы первой необходимости: еду, жилье, коммунальные услуги, транспорт и мобильный телефон. Дополнительно анализа требуют источники дохода домохозяйства (полная занятость, занятость неполный рабочий день, несколько рабочих мест, сезонная занятость, пособие по безработице, социальная помощь, помощь родственников (знакомых), другие пособия и выплаты, отсутствие дохода) и их изменение в период пандемии. При этом занятость неполный рабочий день, сезонная работа и несколько рабочих мест можно объединить в одну категорию – «нестабильность занятости», равно как и социальная помощь, пособие по безработице, другие пособия и выплаты, помощь других можно отнести в группу «отсутствие трудового дохода».

В некоторых исследованиях предлагается вычислять специальный индекс риска COVID, который оценивает риски, связанные с пандемией [20]. В частности, данный индекс вычисляется путем суммирования баллов (по одному баллу за каждый из следующих факторов риска) при их наличии: 1 балл – родственники, у которых был положительный результат теста на COVID-19, 2 – друзья или знакомые с положительным результатом на COVID-19, 3 – госпитализированные родственники из-за COVID-19, 4 – проживающие в регионах (территориях), характеризующихся наибольшим риском распространения пандемии и риска заражения, 5 – кто-либо из членов домохозяйства является работником системы здравоохранения, и 6 – член домохозяйства является медицинским работником в отделениях больниц, в которых лечили COVID-19 положительных пациентов. Предполагается, что домохозяйства с наибольшим индексом риска COVID-19 будут иметь больший опыт преодоления трудностей в результате пандемии, связанных как с состоянием здоровья, увеличением расходов на лечение, профилактику и реабилитацию, так и изменением экономического благополучия и моделей поведения. Другие исследователи предлагают использовать индекс семейного риска, который оценивает факторы, связанные со специфической ситуацией в семье, определяющие повышенный риск уязвимости во время карантина и пандемии. Он рассчитывается путем суммирования баллов по одному за каждый из следующих факторов риска, при их наличии: 1 – более низкий социально-экономический статус домохозяйства, 2 – ухудшение ситуации с занятостью во время карантина, 3 – монородительская семья, 4 – перенаселенность домохозяйства и 5 – наличие членов семьи с особыми потребностями (недееспособных по состоянию здоровья, требующих особого ухода). Данный индекс позволяет выделить уязвимые категории семей.

Важно отметить, что при анализе социально-экономических последствий пандемии необходимо выяснить, зависит ли текущее снижение благосостояния в период пандемии от уровня образования или дохода родителей (то есть эндогенных факторов). Они могут повлиять как на степень нарушения благополучия домохозяйства, связанного с пандемией (например, в занятости, жилье и здравоохранении), так и на способность семей справиться с этими стрессорами. Хотя низкий уровень образования или дохода родителей связан с более низким уровнем благополучия членов семьи в целом, не до конца понятно, как эти факторы риска могут предсказать изменение благополучия во время периода высокого стресса, такого как пандемия. Может сложиться ситуация, когда благополучие людей с высоким уровнем риска может быть уже настолько низким до пандемии, что дополнительные факторы, вызывающие пандемию, не имеют особого влияния. Однако необходимо проверить гипотезу о том, что для определенных категорий семей будут иметь место как факторы риска, существовавшие до пандемии, так и факторы риска, появившиеся в период пандемии, и что более низкий уровень образования и дохода родителей усугубят негативные последствия пандемии.

Кроме того, необходимо оценить один из важнейших семейных факторов, являющийся посредником изменений в благополучии, – это партнерские отношения, то есть способность родителей разрешать разногласия, поддерживать друг друга в родительской роли и координировать семейные усилия по поддержанию здоровых отношений внутри семьи [21]. Тесные

партнерские отношения родителей являются решающим фактором, поддерживающим собственное приспособление родителей и их психическое здоровье, и, следовательно, качество воспитания и благополучие детей в семьях разного состава и структуры. Качество партнерских отношений исследуется на основе оценки высказываний, характеризующих те или иные аспекты ценности родительства; общности взглядов на воспитание детей; поиска компромисса относительно того, как растить и воспитывать детей; близости между партнерами; недопущения втягивания ребенка (детей) в междоусобные конфликты; одобрения стиля родительского воспитания партнера и разделения родительского труда с оценкой по шкале от 0 (это вообще не про нас) до 6 (это точно про нас).

*Анализ психологического состояния родителей и субъективная оценка
родительского поведения*

Психологический стресс родителей во время изоляции в большинстве исследований предлагают оценивать с использованием шкалы воспринимаемого стресса [22]. Родителям предлагалось ответить на вопрос: «Оцените, пожалуйста, как часто за последний месяц вы нервничали?» Шкала состоит из 10 пунктов, оценивающих субъективные возможности контролировать ситуацию, собственное раздражение, способность самостоятельно решать проблемы, оценку частоты расстройства из-за непредвиденных обстоятельств, трудностей с концентрацией, из-за неуверенности в своих силах и т.д. Респонденты оценивали собственные ощущения по 5-балльной шкале Лайкерта от 1 (никогда) до 5 (очень часто). Этот вопрос позволяет оценить фактическую ситуацию с наличием негативных эмоций. В дополнение к этому вопросу исследователи предлагают анализировать эмоциональную самооценку родителей (Parents' Regulatory Emotional Self-Efficacy), которая представляет собой оценку собственных убеждений родителей в том, что они способны справиться со своими негативными эмоциями (т.е. гневом, грустью, страхом и чувством вины) во время карантина (также по 5-балльной Шкале Лайкерта от 1 (не способен) до 5 (способен)). Кроме того, целесообразно оценить субъективную уверенность родителей в том, могли ли они справляться с повседневными родительскими обязанностями (так называемая самоэффективность) за последний месяц. Например, чувствуют ли они, что являются хорошими родителями; могут ли работающие родители эффективно решать проблемы своих детей; в состоянии ли они успокоить своих детей в сложившейся ситуации из-за пандемии; способны ли они организовать ежедневную жизнь детей во время карантина; способны ли они объяснить детям, что происходит в период самоизоляции и карантина. Ответы родителей оцениваются по 7-балльной шкале Лайкерта от 1 (редко) до 7 (всегда). На основании ответов родителей на эти три блока вопросов (психологический стресс родителей, эмоциональная самооценка и самоэффективность родителей) осуществляется типологическая группировка родителей по степени устойчивости к непредвиденной ситуации (пандемии), возможности самоконтроля и эффективного взаимодействия с детьми.

Заключение.

Результаты проведенного исследования представляют широкий обзор имеющихся работ с целью выявить возможные последствия нынешнего кризиса для благополучия семей и детей. В период пандемии домохозяйства столкнулись с серьезными вызовами внутрисемейным отношениям, сложившимся правилам, ритуалам и распорядку дня, достигнутому уровню материального благополучия и освоенным стратегиям его обеспечения. Некоторые семьи пострадали больше, чем остальные, в основном из-за своих предыдущих обстоятельств (семьи с более низким социально-экономическим статусом или особыми потребностями), другие из-за невысокого адаптационного потенциала. Семьям важно сохранять и укреплять свои отношения и общие убеждения, чтобы обеспечить безопасность и полноценное развитие детей в период неопределенности. Данная работа может помочь при разработке достоверного и надежного инструментария для исследования изменения факторов благополучия семей с детьми в период пандемии. Результаты исследования могут помочь при разработке меро-

приятий государственной политики, направленных на поддержание уровня и качества жизни семей с детьми в ситуациях неопределенности.

Список источников

1. Fore H.H. (2020). A wake-up call: COVID-19 and its impact on children's health and wellbeing // *The Lancet Global Health*, 8(7), 861–862. – URL: [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30238-2](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30238-2)
2. Yoshikawa H., Wuermli A.J., Britto P.R., Dreyer B., Leckman J.F., Lye S.J., Ponguta L.A., Richter L.M., Stein A. (2020). Effects of the global coronavirus disease-2019 pandemic on early childhood development: Short- and long-term risks and mitigating program and policy actions // *The Journal of Pediatrics*, 223, 188–193.
3. Ravens-Sieberer U., Kaman A., Erhart M., Devine J., Schlack R., Otto C. (2021). Impact of the COVID-19 pandemic on quality of life and mental health in children and adolescents in Germany // *European Child & Adolescent Psychiatry*, 1–11.
4. Duan L., Shao X., Wang Y., Huang Y., Miao J., Yang X., Zhu G. (2020). An investigation of mental health status of children and adolescents in China during the outbreak of COVID-19 // *Journal of Affective Disorders*, 275, 112–118. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.06.029>.
5. Patrick S.W., Henkhaus L.E., Zickafoose J.S., Lovell K., Halvorson A., Loch S., Letterie, M., Davis M.M. (2020). Well-being of parents and children during the COVID-19 pandemic // *A National Survey. Pediatrics*, 146, 3. – URL: <https://doi.org/10.1542/peds.2020-016824>.
6. Черный лебедь в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
7. Kartseva M.A., Kuznetsova P.O. (2020). The economic consequences of the coronavirus pandemic: which groups will suffer more in terms of loss of employment and income? // *Population and Economics* 4(2): 26–33. – URL: <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e53194>.
8. Kalabikhina I.E. (2020) Demographic and social issues of the pandemic // *Population and Economics* 4(2): 103–122. – URL: <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e53891>.
9. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Павлов С.В., Вяткина Н.Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // *Социологические исследования*. – 2020. – № 7. – С. 138–143.
10. Нестик Т.А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. – 2020. – Т. 5. – № 2(18). – С. 47–83.
11. Холодова Ю.Б. Особенности переживания тревоги в период пандемии COVID-19 представителями разных возрастных групп // *Международный журнал медицины и психологии*. – 2020. – Т. 3. – № 2. – С. 114–117.
12. Быховец Ю.В., Коган-Лернер Л.Б. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. – 2020. – Т. 5. – № 2(18). – С. 291–308.
13. Пишняк А., Корчагина И., Горина Е., Тер-Акопов С. Поддержка семей с детьми в условиях пандемии COVID-19. – URL: <https://www.hse.ru/corona/news/375061161.html>.
14. Isupova O.H. (2020) New problems of Russian families in the context of the COVID-19 pandemic. // *Population and Economics* 4(2): 81–83. – URL: <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e53619>
15. Chaudry A., Wimer C. (2016). Poverty is not just an indicator: The relationship between income, poverty, and child well-being // *Academic Pediatrics*, 16(3), S23–S29. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.acap.2015.12.010>
16. Jones J.H., Call T.A., Wolford S.N., McWey L.M. (2021). Parental stress and child outcomes: The mediating role of family conflict // *Journal of Child and Family Studies*, 30(3), 746–756. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10826-021-01904-8>

17. Prime H., Wade M., Browne D.T. (2020). Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic. // *American Psychologist*, 75(5), 631–643. – URL: <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000660>
18. Millican R., Middleton T. (2020). «A Need for Resilience» // *Reconsidering Resilience in Education*, ed. by A.T. Ahmed Shafi, R. Middleton and S. Millican, 3–16. Cham: Templeton Springer International Publishing.
19. Fallon B., Lefebvre R., Collin-Vézina D., Houston E., Joh-Carnella N., Malti T., Filippelli J., Schumaker K., Manel W., Kartusch M., Cashe S. Screening for economic hardship for child welfare-involved families during the COVID-19 pandemic: A rapid partnership response // *Child Abuse Negl.* 2020 Dec; 110: 104706.
20. Morelli M., Cattelino E., Baiocco R., Trumello C., Babore A., Candelori C., Chirumbolo A. (2020) Parents and Children During the COVID-19 Lockdown: The Influence of Parenting Distress and Parenting Self-Efficacy on Children's Emotional Well-Being. // *Front. Psychol.* 11: 584645.
21. Feinberg M.E. (2003). The internal structure and ecological context of coparenting: A framework for research and intervention // *Parenting: Science and Practice*, 3, 95– 132. – URL: https://doi.org/10.1207/S15327922PAR0302_01.
22. Cohen S., Williamson G. Perceived Stress in a Probability Sample of the United States // Spacapan S. and Oskamp S. (eds.) *The Social Psychology of Health*. Newbury Park, CA: Sage, 1988.

References

1. Fore H.H. A wake-up call: COVID-19 and its impact on children's health and wellbeing. *The Lancet Global Health*. 2020; 8(7); 861–862. URL: [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30238-2](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30238-2)
2. Yoshikawa H., Wuermli A.J., Britto P.R., Dreyer B., Leckman J.F., Lye S.J., Ponguta L.A., Richter L.M., Stein A. Effects of the global coronavirus disease-2019 pandemic on early childhood development: Short- and long-term risks and mitigating program and policy actions. *The Journal of Pediatrics*. 2020; (223); 188–193.
3. Ravens-Sieberer U., Kaman A., Erhart M., Devine J., Schlack R., Otto C. Impact of the COVID-19 pandemic on quality of life and mental health in children and adolescents in Germany. *European Child & Adolescent Psychiatry*. 2020; 1–11.
4. Duan L., Shao X., Wang Y., Huang Y., Miao J., Yang X., Zhu G. An investigation of mental health status of children and adolescents in China during the outbreak of COVID-19. *Journal of Affective Disorders*. 2020; (275); 112–118. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.06.029>.
5. Patrick S.W., Henkhaus L.E., Zickafoose J.S., Lovell K., Halvorson A., Loch S., Letterie, M., Davis M.M. Well-being of parents and children during the COVID-19 pandemic. *A National Survey. Pediatrics*. 2020; (146); 3. URL: <https://doi.org/10.1542/peds.2020-016824>.
6. A black swan in a white mask. Analytical report of the Higher School of Economics on the anniversary of the COVID-19 epidemic / edited by S.M. Plaksin, A.B. Zhulin, S.A. Farizova; Nats. research. un-t "Higher School of Economics". - M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021.
7. Kartseva M.A., Kuznetsova P.O. The economic consequences of the coronavirus pandemic: which groups will suffer more in terms of loss of employment and income? *Population and Economics*. 2020; 4(2): 26–33. URL: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53194>.
8. Kalabikhina I.E. Demographic and social issues of the pandemic. *Population and Economics*. 2020; 4(2): 103–122. URL: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53891>.
9. Reshetnikov A.V., Prisyazhnaya N.V., Pavlov S.V., Vyatkina N.Yu. Perception of the COVID-19 pandemic by Moscow residents. *Sociological research*. 2020; (7): 138-143.

10. Nestik T.A. The impact of the COVID-19 pandemic on society: socio-psychological analysis. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology.* 2020; № 2(18): 47-83. (In Russ)
11. Kholodov Y. B. especially the experiences of anxiety during the period of the pandemic COVID-19 representatives of different age groups. *International journal of medicine and psychology.* 2020; 3(2): 114-117. (In Russ)
12. Bykhovets, Y.V., Kogan-Lerner, L.B.. The COVID-19 pandemic as a multifactorial psychotraumatic situation. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology.* 2020; 2(18): 291-308. (In Russ)
13. Pishnyak A., Korchagina I., Gorina E., Ter-Akopov S. Support for families with children in the conditions of the COVID-19 pandemic. URL: <https://www.hse.ru/corona/news/375061161.html>
14. Isupova O.H. New problems of Russian families in the context of the COVID-19 pandemic. *Population and Economics.* 2020; 4(2): 81–83. – URL: <https://doi.org/10.3897/ropecon.4.e53619>
15. Chaudry A., Wimer C. Poverty is not just an indicator: The relationship between income, poverty, and child well-being. *Academic Pediatrics.* 2016; 16(3): S23–S29. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.acap.2015.12.010>
16. Jones J.H., Call T.A., Wolford S.N., McWey L.M. Parental stress and child outcomes: The mediating role of family conflict. *Journal of Child and Family Studies.* 2020; 30(3): 746–756. URL: <https://doi.org/10.1007/s10826-021-01904-8>
17. Prime H., Wade M., Browne D.T. Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic. *American Psychologist.* 2020; 75(5): 631–643. – URL: <http://dx.doi.org/10.1037/amp0000660>
18. Millican R., Middleton T. «A Need for Resilience» // Reconsidering Resilience in Education, ed. by A.T. Ahmed Shafi, R. Middleton and S. Millican, 3–16. Cham: Templeton Springer International Publishing.
19. Fallon B., Lefebvre R., Collin-Vézina D., Houston E., Joh-Carnella N., Malti T., Filippelli J., Schumaker K., Manel W., Kartusch M., Cashe S. Screening for economic hardship for child welfare-involved families during the COVID-19 pandemic: A rapid partnership response. *Child Abuse Negl.* 2020 Dec; 110: 104706.
20. Morelli M., Cattelino E., Baiocco R., Trumello C., Babore A., Candelori C., Chirumbolo A. (2020) Parents and Children During the COVID-19 Lockdown: The Influence of Parenting Distress and Parenting Self-Efficacy on Children’s Emotional Well-Being. *Front. Psychol.* 11: 584645.
21. Feinberg M.E. The internal structure and ecological context of coparenting: A framework for research and intervention. *Parenting: Science and Practice.* 2003; (3): 95–132. URL: https://doi.org/10.1207/S15327922PAR0302_01.
22. Cohen S., Williamson G. Perceived Stress in a Probability Sample of the United States // Spacapan S. and Oskamp S. (eds.) *The Social Psychology of Health.* Newbury Park, CA: Sage, 1988.

Информация об авторе

А.А. Вяльшина – кандидат социологических наук

Information about the authors

A.A. Vyalshina – Candidate of Sociological Sciences

Статья поступила в редакцию 14.09.2021; одобрена после рецензирования 17.09.2021;
принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 14.09.2021; approved after reviewing 17.09.2021; accepted for publication 27.10.2021

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 142-149.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2020;(3):142-149.

Научная статья
УДК 316.334.2

ХАРАКТЕР ВЛИЯНИЯ УСЛОВИЙ И ФАКТОРОВ НА СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Ирина Владимировна Нечаева
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье очерчивается социологическое содержание и преобладающий характер влияния ряда основных условий и факторов на состояние социальных ресурсов малых форм хозяйствования на селе. В качестве основных выделены следующие условия и факторы: государственная политика, целевые программы развития фермерства, доступ к финансам, администрирование процесса, образовательно-квалификационный потенциал субъектов фермерской деятельности, социокультурные нормы, характеризующие предпринимательскую активность и мотивацию инициативных аграриев в сельских сообществах. Социологическая оценка данных воздействий проведена в контекстной плоскости благоприятствования процессам укрепления и развития социального потенциала малых форм хозяйствования либо затрудняющих их. Установлено, что внешне-средовые условия влияния, объединяющие ряд факторов, наряду с импульсным воздействием на активизацию фермеризации, чаще несут характер негативного влияния. К факторам, особо нуждающимся в социальной корректировке отнесены – протекционизм, неэффективная работа чиновников, неудовлетворенный спрос на участие в данных программах развития фермерства.

Ключевые слова: малые К(Ф)Х, социальные ресурсы малых К(Ф)Х, условия, факторы, внутренние интенции субъекта, характер воздействия, оценка влияния.

Для цитирования: Нечаева И.В. Характер влияния условий и факторов на социальные ресурсы малых форм хозяйствования // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2021. № 3. С.142-149.

Original article

INFLUENCE OF CONDITIONS AND FACTORS ON SOCIAL RESOURCES OF SMALL BUSINESSES

Irina V. Nechaeva
IAgP RAS, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article outlines the sociological content and the prevailing nature of the influence of a number of basic conditions and factors on the state of social resources of small business in the countryside. The following conditions and factors are highlighted as the main ones: state policy, targeted programs for the development of farming, access to finance, administration of the process, educational and qualification potential of subjects of farming activities, socio-cultural norms characterizing entrepreneurial activity and motivation of proactive agrarians in rural communities. The sociological assessment of these impacts was carried out in the contextual plane of favoring the processes of strengthening and developing the social potential of small business or hindering them. It has been established that the external environmental conditions of influence, combining

a number of factors, along with an impulse effect on the intensification of farmerization, more often have a negative influence. Protectionism, ineffective work of officials, and unmet demand for participation in these programs for the development of farming are factors that need of social adjustment.

Key words: *small peasant farm enterprise, social resources of small peasant farm enterprise, conditions, factors, internal intentions of the subject, nature of the impact, impact assessment.*

For citation: *Nechaeva I.V. Influence of conditions and factors on social resources of small businesses. Regional agrosystems: economics and sociology.2020;(3):142-149.*

Введение.

Социоресурсный потенциал малых форм хозяйствования продолжает оставаться тем сущностным ядром, который определяет социологическую природу их производственного и социального движения. Его формирование и состояние в значимой степени обусловлено контекстным влиянием ряда социальных условий и факторов [1]. Актуальность исследования оценки данных воздействий, комплексно формирующих социоресурсный потенциал малых фермерских хозяйств определяется тем влиянием, которое они оказывают на динамику изменения их социальных и производственных возможностей, тем самым определяя их место и значение в общественном пространстве.

Концептуализация понятия «условие» захватывает широкую социально-экономическую область воздействия, которую для верного понимания процессов в малом фермерском сегменте необходимо методологически ограничить. Поэтому под условиями, воздействующими на жизнедеятельность малых К(Ф)Х, мы предлагаем понимать меру восприятия и опосредования индивидом ряда основных условий производства и жизни при фермерском способе хозяйствования. Данная усеченность методологической трактовки позволила определить ее сопоставимость с основными характеристиками внешнего окружения малых форм хозяйствования, которые дробятся на социальные факторы, способствующие либо препятствующие процессам расширения малого фермерского сегмента. «Сгущение» условий, их перетекание в факторное воздействие [2] и получение своеобразного социального отклика представляет собой основной механизм социального взаимодействия элементов системы социальных ресурсов и условий внешней среды.

Цель исследования заключается в выявлении характера влияния ряда условий и факторов на социоресурсный потенциал малых форм хозяйствования и социологической оценке данных воздействий.

Методика исследований.

В качестве основных методов исследования использовались: диалектический метод познания, системный и комплексный подходы, вторичный анализ результатов исследования.

Ключевая гипотеза исследования состоит в том, что деятельность малых К(Ф)Х в значимой степени определяется контекстным влиянием ряда социально-экономических условий внешней среды и интенциями внутреннего потенциала субъекта деятельности, которые определяют параметры их социальной устойчивости и производственной деятельности в сельском пространстве.

Изучение теоретико-методологических основ функционирования малых форм хозяйствования, включающих системные и комплексные аспекты наблюдений, позволили создать схематическую конструкцию диалектического взаимовлияния элементов социальных ресурсов малых К(Ф)Х, институтов внешнего окружения и интенций внутреннего развития субъекта [3]. К условиям влияния отнесены: внешняя среда функционирования малых К(Ф)Х, субъектное восприятие государственной поддержки развития малого фермерства, образовательно-профессиональный контент инициативных субъектов, их социокультурные установки.

Результаты исследований.

Развитие общественных представлений о фермерстве как возможном и предпочтительном карьерном выборе выступает в качестве фактора, способного подтолкнуть индивидов к освоению сельскохозяйственного предпринимательства. Актуализации данных представле-

ний способствует созданию индивидуальной предпринимательской платформы индивида, состоящей из «кирпичиков» современных представлений о возможности освоения фермерского способа жизнедеятельности. Расширение фермерства будет сдерживаться, если у индивида нет уверенности в собственных силах, недостаточно профессиональных компетенций и необходимых социальных связей. Таким образом, первичным условием роста фермерского сегмента выступает мировоззренческий вектор деятельности субъекта [4], его предрасположенность к инициативным видам деятельности. Объединение данных параметров с факторами карьерного продвижения и роста жизненных стандартов практически не оставляет инициативным сельчанам иных возможностей как влиться в ряды фермерского сословия.

Наряду с внутренними предпосылками социального движения субъекта чрезвычайно актуальными продолжают оставаться внешняя среда как фундаментальное основание, формирующее основные условия жизнедеятельности фермера. Ее восприятие активным субъектом является существенным показателем для устойчивости жизнедеятельности представителей малых форм хозяйствования либо для освоения сельскохозяйственного предпринимательства. Благоприятная внешняя среда определяет перспективы создания и функционирования малых форм хозяйствования.

В 2019 г. условия локальной среды воспринимали в качестве благоприятных для продолжения (освоения) предпринимательских практик только 29,6% опрошенных респондентов. Однако в современный период растет количество респондентов (31,4%), которые считают, что в настоящее время открыть свое дело стало легче, чем в прошлые годы. Данный факт может свидетельствовать о положительных подвижках, связанных с упрощением процедур регистрации предпринимательских проектов, а также о большей информационной компетентности индивидов, связанной с инновационными цифровыми технологиями, которые становятся неотъемлемой частью жизни инициативных субъектов в селах. В мировой проекции развития предпринимательства Россия занимает последние позиции в рейтинге оценки возможностей для создания собственного дела. Еще ниже оцениваются условия для предпринимательского старта в регионе проживания. Лишь 19% представителей предпринимательского резерва оценили условия местной среды как благоприятные и способствующие развитию малого предпринимательского сегмента. Большинство же действующих предпринимателей страны считают внешние условия неблагоприятными для ведения предпринимательской деятельности, в том числе и фермерской деятельности [5].

Субъективное восприятие представителей предпринимательского сегмента внешних условий своего существования и деятельности в нашем исследовании дополняет экспертная оценка. Оценка экспертами в 2019 г. таких показателей, как целевые программы развития фермерства, доступ к инвестициям, бюрократическое оформление при организации хозяйства, образовательно-квалификационный потенциал субъектов, социокультурные нормы по 10-балльной шкале была ниже пяти единиц [5], т.е. выступала объединенным конгломератом объективных препятствий роста фермерского сегмента.

Несмотря на многочисленные заявления о поддержке отечественного сельского хозяйства, реальность аграрной политики носит отпечаток половинчатости и непоследовательности. Среди экспертов она наиболее часто упоминается в качестве фактора, оказывающего негативное влияние на развитие фермерского движения. Постоянные и противоречивые изменения правил ведения бизнеса в стране препятствуют осуществлению личностных планов индивидов по организации предпринимательских идей в сельской местности [6]. Ее средняя оценка в качестве благоприятного воздействия на рассматриваемые процессы составила лишь 3,2 балла по десятибалльной шкале. К данному ареалу примыкают и целевые программы развития сельскохозяйственного бизнеса, оцениваемые экспертами чуть выше – 3,8 балла [5]. Их реализация низко оценивается экспертами из-за протекционизма и неэффективной работы чиновников. А самое главное – это неудовлетворенный спрос на участие в данных программах, т.к. число желающих включиться в ряды фермеров существенно выше, чем допускается в данные программы. Далек не каждый субъект, сделавший самостоятельный выбор в пользу аграрного предпринимательства, получает государственную финансовую и ад-

министративную поддержку, в которой остро нуждается. Эксперты низко оценивают самостоятельную возможность субъектов получить заемные средства на организацию своего хозяйства. Представители малого фермерского сегмента могут взять кредит на развитие хозяйства лишь под непомерно высокий процент. В среднем он составляет от 17 до 25% годовых. Более низкая процентная ставка предусмотрена лишь для участника ряда сельскохозяйственных программ, стать участником которых сегодня слишком сложно для простого сельского жителя. Приведем типичные комментарии [7], высвечивающие проблему неудовлетворенного спроса на участие в программах развития фермерства – «...в нашей стране все делается, чтобы ты не был начинающим фермером. Вы забыли приписать условие. После того как вы выполните все условия, и станете победителем в получении гранта или субсидии, – вам скажут, что денег нет, ... лимит исчерпан»; «...прочитала все условия и поняла, что стать фермером с нуля можно, лишь вложив собственные деньги, а от государства помощи не жди, лишь бы палки в колёса не вставляли».

В рамках реализации целевых государственных программ особо следует остановиться на факторе бюрократизации процесса, мешающего продуктивному освоению новых предпринимательских практик. Его негативное воздействие особо проявляется в длительности процесса получения ряда разрешений и лицензий; обилии завышенных требований к кандидатам в новые фермеры. Так, например, в условиях получения гранта по программе начинающего фермера требуется наличие у субъекта опыта десяти лет работы в сфере сельскохозяйственного производства и двух лет предпринимательской деятельности: «в условиях получения гранта сказано: – опыт работы в сфере сельхоз производств свыше десяти лет; – опыт предпринимательства до двух лет!!! Какой же ты тогда начинающий с нуля фермер???» [7].

Условия локальной среды, в которую включается мелкий фермер, зачастую отличаются административным прессингом. Поэтому условия местного администрирования в основном оцениваются фермерским сообществом как имеющие негативное влияние. В настоящее время в сельских сообществах отмечается парадоксальное явление – мимикрия владельцев мелких хозяйств. Фермеры стремятся стать как можно незаметнее для местных администраций, т.к. любое привлечение внимания местных властей не сулит им ничего хорошего. И единственное желание фермера в данном контексте – быть как можно более незаметным, чтобы ему не мешали работать: «...нужно работать незаметно, не приглашая никаких дающих субсидии и откусывающих по локоть. Нынче сложнее с совестью у людей, поэтому не ждите помощи ни от родных, ни от друзей, ни от власти уж тем более, а молитесь лучше Бога о том, чтобы вас даже не замечали власть держатели на местах!» [7]

Межстрановое сравнение таких показателей внешней предпринимательской среды, как доступ к финансированию, государственная политика, администрирование складывается не в пользу России и находится в зоне отрицательного воздействия на развитие предпринимательских ареалов в стране. Ряд таких стран, как Китай, США смогли добиться переноса данных условий в зону комфортного развития предпринимательства в своих странах и положительного воздействие данных факторов среды на вышеозначенные процессы.

Важным внутренним условием укрепления социоресурсного потенциала субъекта выступает самооценка имеющихся у него приобретенных знаний и опыта сельскохозяйственной деятельности. Данное условие тесно связано с наличием навыков, необходимых для ведения фермерского бизнеса. В общероссийском масштабе отмечена положительная тенденция, связанная с ростом оценки достаточности образовательного контента, необходимого для предпринимательской деятельности. В 2019 г. самооценка достаточности данного контента выросла до 35,6% [5]. Если учесть, что сегодня постоянно возрастают требования к предпринимательским и образовательным компетенциям, наличию специализированных сельскохозяйственных знаний, компьютерной грамотности, то данная ситуация несомненно носит положительное факторное воздействие на процесс развития и прироста малого фермерского сектора.

В результате исследования были выявлены позитивные подвижки, связанные с ростом числа представителей малых хозяйств, имеющих достаточно высокий уровень профессионального образования. Современная образовательная структура фермерского сегмента представлена пропорцией: 70% субъектов имеет высшее и средне-специальное образование и 30% – профессионально-техническое и среднее образование. Однако уровень специализированного сельскохозяйственного образования вкупе с бизнес-знаниями является недостаточным. У фермеров с высшим образованием только половина имеет сельскохозяйственную специализацию, у группы со средне-специальным образованием данная специализацию присутствует лишь у третьей части. Среди представителей малых К(Ф)Х только 46% опрошенных имели профессиональные знания, соответствующие фермерской деятельности [8].

Наличие значительной доли возрастных фермеров (50% действующих фермеров – старше 50 лет) и незначительного присутствия молодых фермеров, изначально имеющих большой образовательный потенциал (до 29 лет – 5,5%), обостряет проблемы недостатка знаний, обновления квалификаций и свободной ориентации в интернет-пространстве. Поэтому явственно обозначена тенденция смены профессиональных ориентиров в сторону переквалификации или получения дополнительного образования для деятельности в фермерском сегменте. Однако целостный взгляд на получение дополнительного образования инициативными аграриями показывает незначительные параметры социальной активности [9]. В настоящее время лишь 5% представителей К(Ф)Х участвуют в дополнительном образовании; а 3,8% ищут для себя такую возможность.

Включенности основ предпринимательских знаний в общую образовательную систему страны следует дать низкую оценку. Сегодня ни общеобразовательная школа, ни университетское звено не дают индивидам адекватных представлений о рыночном фундаменте современной жизни. Однако значительно более высокую оценку в настоящее время имеют системы специализированного предпринимательского образования, а также системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Факторы влияния, формирующие преобладающий вектор психологических показателей социоресурсного потенциала, готовность рисковать и столкнуться с неопределенностью будущего либо преобладание неуверенности и страх потерпеть поражение в новом начинании – также определяют рамки движения в индивида в предпринимательской проекции.

Российские национальные традиции замедляют развитие новых способов жизнедеятельности в деревенских сообществах. Большинство экспертов отмечают их отрицательное воздействие на данный процесс. В российском культурном континууме не получают достаточного развития идеи личностных достижений и предпринимательского риска. Большинство индивидов сельского сообщества в своей жизни продолжают придерживаться принципов устоявшегося, фундаментального, консервативного жизнеустройства. А идеи новых жизненных способов, автономности существования и социальной креативности не находят достаточной поддержки в сельском общественном пространстве. Так, сравнение результатов исследований 2010, 2019 гг. [5] показали сохранение тенденций низкого уровня предпринимательской активности и мотивации вынужденного обращения к предпринимательству в сельском социуме. Реальные шаги по освоению предпринимательских практик в 2010 г. делали 2% опрошенных респондентов. Современный период также фиксирует крайне низкий уровень предпринимательской активности в сельских сообществах – 3,1%.

В немалой степени такие показатели предпринимательской активности в сельской местности обусловлены социально-психологической неготовностью индивидов к предпринимательству, ведущим параметром которой является страх неудачи, крах своих начинаний и неуверенность в собственных силах. В 2019 г. на 5% выросла доля респондентов (до 45,2%), которые отмечают, что страх провала мешает им реализовывать возможности и удерживает от открытия собственного бизнеса [5]. По этому показателю у России стабильное место среди 20 стран, где также высока неуверенность населения, ограничивающая предпринимательскую инициативу. Гендерный аспект также влияет на параметры данного показателя. Мужчины и женщины приблизительно одинаково оценивают внешние условия по созданию соб-

ственного дела и свои предпринимательские способности. Однако у мужчин присутствует большая уверенность в собственных силах чем у женщин [5].

Большинство тех, кто рассматривал гипотетическую возможность освоения фермерской деятельности в 2010 г. отмечали явную вынужденность данного шага, который носил приспособительный характер. Около 70% предпринимателей отметили, что на создание собственного дела их толкает необходимость иметь источник дохода для обеспечения своей семьи [10, 5].

При проведении сравнительного анализа разных временных периодов нами был выявлен существенный мотивационный аспект, свидетельствующий в пользу органичного сочетания традиционных и рыночных ценностей в сельском сообществе. Семейный характер производства в малых К(Ф)Х, сохраняя свою устойчивость (53,6% семейно-родственного состава в общей структуре фермерских хозяйств РФ) открывает перспективы для продолжения фермерской деятельности следующими поколениями семьи. Современные исследования показывают, что более чем для 20% предпринимателей мотивация продолжения семейных традиций в бизнесе является приоритетной [5]. Данный факт свидетельствует о процессе формирования современных модернизационных ориентиров у инициативной части сельчан, однако в социокультурном пространстве российского села пока еще слабо культивируются качества, необходимые для организации и распространения аграрного предпринимательства

Архаичные условия жизненной среды стимулируют процесс оттока инициативного населения из сельской местности. Слабое развитие компонентов социального пространства: транспортного сообщения, телефонной и интернет-связи; низкий уровень коммунального комфорта (30,8% от всего жилого фонда); ограниченный доступ к учреждениям медицины, образования, отсутствие возможных мест трудоустройства стимулируют процесс выдавливания деятельного населения из сельской местности.

Несмотря на очевидную слабость развития рыночных приоритетов в сельском сообществе, сфера малого фермерства все же продолжает наращивать социальную привлекательность для инициативных аграриев. В селах – это практически чуть ли не единственный способ «социального лифта», дающего индивидам возможность существенно улучшить показатели социального статуса, материального дохода, профессиональной и моральной удовлетворенности, что в настоящее время служит серьезным противовесом для серьезных рисков и трудностей, связанных с ведением фермерского хозяйства.

Таблица - Основные условия и факторы формирования социальных ресурсов
малого фермерства

Условия	Тенденции влияния
Государственная аграрная политика	Высокая стоимость и малая доступность самостоятельного кредитования; слабая компетентность работников госструктур, курирующих целевые программы развития фермерства; субъективность восприятия государственных инициатив выражается в двойственности воздействия на процессы развития фермерства, как: - создание необходимого социального импульса для развития фермерского сегмента; - излишняя бюрократизация и создание социальных барьеров процесса поддержки хозяйств
Образовательный контент	Тенденции роста представителей малых К(Ф)Х, имеющих высшее профессиональное образование, сопряженная с необходимостью приобретения (обновления) специализированных фермерских компетенций для значительного числа – участников фермерского движения; слабое обучение азам предпринимательства в школьных и вузовских программах; распространение самообразования
Жизненная среда сельского социума	Консервация архаики социального пространства, сохранение процесса выдавливания деятельного населения из сельской местности
Социокультурные ориентации субъектов деятельности	Слабое культивирование рыночных качеств, необходимых для организации и распространения малых форм аграрного предпринимательства; сохранение низкой предпринимательской активности и мотивации вынужденности фермерской деятельности

Заключение.

По итогам проведенного исследования установлено, что очертания современной конфигурации социоресурсного потенциала малых форм хозяйствования, определяющего перспективы их хозяйственной и социальной деятельности, обусловлены влиянием ряда условий и факторов. Системные представления погруженности социоресурсного потенциала малых форм хозяйствования в «поле» ряда условий и факторных воздействий позволил определить основные векторы их влияния. Мера восприятия и опосредования индивидом ряда условий и факторов, важных при фермерском способе хозяйствования, позволила разбить их на ряд социально-экономических условий внешней среды и интенции внутреннего потенциала субъекта деятельности.

Выявлены субъективные особенности восприятия и воздействия внешних институтов, формирующих либо деформирующих социальные условия для развития малого фермерства, заключающиеся в двойственном влиянии на процессы развития фермерского сегмента. Анализ воздействия основных условий внешней среды, представленный государственной политикой, целевыми программами развития фермерства, доступом к финансированию проектов, административными барьерами, образовательно-квалификационным потенциалом субъектов фермерской деятельности, социокультурными нормами, характеризующие предпринимательскую активность и мотивацию фермерства в сельских сообществах, позволил определить преобладающий характер их влияния на формирование социальных ресурсов К(Ф)Х.

По итогам исследования установлено, что условия внешней среды имеют незначительное и слабо выраженное положительное влияние на процессы развития социоресурсного потенциала малых К(Ф)Х. Достаточно низко оценено положительное воздействие программ целевого развития фермерства, в основном из-за создания дополнительных трудностей по реализации предпринимательских идей в сельской местности. На наш взгляд, особо нуждаются в корректировке и регулировании неудовлетворенный спрос на участие в данных программах, местный протекционизм, лимит финансирования программ.

Анализ образовательно-профессиональных условий позволил установить, что предпринимательский контент слабо присутствует в начальном звене образовательной системы: только у половины современных фермеров наличествуют профессиональные знания, соответствующие данному виду деятельности. Более высокую оценку имеют системы специализированного предпринимательского образования и профессиональной переподготовки. Необходимо отметить отрицательное воздействие на развитие социального потенциала малого фермерства национальных социокультурных традиций, характеризующих ментальность большинства индивидов и общественное сознание сельского сообщества.

Несмотря на ряд присутствующих негативных моментов, содержащихся в общем направлении государственной сельскохозяйственной политики, она вне всякого сомнения несет явно выраженный стимулирующий контекст, создавая возможности желающим включиться в ряды фермерского сословия. Постепенно улучшающийся местный микроклимат, доступ к финансированию и значительная емкость местных рынков несомненно обладают достаточным импульсным воздействием на процессы фермеризации страны. Завуалированным потенциалом факторных возможностей в данной связи обладают условия корректировки образовательной системы и формирование общественного вектора благожелательного отношения к развитию фермерского сектора.

Список источников

1. Зубренкова О.А., Федотова И.О. Основопологающие факторы и условия успешного развития крестьянских (фермерских) хозяйств // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2015. – № 4(13). – С. 32–38.

2. Социология. Основы общей теории / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: Аспект-пресс, 1996. – С. 116–117; 330–333.

3. Нечаева И.В. Теоретико-методологические основания изучения условий и факторов формирования социальных ресурсов малых К(Ф)Х // Региональные агросистемы: экономика и социология. - 2021. - № 1. - С. 77-82;
4. Нечаева И.В. Деятельность малых фермерских хозяйств: ресурсный аспект // Научное обозрение: теория и практика. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 205–212.
5. Национальный отчет. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2019–2020 / О.Р. Верховская [и др.]. – URL: https://otchet_2020-red-2n-04-06.pdf (spbu.ru) /
6. Семенов С.Н., Бочарова Е.В. Ресурсы и резервы социальной интеграции в системе модернизации и устойчивого развития сельского социума // Научное обозрение. – 2015. – № 13. – С. 376.
7. Комментарии начинающих фермеров к программе «Как стать фермером с нуля» – URL: [http:// Программа «Как стать фермером с нуля» и льготы в 2020 году – Меркурий Россельхознадзор \(xn----8sbmbbmccjipfvkcfubdkla2b8cyk.xn--p1ai\)](http://Программа%20«Как%20стать%20фермером%20с%20нуля»%20и%20льготы%20в%202020%20году%20–%20Меркурий%20Россельхознадзор%20(xn----8sbmbbmccjipfvkcfubdkla2b8cyk.xn--p1ai))
8. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016. – URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/VSXP_2016_T_2_web.pdf
9. Бочарова Е.В. Непрерывное образование как фактор повышения профессиональной компетенции работников сельского хозяйства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 131–135.

References

1. Zubrenkova O.A., Fedotova I.O. Fundamental factors and conditions for the successful development of peasant (farm) farms. *Azimut of scientific research: economics and management*. 2015; 4(13): 32-38. (In Russ)
2. Sociology. Fundamentals of general theory / ed. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. - M.: Aspect-press, 1996. - pp. 116-117; 330-333.
3. Nechaeva I.V. Theoretical and methodological foundations for studying the conditions and factors of the formation of social resources of small K(F)X. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2021; (1): 77-82. (In Russ)
4. Nechaeva I.V. Activity of small farms: resource aspect. *Scientific review: theory and practice*. 2020; 10(2): 205-212. (In Russ)
5. National Report. Global Entrepreneurship Monitoring. Russia 2019-2020 / O.R. Verkhovskaya [et al.]. URL: https://otchet_2020-red-2n-04-06.pdf (spbu.ru)
6. Semenov S.N., Bocharova E.V. Resources and reserves of social integration in the system of modernization and sustainable development of rural society. *Scientific review*. 2015; (13): 376. (In Russ)
7. Comments beginning farmers to the program "How to become a farmer from scratch" – URL: [http:// Программа "How to become a farmer from scratch" and benefits in 2020 – mercury Rosselkhoznadzor \(xn----8sbmbbmccjipfvkcfubdkla2b8cyk.xn--p1ai\)](http://Программа%20«Как%20стать%20фермером%20с%20нуля»%20и%20льготы%20в%202020%20году%20–%20Меркурий%20Россельхознадзор%20(xn----8sbmbbmccjipfvkcfubdkla2b8cyk.xn--p1ai))
8. Results of the All-Russian Agricultural Census 2016. - URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/VSXP_2016_T_2_web.pdf
9. Bocharova E.V. Continuing education as a factor in improving the professional competence of agricultural workers. *News of Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science*. 2019; 19(2): 131-135. (In Russ)

Информация об авторе

И.В. Нечаева – кандидат социологических наук

Information about the author

N.V. Nechaeva – Candidate of Sociological Sciences

Статья поступила в редакцию 05.09.2021; одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 21.09.2021

The article was submitted 05.09.2021; approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 21.10.2021